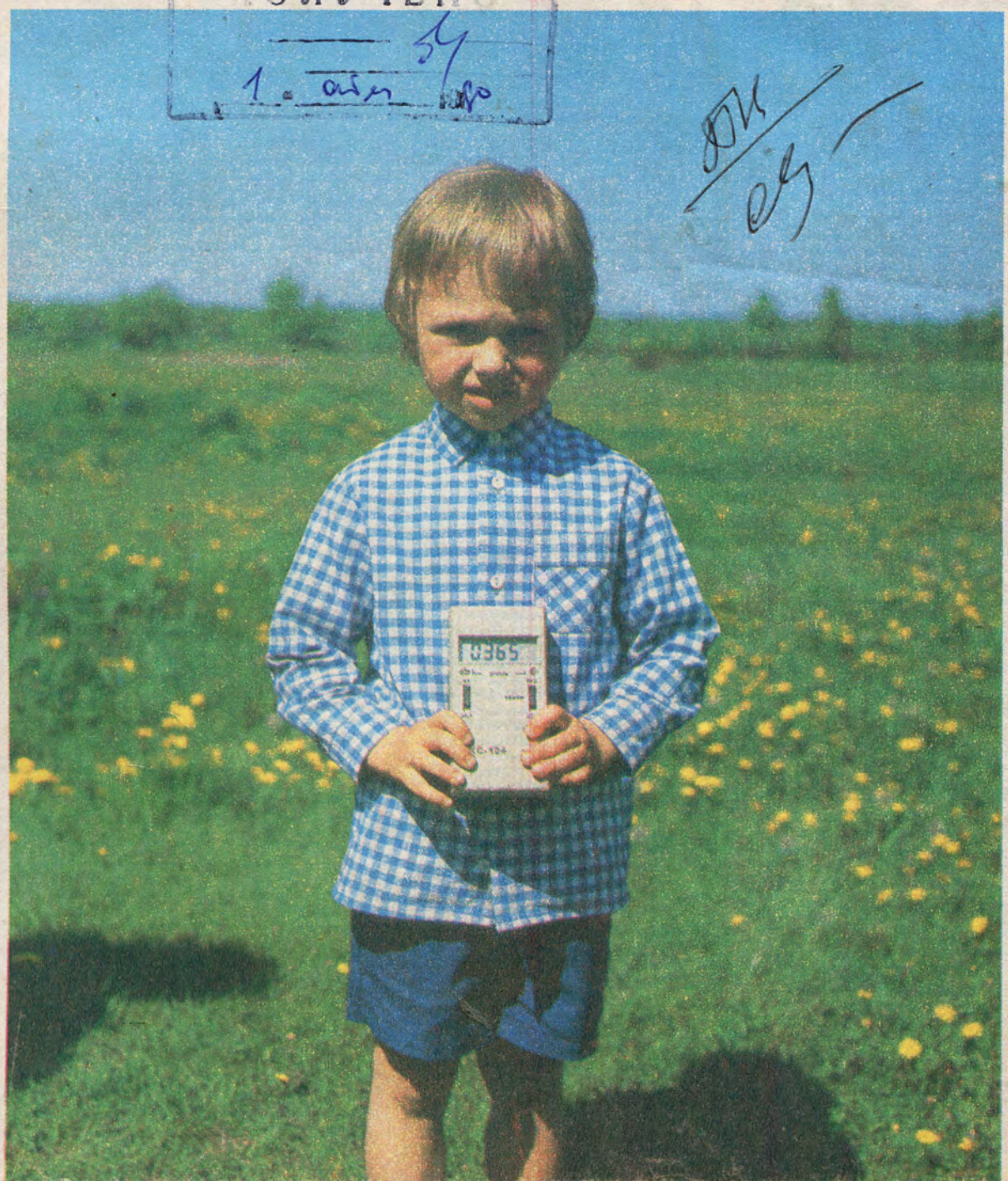

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

9 1990

Ежемесячный журнал
для родителей
Издаётся с мая 1946 года

В НОМЕРЕ

Главный редактор
В. Ф. СМЕРНОВ

Редакционная коллегия:

М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА
(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН

Редакторы отделов:

Н. АВТАМОНОВА
(семейного воспитания),
С. ВОЛЬШОК
(писем),
Л. ОСИПОВА
(эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН
(семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ
(литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ)

Редакторы:

Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА

Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
Л. ШУВАЛОВА

Технический редактор
Л. РОЗАНОВА

Макет и оформление
художника Р. Табачникова
На первой странице обложки
и наклейке фото И. Тимошенко
(см. статью «Игра со смертью»)

Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7
Телефоны редакции:
283-86-14, 283-80-09

	1	Г. Беликова. Игра со смертью
ПОДРОСТОК И ОБЩЕСТВО	4	Е. Жбанов. «Мы» и «они»
СТОП-СИГНАЛ	8	Яблони и яблоки
ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»	12	
РАБОТА УЧИТЕЛЯ	18	Р. Скрыган. Государство восьмого «А»
ШКОЛА И ЗДОРОВЬЕ	22	Н. Куинджи. Сколько дней в школьной неделе?
НОВАЯ РУБРИКА: «ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА»	24	З. Светова. «Ничего нет нужнее веры»
МУЖЧИНА И РЕБЁНОК	26	Б. Кочубей. Ответственная должность
СОБЕСЕДНИК	29	С. Долецкий. Отец — кто он такой?
МИР СПОСОБНОСТЕЙ	31	Н. Лейтес. Возрастная одарённость
ИЗ ПРОШЛОГО	34	Р. Медведев. О судьбе семьи Свердловых
КИНО	37	Т. Хлопьянкина. В ожидании Угрюм-Бурчеева
МУЗЫКАЛЬНЫЙ КЛУБ	39	
ВЗРОСЛЫМ И ДЕТЯМ — ОБ ЭТИКЕТЕ	46	И. Сафронова. Семейные будни и праздники
БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ	48	Н. Романова. Дайте кошке слово
РАССКАЗ	51	С. Полетаев. Атунка
КНИГИ	54	
А ЧТО У ВАС?	56	М. Ревнова. Потенциал здоровья
РАССКАЗЫ О КУЛИНАРИИ	59	Л. Исарова. Блюда-скороспелки
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ	61	
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	64	В. Алексеев. О картине Камилла Коро «Воз сена»

Сдано в набор 06.07.90. Подписано в печать 31.07.90: А 06409. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага «Котлас». Печать глубокая.

Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 12,46. Тираж 3060510 экз. Заказ 1408. Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати
107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати 142300, г. Чехов Московской области

Авторский почерк

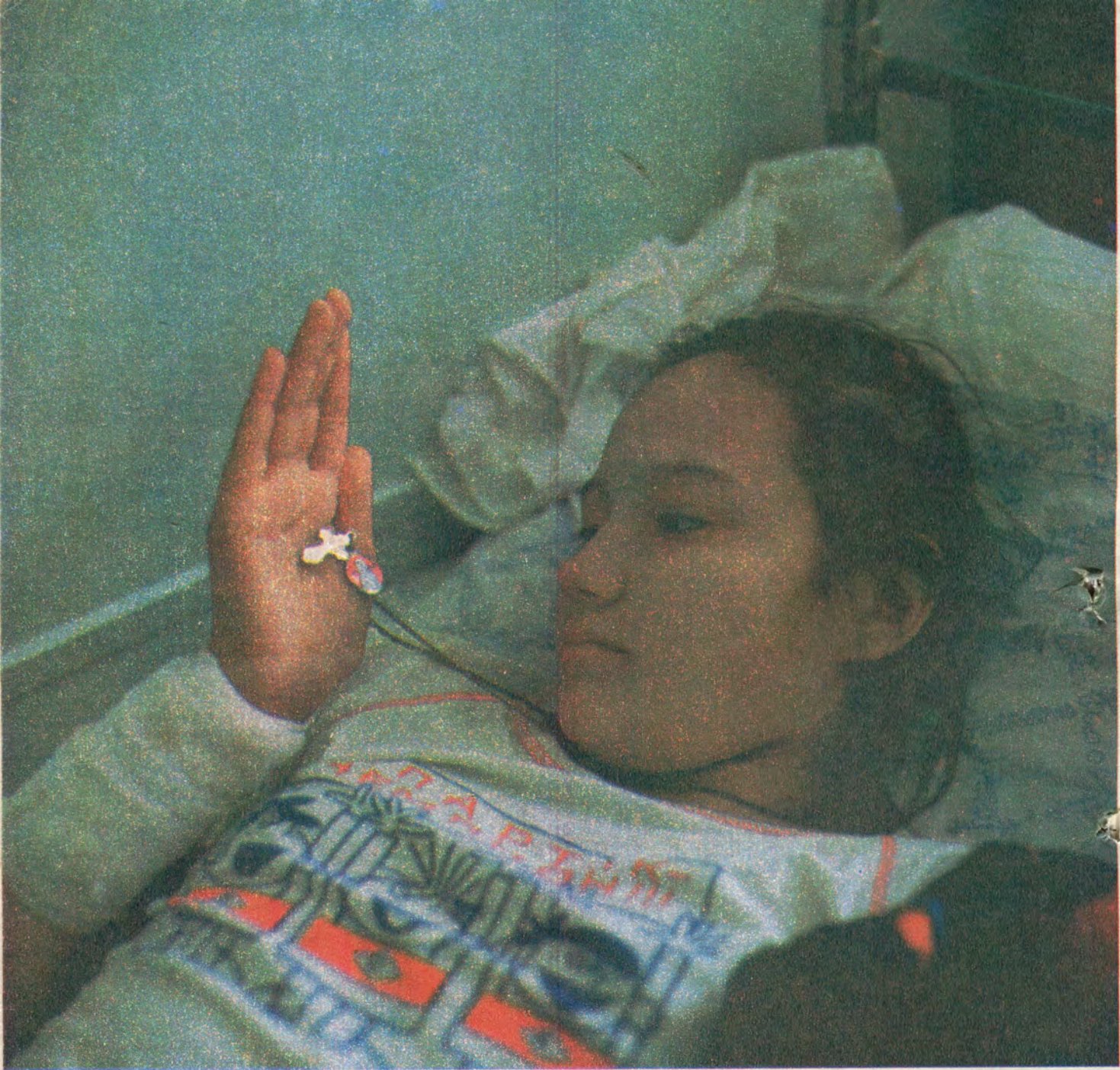
СЕРГЕЙ ПАРСАДАНЯН

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«Правду говорить легко и приятно», — замечает в беседе с Пилатом герой ныне широко известного романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Действительно, легко и приятно, согласиться с этим мог бы, наверное, каждый из нас. Но — не будем лукавить — лучше получается все-таки, когда говоришь правду не о себе, а о других. Вот совсем недавно писал я такие же вступления к публикациям рубрики «Авторский почерк» о творчестве своих коллег-фотожурналистов и подтверждаю: писать было и легко, и приятно. Так почему же вот сейчас, в этой попытке мини-мемуаров всё наоборот!..

В своем стремительном движении вперед, «к высотам коммунизма», мы часто забывали о своих корнях, о прошлом — вековом и совсем недавнем. Всё время нас грела мысль, что хоть сейчас и не очень, зато в будущем мы построим город-сад. У каждого поколения была своя мечта, по исполнению которой ожидалось наступление золотого века. Мечты многие исполнились, даже самая знаменитая — об электрификации всей страны, золотые же века так и не наступили. Бежим и спешим — к совсем уже размытым целям и больше, видимо, по инерции — мы и сегодня, однако всё чаще останавливаемся в самых неподходящих местах, кто для того, чтобы лучше разглядеть дорогу впереди, кто для того, чтобы оценить уже пройденную дистанцию. Думается, что эти остановки нужны; лично я, оборачиваясь к прошлому, всегда нахожу там для себя поддержку, черпаю вместе с воспоминаниями и новые силы. Пусть прошлое многие считают «пустыми сантиментами», я за сентиментальные путешествия, воспоминания о детстве, об отце и матери, о школьных годах еще никого не делали злым и жестоким, наоборот, они смягчают душу.

Окончание на стр. 58

ЧТО В ШКОЛЬНОМ ПОРТФЕЛЕ?

Не праздничной фотографией школьницы с бантиками и букетом открыли мы нынешний сентябрьский но-

мер — дозиметр в руках у мальчика словно взывает к нам: «Тревога, тревога!...» Да, Чернобыль — непре-

ходящая наша беда, боль и тревога. Но разве единственная?

«Мирный атом», разметанный из-за тупоголовой нашей безответственности на многие тысячи квадратных километров, оставил — и нигде не денешься — оставит еще горестный след в судьбах тысяч людей. Но есть и иная «радиация», которая — не побоимся сказать! — опаснее первой, ибо — повсеместнее. Это наша агрессивность. Наша нетерпимость. Наша готовность по любому поводу «подниматься на борьбу» — и неготов-

ность слышать, слушать, понимать других.

Все это — не минует детей. Любые домашние разговоры, любая брань, адресованная «им» (а «они» нынче — все на свете: власти, неформалы, кооператоры, бюрократы, инородцы, иностранцы...) — оставляют след в детской душе — пусть не осмысленный, но эмоционально значимый.

И хуже того. Та агрессивность, та готовность винить кого угодно, кроме нас самих, неизбежно обрушивается на тех, кто слабее, беззащитнее, безответнее. А дети — разве не таковы? При-

слушаемся к тому, как мы разговариваем с ними, даже с самыми маленькими. Сколько крика, сколько злобы по пустякам, сколько мелкого, пустого раздражения! И все это потом «распределяется» между самими детьми: от сильного к слабому, от бойкого к тихому, от группы, толпы, стаи — к одному-единственному, непохожему, «не такому».

А между тем нет естественнее условий, чем в семье, чтобы дать уроки внимания, понимания, заботливости, готовности прощать. Ведь в доме так или иначе каждый нуждается в заботе, всем приходится согласовывать и соразмерять потребности и самолюбия. Если к этому есть стремление — день за днем нарастает нравственный опыт у младших, оттаивают душой от житейских забот старшие...

Вот и постараемся: чтобы дети наши, в нравственном смысле «портфеле» принесли в класс не злобу, не нетерпимость, не стремление выместить домашние обиды на ком придется — а склонность к добру и миру.

В еще большей степени то же относится и к учителю. Один озорник и драчун может расстроить душу у двух-трех сверстников: возможности учителя, увы, шире — в его силах оскорбить, «завести», принизить целый класс, а то и — не один.

Почта наша здесь — не радуется: жалобы на учительскую нетерпимость, агрессивность, пренебрежение к детям, грубость, увы, растут.

А ведь и меры нет, какая на нас — взрослых воспитателей — лежит ответственность. Потому что именно мы — и, пожалуй, только мы — в силах погасить неосознаваемую, стихийную диффузную детскую агрессивность — и даже преобразить ее в энергию добра.

Так заглянем и мы в наш духовный «портфель» — что несем в школу? Неизжитый груз бытовых неурядиц? Склонность на кого-то переложить вину за тот облик нашего мира, который и создавался всеми — миром? Страх перед нашими питомцами, готовый чуть что обернуться злобой? Или же самым главным, самым весомым будет нравственная ответственность и стремление к добру?

ИГРА

со смертью

Галина БЕЛИКОВА

«Человек не скотина, ко всему привыкает» — такая, может быть, грубоватая фраза (оправдывает ее разве что происхождение: констатировал сей факт сам Лев Толстой) постоянно приходила мне на ум при наблюдении за обитателями города Наровли Гомельской области, что в Белоруссии. За жителями, проще говоря, зоны, заложниками Чернобыля.

Жители Наровли праздновали 9 Мая — День Победы. Праздничной колонной прошли ветераны, отплясали свое нарядные школьники; с площади празднество переместилось в парк культуры и отдыха. Конечно, праздник этот святой — особенно для Белоруссии, где погиб в войну каждый четвертый. Беспечность же праздника в этом городе показалось мне святотатством. Ведь Наровля — одно из самых опасных мест республики, а парк, куда перешли празднующие старики и дети, — одно из самых опасных мест в городе. Радиация в парке, в 50 метрах от танцплощадки — 150—380 микрорентген в час (в Москве, для сравнения, в среднем 14). Цезия-137 — 71 кюри на квадратный километр: стронция-90 — 2,3. (Данные приводятся по материалам Института радиобиологии АН БССР.)

Люди, шедшие в праздничных колоннах, казалось мне, идут на заклание. И не кажутся преувеличением такие слова: «Чернобыльская катастрофа» грозит гибелью белорусской нации, — считает один из лидеров Народного Фронта Белоруссии «Возрождение» Геннадий Грушевой. — Политика правительства в отношении «грязных» районов Белоруссии называется очень просто: геноцид.

Дозиметром, который раздобыл местный неформал Василь Сивак, мы измерили радиацию возле двух смеющихся молодых мамаш. Точнее: в колясочке одного из малышей — четырехмесячного Тарасика, который изо всех силенко беззубо улыбался и призывно тряс погремушкой. Цифры быстро доскакали до 270 микрорентген в час. (А на улицах, там, где постоянно моют асфальт, счет идет все-таки на десятки, в закрытых помещениях — и того меньше.) «Ну что ж вы здесь стоите, — стали мы прогонять беззаботных мам, — разве не понимаете, что здесь опасно?!» — «Ну, было б опасно, разве нам бы не сказали!» — отозвалась одна из них. Но отошли они все-таки со своими крохами на полметра...

Что ждет этих крох в будущем?

Давайте смотреть правде в лицо. Что их ждет, мы знаем: отчасти — на примере Японии. Хиросима привела к стремительному росту раковых заболеваний,

к появлению врожденных уродств и аномалий. Помните, как мы сострадали умирающей от лейкемии японской девочке, что клеила бумажных белых журавликов? Так вот, у нас есть все шансы выражать свое сострадание теперь уже соотечественникам. Хотя сводных данных по республике, как это у нас принято, то ли нет, то ли они засекречены, все же кое-какие цифры раздобыть удалось: в 4—6 раз увеличилась заболеваемость щитовидной железой (например, в Славгородском районе до 1986 года не было ни одного случая рака щитовидки, а за четыре послечернобыльских года (по данным народного депутата СССР, врача Зои Николаевны Грачевой, Славгород Могилевской области) их стало шесть. Наблюдается иррациональный рост переломов — так, в Гомельской области за это же время их число увеличилось в два с половиной раза. (А единственное логическое объяснение, если все-таки попытаться его найти, будет таким: стронций. Накапливаясь в костях, он делает их ломкими, хрупкими. Цезий же разрушает печень.) Распространенное в Белоруссии понятие — радиационный СПИД: самые обычные, распространенные болезни здесь сейчас протекают долго, сопротивляемость организма больных, по рассказам многих врачей-практиков, понижена. Привычные лекарства не помогают, приходится выписывать самые сильнейшие средства. Да что там говорить! Как пожаловались мне на улицах Наровли мамы ребятишек, банальная царапина, на которую раньше и внимания-то не обращали, сейчас становится проблемой: неделями гноится, месяцами не заживает... «Как по минному полю идешь, — определила одна из них, — не знаешь, куда ступить ребенку, чтобы выжил...»

Но, может быть, все не так уж и страшно? Ведь японцы, раз уж мы себя с ними сравниваем, пережившие Хиросиму, непосредственно подвергшиеся радиационному воздействию, живут в среднем на 3—4 года дольше, чем все прочие их сограждане! Однако давайте не будем верить заявляющим это в центральной прессе новоявленным — по аналогии с «афганскими» — «чернобыльским соловьям». В том-то и дело, что сравнивать себя с Японией мы можем весьма условно: ту часть онкологических и генетических последствий, которую принесла нашим восточным соседям внешняя радиация, нужно дополнить непредсказуемыми, неизвестными еще мировой науке (мир будет изучать их на нашем примере) последствиями внутренней радиации.

И помножить на развал в медицине!

Источник внутренней радиации — это тит, цезий, стронций и плутоний, которые мы поглощаем с продуктами питания. Внутренняя радиация, которую мы постоянно носим в себе, тысячекратно опасней внешнего облучения: с «миной» с часовым механизмом, которая взорвется в наших потах, сравнил ее физик с мировым именем Михаил Малько. Экологически чистые продукты нужны, понятно, всем, однако они жизненно необходимы людям, подвергшимся внешнему облучению; только таким образом можно хоть как-то компенсировать урон, который наносится их здоровью.

А нам говорят, что урона, в общем-то, нет или он небольшой, и этот способ обходиться с жителями республики когда-нибудь назовут преступлением против человечности. Оказывается, все мы, с точки зрения тех, кто распыляется нашими судьями, после Чернобыля стали невосприимчивее к радиации: на территории страны с 1986 года действуют так называемые «временно допустимые уровни загрязнения продуктов питания». Чем загрязненные? Об этом из какой-то странной стыдливости умалчивается, но давайте расшифруем недоговоренное. Нормы предполагают загрязненность радионуклидами — радиоактивными частицами. Радиоактивность измеряется в распадах ядер радиоактивных элементов за секунду, называется эта единица беккерель. Например, если, скажем, радиоактивность воды составляет 370 беккерелей на литр — это значит, что за единицу времени в воде распалось 370 ядер цезия, стронция, плутония (из них цезия может быть 200, стронция 169 и плутония 1 и т. п.). Есть еще и такие «добавочки», как тритий и радиоуглерод, но, поскольку приборов для их измерения нет, они вообще выпали из-под контроля, и тритий и радиоуглерод мы поглощаем неизмеренными. Так вот, временно допустимые уровни (ВДУ) для Москвы, например, составляют 600 беккерелей на килограмм для твердых продуктов и 1000 беккерелей — для молока (в Японии, для сравнения, эти цифры соответственно: 100 и 300).

В Белоруссии же ВДУ таковы: молоко сгущенное и масло сливочное — 1110 беккерелей на килограмм, свинина — 1850, говядина — 2960, картофель, овощи, фрукты и ягоды — 740. «Проблема столь длительного внутреннего облучения такой большой популяции, какой является покамест белорусский народ, — прокомментировал эти цифры М. Малько, — не изучена, но я думаю как специалист, что от народа через поколение мало что останется».

На зараженных землях Белоруссии до сих пор ведется интенсивное сельскохозяйственное производство. Более того, год от года оно становится все интенсивнее. Например, совхоз Сутково, который находится на территории Хойникского района — его земли вплотную примыкают к зоне отчуждения, отгороженной колючей проволокой. Тракторист в respirаторе работает там в трех метрах от «колючки». В 1985 году план по мясу в совхозе был 350 тонн, в 1989 — 525 тонн, в полтора же раза увеличили план и по молоку. «Вы уверены, что производите «чистую» продукцию?» — передал свой разговор с директором сов-

хоза Геннадий Грушевой. «Я знаю, что мы производим «грязную» продукцию, — ответил тот, — но два года мы пытались списать хотя бы пятьсот гектаров самой загрязненной земли, продукцию с которой увозят куда-то и там сжигают ли, захоранивают ли, не знаю, что делают... Обращались в самые разные органы Белоруссии, но эти земли не только не списали, а еще в 1989 году добавили 124 гектара, которые раньше не использовались из-за радиоактивности».

— А в целом по Хойникскому району, — резюмировал Грушевой, — где шесть хозяйств были все-таки отселены, где 26 процентов земли выпало из обращения, план по сельхозпродукции по сравнению с 1985 годом вырос на 15 процентов. Что это значит? Это значит, что всё сдавали сверхрадиоактивное! А что делают дальше? Дальше мясо, например, к которому подходит в respirаторе, смешивают, что ли, с чистым — и, пожалуйста, получают допустимый уровень радиации!

Интенсификация производства зараженной сельхозпродукции типична для Гомельской области: в совхозе Калинина план по молоку с 3280 тонн в 1986 вырос до 4550 тонн в 1989 году, в колхозе «Припять» соответственно — с 960 до 1980. Оказалось даже — мощностей перерабатывающей промышленности недостаточно, и сейчас в Калинковичах — прямо на Припять — строят вторую очередь мясокомбината.

Вся эта «грязная» продукция съедается детьми, будущими матерями, пенсионерами. Но еще и — настоящими матерями, и будущими отцами, и теми, кому еще десять лет до пенсии, — всеми, росячком пера обреченными на вымирание. А все они — хотят жить...

А «условно чистые» продукты, как год назад кто-то на митинге в Чудянах бросил фразу, облетевшую всю Белоруссию, делают всех нас «условно здоровыми» людьми. А завтра мы будем считать «условно живыми» людьми!

В любой другой стране мира лица, допустившие выпуск подобной «условно чистой» продукции на прилавки, оказались бы под судом: превращение граждан в «условно живых» людей чревато там уголовным наказанием. У нас же, думается, стоило хотя бы обнаружить имена тех «благодетелей»: документ № 7/375 ДСП от 12 мая 1986 года, адресованный облисполкомом, Минскому городскому исполкому, министерствам, ведомствам, штабам ГО БССР, введший человеконенавистнические «допустимые уровни», — подписали председатель Белагропрома Хусанов, бывший министр здравоохранения республики Савченко. Корма, которые этим же приказом разрешается скармливать животным, настолько радиоактивны, что, по мнению компетентных специалистов, представляют собой вещество, работать с которым можно только в лабораторных условиях, в respirаторе и в перчатках... Коровы, которая в течение двух дней поест рекомендованные корма, становится радиоактивной коровой.

По иронии судьбы, ушедший на пенсию Савченко является в данный момент — кем бы вы думали? — председателем Фон-

да милосердия Белоруссии. И он сейчас призывает народ вносить деньги на помощь жертвам Чернобыля...

Молока, особенно сгущенного, в Белоруссии опасаются более других продуктов. И как изощренно местные власти преодолевают этот страх!

Вот какая история произошла непосредственно со мной. «Берите молоко! — радужно предложила мне буфетчица автостанции. — Импортное! Люди коробками у меня брали, для детей!» — подогрела она мой покупательский интерес. Банка, действительно, была необычная: не примелькавшаяся блекло-голубая этикетка — красивый малыш, уплетающий молоко. И написано не по-нашему... «Производство СССР, — разобрала я английский текст, — внешнеторговое объединение «Продинторг», Москва. И попросила у любезной буфетчицы накладную. «Импортный» продукт оказался даже не московским. Изготовлена сгущенка в городе Глубокое Витебской области, на Глубокском молочноконсервном комбинате, 24 июня 1989 года, сменой № 2, номер варки 41. Попытка обмануть простодушных?

К сожалению, нишее наше здравоохранение оказалось полностью безоружным и в борьбе с радиацией. Огромные, в том числе и в валюте, суммы, пожертвованные в Фонд Чернобыля, за исключением даже той львиной доли, что пошла Минатомэнерго СССР, за исключением тех миллионов, которые выбросили просто на ветер — на строительство в районах, подлежащих отселению (той же Наровли, Чудянах), жилья, школ, бань, стадионов, санаториев, все равно не попали в сферу практического здравоохранения. По приказу Минздрава СССР, всем, что связано с действием радиации на организм человека, занимается НИИ радиационной медицины, созданный в Киеве после катастрофы и имеющий отделения в Москве и в Минске. Туда же, естественно, попали и все медикаменты, все оборудование, все редкие и дорогостоящие препараты. Районные же больницы, по наблюдениям Г. Грушевой, обездвигнутой зону вдоль и поперек, остались с тем, с чем были: там отсутствуют медикаменты, оборудование, простейшие вспомогательные средства, то есть перезачисленные материалы, шприцы. Неукомплектован на 50 процентов штат врачей: если медсестры и санитарки еще остаются на своих служебных местах, то врачи, лучше других понимающие, с чем ее, эту радиацию, едят, выезжали из зараженных местностей одними из первых... В итоге получилось: районные, городские, областные больницы лишены права диагностировать и лечить поражения лучевого происхождения, а в научно-исследовательские учреждения (НИИ) массовому больному не пробиться; туда попадают или очень больные, или сверхнастойчивые. «Обыкновенный же, средний человек из глубинки, — говорит Грушевой, — в массе получал в районах диагноз, не связанный с радиацией: анемию, различные расстройства. Возвращался к себе, безропотно болел — и умирал!

Впрочем, умирал чаще не там. Смертность меж тем — странным образом — в Гомельской области падает. Объясняется это чудо простейшим образом: безнадеж-

Фото И. Тимошенко

ные большие, чей летальный исход близок, транспортируются в Минск, Киев, Москву — поменьше расписываются по другим регионам и не «висят» уже за областью.

Два равносильных взгляда на действительность, две равновесных оценки своего положения — такое сложилось у меня впечатление — существуют в душе чуть ли не каждого живущего здесь человека. Первый — вера в то, что все не так плохо: было бы плохо, нам бы указали (эвакуировали, вывели, спасли...). Поддерживается он сложным комплексом: и, несмотря на все происходящее, сохранившейся верой «наверху думают о нас», и психологическими особенностями человеческой натуры, невозможностью для нормального нравственного чувства осознать и принять всю безнравственность создавшегося положения и с этим знанием жить... А второй — глубинное понимание истинного положения вещей. Не допускаемое, может быть, до сознания, оно проявляется в неконтролируемых словах, поступках. Отчаяние — и становящаяся с каждым днем все призрачной надежда на спасение; ощущение полной безысходности — и слепая, необходимая вера, что все не так, что ошибаются вдруг заговорившие об опасности ученые, делают себе имя на народной беде демагоги-

политики, выдвигающие требования скорейшего выселения из зоны... Эта вера не умирает. А как иначе родителям жить с ежедневным, ежечасным страхом за ребенка, за каждый его вдох отравленного воздуха, за каждый проглоченный им кусок с радионуклидами, за сорванную им с куста зараженную ягоду; ведь весь окружающий мир здесь враждебен человеку...

Психологическая, моральная, физиологическая нагрузка на живое существо в зоне превышает все мыслимые пределы.

Расплывчатая, рассчитанная на годы программа под названием «О ликвидации последствий чернобыльской аварии» (хотя о какой «ликвидации» последствий можно говорить? Речь скорее должна идти о сколько-нибудь сильном уменьшении их) вряд ли способна решить назревшие здесь, скрученные в тугой узел проблемы. Ведь помощь нужна людям не когда-нибудь, а сейчас, немедленно. «Через два года нас отселят», — так с горечью прокомментировала правительственные обещания мать-белоруска. — Через два года моему сыну домовина будет нужна, а не квартира.

Одни из самых стойких, терпеливых в нашей стране народов сейчас обращается к общественному состраданию.

Нужны чистые продукты для детей самого малого возраста.

Нужны адреса, по которым можно приехать семейным туда, где их встретят без испуга и отвращения. Прежние попытки выезда белорусов за предел республики породили у них стойкое мнение о неприятии их окружающим миром: детей на новых местах обитания сажали за отдельные парты, в детсадах кормили за отдельными столами, отгораживали кроватки, дразнили. Почти все, кто выезжал, вернулись.

Нужна добрая воля, которая поможет разомкнуть дьявольский круг, в котором очутились чернобыльцы. Если мы не сможем сделать этого, Чернобыль прорастет черной былью в наших душах, ибо только так отзовутся безропотные, молчаливые страдания народа, тихое вымирание целой нации. И тот бумеранг неизбежно вернется к каждому из нас.

Кто хочет, кто может помочь? Адрес такой: 247800, Гомельская область, г. Наровля, ул. Корзуна, 54/35. Сивак Василий Васильевич — председатель комитета «Самоспасение». Еще один адрес: 220082, Минск, проспект Пушкина, д. 47, кв. 89, Грушевой Геннадий Владимирович, председатель комитета «Дети Чернобыля» Народного Фронта Белоруссии.

Евгений ЖБАНОВ

„МЫ“

Чуть ли не принято стало: если уж заводить разговор о неладах с подростками, то нагнести сразу такое, чтоб волосы дыбом — не иначе!

Может, просто у страха глаза велики? Может, коллизии, заметно в нашей стране обострившиеся на исходе века, всего лишь эффект гласности? Может, то, что происходило вчера, но скрывалось за семью печатями, сегодня стало достоянием нашей информированности?

Но, увы, от правды не уйдешь. Нарастающая волна преступности среди подростков, причем в насильственных формах, — факт уже официальной статистики.

Само собой, рука с ножом впечатлит в разговорах куда сильнее, нежели просто кулак, тут и ответные ноты прямее и резче: «Судить!.. Сажать!» А если кому-то еще и досталось лично, то наивно и требовать благоразумных оценок, аналитического углубления в причины.

Да и о чем, казалось бы, еще говорить, коль вечерами на улицу стало опасно выходить («запирайте этажи, ночью будут грабежи»), а ухо обжигают новые и новые сообщения о зверствах, разбойных нападениях, рэкрете. Уже вооруженные формирования идут «район на район», уже и у всех на слуху: азербайджанские боевики, казанские ребята, брянские каратисты, люберы, ленинградские бомбометатели, московские рокеры... Пускаются в ход не только нунчаки (металлические палки, соединенные цепью), проламывавшие черепа из-за ондатровой шапки, и арматурные обрезки, разбивающие вдребезги защитные пластмассовые щиты внутренних войск, но и автоматическое огнестрельное оружие. И уже не только стихия: возникают формирования, так сказать, идейно-анархического толка, к примеру, СЭР (свобода — это рай), где культ расхристанности овеян по-своему переиначенными лозунгами революции.

Как свидетельствуют криминологи, нынешние преступления несовершеннолетних все чаще приобретают характер звериной жестокости и изощренного глумления над жертвой. Кстати, треть рэкетиров — подростки, да вообще треть всех преступлений в стране совершается молодежью, которая, как не столь давно любили повторять с высоких трибун, «у нас хоршая».

Естественно, первая привычная мысль — физически изъять всех нехороших («вырод-

ков») из гражданского оборота. Участились привычные нам призывы «не нянчиться» — расстреливать или навечно выселять на сибирские «острова» бывшего архипелага ГУЛАГ.

Но хочется верить, что за первой мыслью панического отчаяния последует все же и вторая, трезвая — вопрошающая: а кто же вырастил их такими — неприкаянными, ошестинившимися, озлобленными до помрачения ума?

Больно произнести: мы с вами и вырастили — сообща, всем миром и каждый из нас. А теперь вот шарахаемся в испуге, отрекаясь от собственного творчества...

Вспоминаю: как меня как градом камней засыпали откликами на опубликованную однажды (немало уже лет назад) в «Семье и школе» рецензию на фильм «Обвиняются в убийстве». Откровенно говоря, я не предполагал, какую чувствительную родительскую струну задену, когда писал, что за темными силуэтами убийц-подростков, сидевших на скамье подсудимых, стояли немые тени взрослых — тени тех, чья вина еще взыщется.

Меня готовы были растерзать за оскорбительное название «Из тихого омута», якобы намекающего на чертей из советской семьи, растерзать за то, что я вроде как оправдываю негодяев, размывая их социальную опасность, ибо исподволь как бы сваливаю их прямую вину на головы честных и порядочных граждан: никто же, дескать, их не учил убивать... Но этому и не надо учить: довольно того, что мы были слишком высокомерны к ним и никогда не считали мелких колючих обид, которыми населяли детские души — во всем, даже в мыслях, принуждая их быть подобием нашим, не видели злых усмешек и слез... Разве в семьях не подавали мы пример нетерпимости ко всему, что не похоже на нас? Разве в школе мы не называли слонятами и предателем того, кто умеет прощать?

Прощать умеет только великодушие — наш эгоизм взрослых умерщвлял великодушие в детских душах. И не более чем запугивающими «глупых пингвинов» мешанк доносились до нас из прошлого века предостережения одного очень мудрого француза: не злите детей — кто пожелает бить, будучи ребенком, тот захочет убивать, будучи взрослым...

Горько, знаете... Мы ведь и сейчас ни в чем не хотим измениться — и словно не видим, что уже стоим в разрыве времен, ошестинившимися двумя мирами — «мы» и «они».

Вот отрывок из письма, не так давно полученного мною от молодого инженера-конструктора Г. Воскобойникова из Краснодара:

«...Сейчас, когда я впервые решил написать в «Известия» свое послание, за окном под пьяные визги и матерщину на всю улицу орет и бухает магнитофон с записями «хард рока», хотя уже два часа ночи. Заснуть невозможно. Звонил в милицию, но никого что-то из блюстителей порядка не видно — даже уверен, что никто и не придет. Впрочем, до милиции отсюда всего 200 метров, там все слышно и без моего оповещения. Но, насколько я понимаю, обуздать настоящих хулиганов не просто — да и боязно. Не потому ли работники милиции и ухватились за двух пятиклассников, чтобы на их примере показать кипучую деятельность по борьбе с нарастающей преступностью?»

О том же, какие «чудеса» произойдут сегодня за ночь, узнаю, как обычно, когда приду на работу: беспроволочный телеграф не прерывается. Где убили, где изнасиловали — все известно. Но где же была милиция?

Стране порядок нужен, а не показуха и болтовня о порядке, которыми мы обьелись. Неужели не видно, что вся страна до сих пор погрязает в брежневском болоте приписок, в том числе и по борьбе с преступностью несовершеннолетних?

В конце концов, у меня хватает своих профессиональных обязанностей, чтобы еще додумывать, как они там «работают» — в милиции или суде. Я знаю только одно: каждый, кто закон нарушил, должен заранее чувствовать, что ему не будет места в обществе, не зная на его возраст. Почему после войны преступность резко сокращалась? Да потому, что преступников вырывали с корнем: виноват — отвечай! Правильно говорил М. Горький: если враг не сдается — его уничтожают. Как бешеную собаку.

Но когда невинového размазывают по стеклу вместе с отцом — уже сталинщина. Скажу честно: было обидно до слез, хотя никогда и не ощущал в себе слезоточивой sentimentalности, но меня

И „ОНИ“

на Комиссии по делам несовершеннолетних поставили в оскорбительное положение какого-то обманщика, даже не приняв во внимание, что я — секретарь парт-организации... Очень прошу разобраться в этом безобразном случае».

Письмо, как говорится, позвало в дорогу, точнее сказать — та, опущенная мной (чтобы после не повторяться) основная часть письма, где по горячим следам рассказывал о безобразном случае с двумя школьниками, легко понять, отец одного из них.

В журналистском расследовании на месте события, как водится, обрастаешь неожиданными подробностями, живыми впечатлениями самой жизни, бывает и так, что крики SOS оказываются ложными. На этот же раз мне открылся как бы новый социально-психологический слой в напластовавшихся проблемах трудного подростка — особенно важный в понимании ситуации, доведшей некоторых моих сограждан до истерических призывов «публично вешать». Недалек от этого, увы, и автор письма.

Я не без умысла привел именно финальную часть его послания, где, отвлекаясь от личного, разволновавшего его «до слез», он переходит к общим рассуждениям — и вдруг обнаруживает типичную самотность и жестокость.

Если вдуматься, то, наверное, все мы за долгие годы слегка «обелелись» — кто чем... Возможно, долголетний режим тотального коллективизма породил во многих прямо-таки зоологический эгоцентризм. Ну, в самом деле: справедливо полагая своего сына и себя невинно пострадавшими, исполненный праведного гнева и неприимности к хамству, формализму, бездушию, нежеланию местных властей разбираться в случае, затронувшем его лично, автор письма на любой «чужой» случай уже не находит в себе никакой милости, ни сожалений, ни сомнений. Дави, с корнем! Органы не ошибаются! Если, конечно, не ради красного словца, не в запале, то он вроде как и за человека-то не признает каждого, кого сочтут (а вдруг ошибка?) преступником; так что и чужая слеза, на чьей-то отцовской щеке блеснувшая (вообразите, подростка-сына его уводят из зала суда под конвоем), не более чем «слезоточивая сентиментальность». Не напоминает ли кое

о чем из времен сплошных прополок и выкорчевок?

К слову сказать, эгоцентризм сиюминутного покоя, в его мотыльковом мироощущении (мне сегодня хорошо, значит, всем хорошо...) как раз и закрывает глаза на завтрашний день. А тем, кто обычно видит панацею в массированных «выкорчевках преступного элемента», не дает ума понять: каждый приговор суда, лишаящий человека свободы — пусть обоснованно, строго по закону! — это уже потеря, списание в расход. И какими бы пышными гирляндами так называемого трудового перевоспитания ни увешивали колючую проволоку, все равно означает она путь в гражданское небытие, из ежовых рукавиц которого никому еще не удавалось выйти с неповрежденными душой и телом, разумом и совестью.

Мы боимся несовершеннолетних преступников, как боятся стаи одичавших бездомных собак, когда-то и кем-то брошенных. И никак не хотим осознать: каждый раз, побеждая преступную волю физическим подавлением, общество терпит моральное поражение (не потому ли обширная судебная статистика скрывалась десятилетиями?). И — расписывается в шаткости, слабосилии своих моральных устоев, особенно когда за колючей проволокой подростки. Криминологи (я имею в виду серьезных, а не флюгеров) давно пришли к выводу: все проблемы «трудного» подростка нужно решать «до того», а не «после», когда угроза колонией уже приведена в исполнение...

Так вот, в моей краснодарской поездке дамочек меч судебной кары (уж извините за избитую метафору) будет висеть как бы в отдалении, только еще напоминающая о себе грозным предостерегающим символом.

Собственно, предостережений у нас хватает: и выездные сессии судов, и судебные отчеты в газетах, по телевидению, радио и разного рода «профилактические» беседы и лекции... Но странно: угрозы, столь очевидные и понятные нам, взрослым, остаются как будто невидимыми и непонятными им, подросткам... По неразумению, возрастному легкомыслию? Но почему тот же подросток с барометрической чуткостью улавливает и принимает всерьез малейшую угрозу, исходящую от сверстников — и может поверить любой даже несуслазнице?

Не будем себя морочить: все он, разумеется, видит и понимает. Только — по-своему! И может, вся суть именно в том, что угроза судом исходит, куда ни кинь, от взрослых — под разными должностными масками, но с теми же, как дома и школе, ханжескими верованиями коллективизма и единомыслия. Не здесь ли симптом глубокой конфронтации — «мы» и «они»?

Вспоминая себя в нашей отрядной юности, мы смотрим на сегодняшнего подростка, словно бы вчерашними глазами наших воспитателей, как на сырую глину, из которой по заданной форме можно вылепить все, что надо, — не забывай лишь сверять желаемое с действительным. По собственной глуповатой доверчивости ко всему, чего бы нам ни внушали наши учителя и родители, мы уверены тоже: у подростка что на уме, то и на лице. Но нет — давно уж душа его, сторожкая и скрытная, не хочет выставлять наружу доверительных индикаторов: видимо, слишком грубо и ошибочно мы судили о ее состоянии...

Как же тогда судить о нем, подростке, сегодня? Как отнестись к тому, что на уме у него невидимо может созревать такое, от чего он и сам содрогнется — но уже «после»...

Еще не хулиган — но уже ухарь и сквернослов; еще не тунеядец — но уже недоросль, оседлавший родителей и привыкший требовать, ничего не давая; еще не пьяница — но уже не промах словить «кайф»; еще не грабитель — но уже способен вернуть карманы у первоклашек.

В Краснодаре я попал на заседание райисполкомовской Комиссии по делам несовершеннолетних.

За столом, посерединке, председательствует женщина.

— Ты за что, Гуткайло, его по голове ногой? — допрашивает женщина. — И это каратом у вас называется?

— Не знаю... Каратэ.

— А за что? За что ты его ударил?

— Я не помню...

— А сколько крови с учителей выпил? Помнишь?

— Это клопы пьют.

— Извиняться не будешь?

— Ну, извинюсь... Гуткайло хмыкнул.

Рассматривается присланный из милиции материал о хулиганстве Марьяна

Гуткайло с нанесением легких телесных повреждений. Из-за стола с белеющими бумагами семь человек недвижно, в упор глядя на рослого юношу. Вот он лениво подламывает одно колено и, обтянутый голубыми джинсами, становится как бы в позу торера. Кривая улыбка сводит резиную-смоглую щеку, сморщенный лобик уползает под косую, черным крылышком, челку — и лицо принимает издевательски глупое выражение.

Сидевший тут же, сбоку у стены, его отец, ссутулившись, с ладонями между колен, торопливо подтверждает кивками седоватой головы: «Он извинится... Извинится!» Но председатель нервно стучит по столу торцом карандашника:

— Да мы тебя в колонию! — голосок резкий, словно вилкой по стеклу. — Мы тебя сейчас! Сейчас!

— Да-да!? — смазывая нижней губой верхнюю, с черным пушком, ухмыляется Гуткайло. — Да неужели? Трясусь от страха...

Смотрю на него и мысленно вижу вот такого же, как он, — рослого, с загорелым лицом, только русоволосого да постарше немногими годами — Алешку Азарова.

Судебный процесс был на окраине Орла. Показательный, так сказать, в назидание устрашение «разболтанной молодежи».

Низкий и душный зал заводского клуба, с подмостками и рядами зрительских скамеек, уже казалось трещал по швам, не вмещающая желающих поглядеть на знаменитую физиономию хулигана Алехи... судили его за то, что вечером, одурев от «бормоты», он ворвался в женское общежитие, выломал чью-то дверь, опрокинул бачок с питьевой водой, пнул коленом в живот прибежавшего на крики коменданта. Да и вообще, как видно, здорово всем «надоел» — даже при том, что слыл незаменимым баянистом.

Я тогда намеревался написать статью о ритуальной стороне судебного процесса, о том, как психологически воздействует на присутствующих обстановка суровой торжественности. И, честно говоря, был ошарашен тем, что предстало передо мной в судебном заседании.

Шум, шарканье ногами, какие-то смешки, чмоканье леденцами, бесконечное хлопанье входной дверью, хождения туда-сюда. Все это как бы щекотало Алеху, поощряло развязность, с какой он, когда поднимается со стула, весь словно на шарнирах и будто собираясь отбить перед судьями лихую четветку, крутил лохматой головой и косился на каких-то девиц, забредших в суд, видимо, по пути на танцы (одним словом, «из жизни» пришло без поисков и название статьи — «Фемиды без храма»).

...Процесс продвигался своим чередом, выходили свидетели, новые и новые, и, поскольку каждое лыко тут было в строку, огульно приписывали Азарову какие-то кражи, дебоши, даже выбитое стекло (как раз в одном из окон того самого зала, где происходило заседание, и сквозившим пылью все лето). Алеха же не возмущался, не взбрыкивался, не возражал почти. Можно было подумать, что происходящее в зале к нему вообще никак не относится; и было ниже достоинства реагировать на всякие «глупости». А цепи домые-

лов наматывались и наматывались на колесо обшпений.

Скорее всего, Азарова подвела легкомысленная уверенность в том, что его только решили пострадать, как страшали прежде.

Но вот — гробовая тишина. И как удары молота:

«...к четырем годам лишения свободы... меру пресечения изменить, взять под стражу в зале суда...»

Вот возле ничего не соображающего Алехи вырастает фигура конвоира, а он, я помню, диковато оборачивается, смотрит в быстро и равнодушно пустеющий зал, кого-то ищет глазами. И жалкая, словно обманутая улыбка на его подрагивающих губах, на побледневшем лице.

Потому ли, что я видел его впервые, ничем особенно, кроме фиглярства, не выделявшимся, или потому, что и во всем фиглярстве его было много напускного, ребячьего (на миру, мол, и смерть красна) — но не показался мне он «выродком», как позволил себе выразиться прокурор. И вот теперь, глядя, как на Алеху дохнуло холодком колонии, сжалось сердце...

Умом, конечно, понимаешь неизбежность кары, быть может, необходимость ее. Но сердцем несогласаешься — чувствуешь какую-то противостоительность: неужели все эти семнадцать лет Алехиной жизни только на то и ушли, чтобы научить его пьянству, разрушительному буйству, лютости? И стыд чувствуешь: неужели сперва было «до фонаря» всем тем, кого непосредственно азаровские «художества» не затрагивали, а теперь и вовсе — наплевать: с глаз долой, так и не из сердца, а просто из памяти вон?

Те бесконечные свидетели, кто прежде поглядывал из-за штор, отмахивался, отмахивался — и кого, словно прорвало теперь, на суде? Чего же вы раньше-то? Неужели расчетливо ждали — как случай придет, чтобы уж согнуть в бараний рог?

А, впрочем, чего и ждать — много? Разве государственная соковыжималка не выдавливала из людей все лучшие побуждения десятилетиями, взамен, для самозащиты и самоохраны, оставляя лишь глухоту, несострадательное себялюбие? Люди утратили свои извечные обязанности перед людьми — никто никому и ничем, всё «до фонаря». Вот так же не чувствовал никаких моральных обязанностей перед людьми и Азаров. Навязывая коллективизм в круговой подотчетности одному лишь государству, аппаратная власть создавала, по сути, общество одиноких людей. Одиноким уходил «на ту сторону» и Алешка Азаров — оплакиваемый лишь матерью и сестрой...

Пожилый конвоир терпеливо сдвигает козырек на брови, с минуту недвижно ждет. Потом берет, как бы смущенно, Алешку под локоть, уводит и, вижу, качает со вздохом широким лицом: «Эх, парень, парень...»

А что с ним случилось, Бог весть...

Всегда вызывает тайный вздох сожаления суд над подростком. И гул сегодняшней толпы, стадный рев страждущих избавления: «дави его!» — не заставляют все же меня умирать руки: дескать, ничего не попишешь, сам виноват. И вот спустя

много лет я — вспомнил о нем, об Алешке Азарове, глядя на Марьяна Гуткайло.

«Да-а!? — ухмыляется он. — Да неужели?!»

Я сравнивал их, как сравнивают живое лицо с фотографией, и находил словно бы родственное продолжение одного в другом. Не в румянце, не в манере вести себя — нет, в той издевательской, какой-то «фиксацией» ухмылочке нескрываемого высокомерия к старшим. Еще их связывала в памяти моей одинаковость нагловатого непонимания того, что с ними происходит, перед кем и за что им должно быть стыдно, совестно. Разница была лишь в том, что первого обманула надежда на устрашающий спектакль с очередным прощением: второй же определенно знал, что его только припугивают: без суда ни в какую колонию отправить не могут.

Но какое потрясение чувств впредь, на всю будущую жизнь, вынес Алеха-Алексей Азаров из зала суда? Обиду? Страх? Раскаяние? Откровенно говоря, не знаю. Это знает только он сам. Хотя, насколько помню, даже в последний момент, производя впечатление раздавленного существа, он какого-либо угрызения совести не обнаруживал: ведь даже взглядом прощения не попросил у человека, которого ударом сбил с ног в коридоре общежития. А может, все это только внешне? Может, только ущербное самолюбие, воспитанное бараком взамен понятия чести, не позволило прилюдно прощение попросить? Может, втайне ему и самому, было гадко за свои художества?

А что Гуткайло? Какое чувство из первой встречи с правосудием вынес он, чтобы не стать Азаровым?

Его отца, как водится, оштрафовали. Я спросил председателя комиссии:

— Подает?

Пожала плечами:

— На сыночка едва ли. До армии, думаю, не дотянет...

Вот так. Бьем наугад по клавишам, ни мало не заботясь, какими звуками отзовутся...

Окончание в следующем номере

ЯБЛОНИ и ЯБЛОКИ

За окном сырость, а здесь сухо, тепло, вежливый, подтянутый персонал. Но почему-то так хочется на улицу, под мелкий дождь, вдохнуть сырой, влажный воздух. Невыносим вид боли на лицах, отразивших боль внутреннюю, душевную. Болью отзывается даже такая мелочь, как дверные ручки (а они здесь особенные — замки, как в психиатрических лечебницах). Я уж не говорю о случайно подслушанном разговоре у окна...

— Не буду я больше с тобой жить, хватит, — голос женщины срывается на тихий крик. — Как последняя дура, надеялась, что все, вылечишься! Ведь сколько тебя уговаривала, сколько сил стоило тебя уломать. И вот результат — двух дней не продержался после лечения. Да сколько же можно! Ни на час нельзя оставить одного! О, господи!

— Что-то плохо мне, — голос еле слышен. Молодой парень с пустым взглядом не замечает, кажется, никого вокруг, весь погружен в себя.

— Еще бы не плохо, без опохмелки-то, вон рожка какая! Опух весь от своей водки. — Женщина уже справилась с собой, но внутри все болит. Уже совсем тихо:

— Уйду, возьму детей и уйду! Может быть, хоть их спасу, чтобы не видели ни тебя, ни водки твоей проклятой...

Все это происходит в отделении генетики алкоголизма Всесоюзного научного центра наркологии Минздрава СССР. Я пришел сюда с письмами, которые прислали в редакцию «Семьи и школы» дети из семей, где отцы — алкоголики. Это даже не письма, а вопли боли. Как вынести им эту раннюю непосильную ношу? Откуда им ждать помощи? А что ждет нас всех при этом, каждому бывшему в глаза разливе алкоголизма? Очередная кампания борьбы с ним, непродуманная и безграмотная,

как ее теперь оценивают, кончилась. Что дальше? Обращаюсь за помощью к специалисту, руководителю отделения генетики, доктору медицинских наук **Валентине Дмитриевне Москаленко**, к постоянному ведущему и консультанту нашей рубрики «Стоп-сигнал».

...Я видел, как консультируют семью больного алкоголизмом, прошедшего лечение в Центре. Раздельно проводят беседу с мужем, женой, сыном. Молодая, симпатичная врач Т. Рожнова выступает перед группой коллег, рассказывая об этой семье. Итак, больной Т. Врач демонстрирует его генеалогическое алкогольное древо. Да, да, на схеме — не предки, памятные своим потомкам благородными делами. На этом древе отмечено, кто из родственников был подвержен запоям. Это необходимо для выяснения полноты заболевания и для прогнозирования здоровья будущих поколений. Прорисовывается такая картина: отец больного Т. пил и умер в состоянии опьянения; мать воспитанием сына не занималась, «пила, но в меру» (где эта мера? особенно для матери); бабушка и дед алкоголиками не были, однако и трезвенниками не были. На протяжении нескольких поколений практически все в этом роду варили самогон, поэтому Т., как выразился один из врачей, «дитя фабрики самогонотварения». Выстраивается цепочка из трех поколений: дед — самогонотварильщик, отец нашел смерть в алкоголе, сын его — больной Т. — уже болен, прошел через тюрьму (наезд на пешехода) и ЛТП.

Наконец приглашают самого больного. У него, как обычно, «все нормально». Работал шофером — попал пьяным в аварию, сбил человека («Ну что такого? бывает», «Пострадавшего не помню, не вспоминаю»). Теперь работает автослесарем. Разводит дома птиц. Говорит, что не

пьет после лечения в Центре наркологии, но дома «на всякий случай» держит бутылку вина. На все вопросы — стереотипные ответы: «Нормально», «Ничего», «А что такого?», «Хорошо». Создается впечатление, что он сам до конца не понимает, что болен, что ему до сих пор необходима помощь врачей, близких.

В. Д. Москаленко. Алкоголизм у мужчин, как правило, начинается в возрасте не позже 30 лет. Он не может возникнуть у 50-летнего. Женщина может заболеть алкоголизмом и после 30 лет, и после 50. Хотя последнее редко.

Болезнь определяется даже не количеством и не частотой употребления алкогольных напитков. Она определяется совокупностью признаков, которые может распознать только специалист.

Один раз заболев алкоголизмом, человек остается больным навсегда. В этом смысле болезнь неизлечима. Можно не пить три года, а выпив раз, возобновить течение болезни.

Возникает вопрос: выходит, что у алкоголика и его близких нет никаких шансов на нормальную жизнь? Вовсе нет. Возможна очень длительная трезвость — и тогда жизнь больного алкоголизмом ничем не будет отличаться от жизни вполне здорового человека. Тут только важно себя не обманывать, отдавать себе ясный отчет: что здоровому можно и безвредно, алкоголику — ни под каким предлогом. Ни бокала шампанского на Новый год, ни стакана в жару!

У алкоголика система ценностей сдвинута и перекручена. Все крутится вокруг выпивки. Все теряет смысл, если нет выпивки. Поэтому-то лечить таких больных очень трудно, ведь предстоит перевести их жизнь в другую систему ценностей. Поменять си-

стему ценностей пьющего на ценности непьющего общества.

— Если большой алкоголизм не властен над самим собой. Если в бессилии мучаются рядом с ним взрослые: жена, мать, муж, отец — принося в алтарь спиртному как жертву свою единственную жизнь, то каково детям при этом? Они-то уж совсем беспомощны. Письма детей в редакцию просто обжигают. Я процитирую некоторые.

«Мой папа — военный, часто приходит домой в нетрезвом состоянии. Один раз мои родители развелись, но их не развели. Мой отец давал расписку, что больше меня и маму трогать не будет, но этого он не оправдал...»

На одном из уроков мне стало плохо. Меня забрали на скорой помощи в больницу. Были очень большие побои (из-за того, что он меня высоко поднимал и бросал на пол), сильно болят суставы рук (он мне выкручивал руки)...» (Маша В., г. Киев).

«...Однажды ночью он нас спящих поднимал с постели, поставил к стене и приказал смотреть, как он будет вешать маму. В это время он держал в руке веревку, а мама стояла напротив нас с гвоздем...» Хотела побежать в милицию, он меня не пускал... обещая, что разобьет мне голову о батарею, если я буду защищать маму» (Света Б., Москва).

«Очень жалко маму, ведь она из-за отца болеет, и сестренку он не любит. Мне очень хочется, чтобы он заболел такой болезнью, чтобы пить было нельзя. А он как назло ничем не болеет...» (К. С.).

«...Пьяный он издевался над мамой, даже бил ее. Я постоянно живу с мечтой, что мама разведется с ним. Говорят, что дети, которые наслушались и увидели своих пьяных родителей, «не будут людьми». Мама не хочет развода, говорит, что не хочет, чтобы я росла без отца. А по мне — лучше без него!» (Без подписи).

В какую скорую, скорейшую помощь обращаться с этими письмами?..

В. Д. Москаленко. Легкого и быстрого способа помочь детям, вообще семьям в решении этой проблемы не существует. Специалисты работают с такими семьями годами. Но это там, на Западе. К сожалению, у нас нет специальных психологических консультаций, куда можно обратиться детям, женам алкоголиков. Однако наш Центр уже начал такую работу. В нашем отделении ведутся групповые занятия для жен алкоголиков; с детьми мы работаем индивидуально, а иногда, как вы видели, объединяем целые семьи.

Самому ребенку из семьи пьющих родителей крайне необходима эмоциональная поддержка. На бытовом уровне это решается очень просто. Ребенку необходимо, чтобы на свете была хотя одна душа, которой можно было бы все рассказать. Такая душа, которая не только бы выслушала, но и поддержала: «Ты знаешь, все твои проблемы, конечно, тяжелые, но вот у меня было нечто подобное. Я тебя понимаю, тут нужно...» И дело даже не в совете (хотя и в нем тоже), а в эмоциональном облегчении. Если бы эти дети смогли высказать свои проблемы учителю, родственнику, любому человеку, который к ним хорошо относится, они бы почувство-

вали облегчение. Потому-то они и пишут в журнал, что письмом, ведение дневника — это тоже средство облегчения души. У этих детей с эмоциями творится то же, что и с водопроводным шлангом, если бы мы закрыли его рукой и пытались сдерживать напор воды. Некоторое время нам бы это, может быть, и удавалось, но затем вода все равно бы хлынула с новой, иногда разрушительной силой. Чаще всего выход принимает форму агрессии. Вы думаете, откуда у нас столько агрессивных подростков? Да из неблагополучных семей. Причем неблагополучные это очень часто связано с алкоголизмом.

Больные алкоголизмом родители — плохие воспитатели, плохие хотя бы потому, что отца-алкоголика никогда нет дома. Не только тогда, когда он работает, но даже и тогда, когда он физически дома, — эмоционально он не готов для общения: он ведь не вникает в дела ребенка, не спрашивает его, как он себя чувствует, отчего его дочь, например, сегодня весела или печальна. Такие вещи, как забота о психологическом самочувствии, настроения, радости своего дитя, — ему не интересны. В конце концов ребенок привыкает обходиться без такого родителя. Как и с чем подойти к отцу, если он или пьяный, недоступный, или трезвый, но эмоционально отсутствует, или вообще работает только на водку?

Если же пьет мать — это гораздо страшнее. Очень часто у пьющей матери мужа нет. Он ее давно оставил. Но у нее почти всегда есть любовник. Я не знаю, то ли это происходит от неразборчивости в выборе друзей, то ли водка требует обязательного собутыльника, то ли потребность в сексуальной жизни таких людей повышена... Опыение всячески способствует расторможению влечений. Следовательно, у детей матери-алкоголички или нет отца, или есть «друг» матери, который тоже обязательно пьет. Исследованиями мы установили, что 70 процентов мужей больных алкоголизмом женщин также оказались больными той же болезнью. Среди жен такой частоты не наблюдается. Так что дети матерей-алкоголичек страдают особенно, поскольку у них нет ни одного родителя. Тут налицо эмоциональная депривация, то есть лишение любой эмоциональной поддержки с обеих сторон.

Возьмем ситуацию вполне банальную для семьи больного алкоголизмом: отец пришел пьяный, буйнит... Могут ли дети повлиять в это время на поведение отца?

В. Д. Москаленко. Ни в коем случае. Они должны уйти в другую комнату, спрятаться, молчать. С пьяным вообще не следует разговаривать. Единственное, что они могут сделать, — помочь раздеться, уложить в постель, а если будет рвота — проследить, чтобы он не захлебнулся. Ни детям, ни жене не следует подтирать за ним. Надо все это оставить до утра, чтобы все это сделал сам — не для наказания, а для того, чтобы представил себе последствия своего поведения. Если за ним все время убирать, то алкоголик никогда в полной мере не осознает того, что происходило в доме, когда он пришел пьяный.

Состояние опьянения у одних больных всегда сопровождается агрессивней, у дру-

гих — никогда. Пьяного спровоцировать на драку всегда легче. И тем не менее есть люди, которые ни при каких обстоятельствах драться не будут: все зависит от темперамента, от личности. Если отец (муж) пришел домой пьяный — лучше к нему не подходить вообще, а вот потом в трезвом состоянии с ним необходимо поговорить. Более того, я бы посоветовала ребенку и матери объединиться при обсуждении поведения отца. При этом тон разговора должен быть спокойным, очень серьезным, настойчивым: ты — болен, и с этой болезнью необходимо что-то делать...

Комната, где проходит консультация, — проходная. Из нее — дверь в другое помещение, которое перегорожено крепкой металлической решеткой. Решетка предназначена не для пациентов, она для охраны дорогостоящего оборудования. Тем не менее впечатление тягостное. Из разговора с врачами узнала, что ее хотели покрасить в белый цвет, а потом передумали: решили, что решетка должна быть решеткой и нечего ее приукрашивать. Так как же помочь человеку преодолеть «страх решетки» и прийти в Центр?

В. Д. Москаленко. Конечно, не все идут к нам по доброй воле. Многие считают, что они не больны алкоголизмом. Однако отрицание своей зависимости от спиртного — один из признаков алкоголизма. Но наступает такой момент, когда человек оказывается перед выбором. На работе не желают больше терпеть его запой, любимая женщина гонит прочь, дети ненавидят... Кстати, одно из средств, не всегда работающее, но довольно эффективное, — это когда жена ставит вопрос ребром: или ты лечишься, или мы разводимся. Если женщина не шутит с таким заявлением — это очень часто приводит к лечению. наших пациентов лечиться заставляют жизнь.

Пьянство и алкоголизм несут на себе печать порока. Люди так к ним, к алкоголикам, и относятся: это плохо, это стыдно, это позорно. Поскольку эта болезнь несет на себе печать порока (вспомним по аналогии СПИД), то каждая семья, где есть алкоголик, как бы находится в социальной изоляции. С трезвыми семьями, соседями, прежними друзьями нарушаются контакты, дети замыкаются, поскольку стыдятся пьянства родителей.

Многие жалуются на какой-то особый алкогольный запах в квартире, где живут больные алкоголизмом. Гораздо реже живущие с ними жалуются на свое здоровье. Женщина, сидящая перед нами, — жена Т. Выглядит хорошо, вот только подавленное состояние какое-то и повышенное внимание к шапочке на голове: как бы не съехала. Впоследствии выясняется, что от нервных переживаний на голове в общем-то красивой, молодой женщины образовались огромные проплешины. Все болезни — от нервов. Сколько же ей и сыну пришлось пережить! Тюрьма — ревность — импотенция — составные части мужниной болезни. Что же ждет в будущем? Катиться дальше вместе с ним вниз или остановиться? Но как? «Почему же, почему, — мучает меня вопрос, — она не разводится, не воспитывает ребенка одна?»

В. Д. Москаленко. Это своеобразный мазохизм жены: она получает неосознанное удовлетворение от того, что ее истязают. А нести крест, страдать — очень даже сладостно. Как говорил Достоевский: «Пострадать очень даже приятно», а уж пострадать за кого-то...

80 процентов лечившихся у нас мужчин состоят в браке, некоторые, правда, в повторном. Эта цифра говорит о многом.

Все женщины в психотерапевтической группе (а это — жены алкоголиков), кто с сожалением, кто с удивлением констатируют: для ребенка все делаем, а он все равно больше любит отца. И это верно! Потому что мать, жена алкоголика, становится жестокой, требовательной, почти бесчувственной. Чувства ее ушли в одну сторону. Она так занята проблемами мужа, что у нее все сознание сконцентрировано на часах и на окне, а внутри — напряженность, тревога, ожидание надвигающегося несчастья. Она эмоционально недоступна для своих детей, она не может уже заняться ни собой, ни ребенком, не может выполнять свою материнскую роль: детям невозможно поговорить с ней о своих проблемах и интересах. Она отвечает им «да, да, да», механически кивает, а сама думает: «Уже вечер, а его все нет. Наверно, опять пьяный придет. Получку принесет или пропьет, как в прошлый раз?» Более того, у нее со временем вырабатывается очень жесткий, контролирующийся характер. Мать так подавлена алкоголизмом мужа, что становится тираном для близких, контролирует до минуты время прихода мужа, отбирает всю до копейки зарплату, на обед дает ему ровно 60 копеек и т. д. Такой же стиль отношений она переносит и на ребенка: это ты должен, этого — нет, ешь то-то, дружи с тем-то, не ходи туда-то. Она даже не спросит, а что хочет ребенок, как он думает... Ни мягкости, ни нежности уже нет места, и к этому диктаторству ее подвело несчастье. Поэтому симпатии детей часто на стороне отца. Ведь бывают моменты, когда отец не дерется: он веселый, шутит, подарки дарит... А что немножко «тепленький», так это ничего... К тому же ребенок чувствует, что отец его действительно любит. Только он пока не понимает, как ущербна, как однобока эта его любовь. Она скорее похожа на искупление вины перед ребенком. Отсюда и подарки, которые любят делать своим детям многие отцы-алкоголики. Зато, когда нужно настоящее участие, там он несостоятелен. Такой отец постоянно не держит слова, данное ребенку; обещал сходить с сыном на футбол — не сходили, поскольку пришел пьяный. Следовательно, ему нельзя доверять. Вот это-то и производит на детей колоссальное негативное впечатление, они привыкают не доверять близкому, затем — никому.

Для детей свой дом (отец и мать олицетворяют его) — это Вселенная. Дом, семья укрепляют все лучшее в ребенке. Но здесь же может произойти и крушение детского мира.

Конечно, самое правильное, с медицинской точки зрения, если все дети, написавшие эти горькие письма, могли бы о своих проблемах говорить в своей семье. Это возможно, но... Матери не знают, что об этом можно говорить (более того, об этом

говорить необходимо!) и поэтому молчат. Ребенку необходимо понять, что же происходит с отцом. Если дочь возмущается: он плохой, он грубый, он такой-сякой, то матери следует объяснить: «Ты знаешь, может быть, это и так, но когда он ухаживал за мной, у него было так много хорошего... Сейчас с ним происходит что-то невероятное. Может быть, это — болезнь...»

Существует распространенное мнение: ребенок обязательно должен иметь отца. Более того, оно культивируется не только на бытовом уровне. Во многих исследованиях подчеркивается, что больные алкоголизмом происходят из неполных семей. Некоторые склонны видеть здесь причинную связь.

Но наши исследования говорят о том, что это не совсем так. Неполная семья только потому часто встречается, что она образуется именно в результате алкоголизма отца, реже — матери. Можно ли вырастить счастливого человека в неполной семье? Конечно, можно; правда, труднее. Здесь вся ответственность ложится на второго родителя. Родителям же необходимо знать, что для ребенка нет различия, болен его отец или мать алкоголизмом или только злоупотребляет спиртным. Он все равно страдает.

Неверно считать, что все дети алкоголиков — слабоумные. Нет. Конечно, многие из них далеко не гении. Просто средние.

С сыном больного Т. разговор ведется тихий, доброжелательный. Кажется, что мальчик несколько скован, хотя такое поведение подростка при большом консилиуме врачей вполне объяснимо. Круг интересов — довольно узкий: кино, музыка. Но вот у него в глазах появляется любопытство. Врач показывает ему «пьяную» родословную, объясняет ситуацию: кто в семье пил, как пил, как окончил свою жизнь... Люди больше верят тому, что видят, нежели тому, что слышат. Мальчик внимательно, с интересом слушает объяснения врача: когда алкоголизмом болен отец, у 60 процентов сыновей есть риск заболеть алкоголизмом, если они хотя бы раз пригубят спиртное.

В. Д. Москаленко. О том, что дети наших пациентов заболевают алкоголизмом значительно чаще своих сверстников, знает весь мир. Однако если ребенок твердо усвоил всего две вещи: что алкоголизм — болезнь очень страшная, неизлечимая и что риск заболеть алкоголизмом у него повышен, — то он может и не заболеть. Не будет встречи с алкоголем — не будет и алкоголизма.

У сына Т. представления о себе несколько размыты: что он может, что не может — знает довольно смутно. Духовной жизнью ребенка занимались в семье мало: до того ли? Хотя отец с сыном испытывают друг к другу симпатию (почему каждый сын или дочь должны ненавидеть своего пьющего отца?). Я бы сказала, что они даже дружны, но вот качество их дружбы — убогое, в ней нет духовного содержания. Речь не о том даже, что они не читают вместе и не обсуждают прочитанное. Нет. Но ведь можно дружно вместе делать какую-то домашнюю работу, с интересом планировать загородную прогулку. Ничего такого в этой

семье нет: отец закрыт для сына, алкоголизм сделал свое дело.

У детей из семей алкоголиков существует множество проблем. Но одна из них в подростковом возрасте вызывает страдания: это неумение общаться со сверстниками, дружба не получается — результат хронической психотравмы. Жизнь с больным алкоголизмом и есть хроническая психотравма, долгая, нудная, из которой нет выхода: жить с такими родителями все равно надо. Хроническая психотравма разрушительнее острой, но кратковременной.

Сыну Т. 15 лет. Из них 13 он живет с настоящим, активным алкоголиком, у которого было все: и тюрьма, и ЛТП, и больница. В этой ситуации мальчик даже не ощущает себя несчастным. Нельзя вечно реагировать на психотравму...

Науке известно точно, что дети алкоголиков занимают одну из двух крайних позиций: или они следуют за родителем в своем отношении к алкоголю, то есть начинают пить, или наоборот — убежденные трезвенники. Объясняется это вполне логично: насмотревшись в детстве на тяжелое заболевание, разумный человек способен принять решение и твердо встать на позицию трезвости. Если же он к тому же и не глуп и еще прочитал или услышал от врача, что, будучи сыном алкоголика, он, возможно, наследует повышенную восприимчивость к алкоголю и наследственную предрасположенность к алкоголизму, то будет опасаться употреблять спиртное.

Алкоголизм — коварная, тяжелая болезнь, которая может встречаться в ряде поколений одной семьи. Наследственность здесь играет не последнюю роль, однако эту цепочку легко прервать, если усвоить, что людям с повышенным риском алкоголизма (а это в первую очередь сыновья и дочери алкоголиков) нельзя ни капельки пить. Конечно, наследственное предрасположение к болезни существует, но врожденного влечения к алкоголю нет. Так что можно спастись. Все зависит от образа жизни.

Повторяю, алкоголизм — это не наследственное заболевание, а болезнь, имеющая наследственное предрасположение. В этой тонкости — основания для оптимизма. Ответственный человек, если он имеет в роду алкоголиков, заботясь о судьбе своих детей и внуков, должен обратиться в медико-генетическую консультацию и выяснить степень риска для них алкоголизма и что надо сделать, чтобы снизить вероятность заболевания.

В нашей стране только 4,6 миллионов зарегистрированных алкоголиков (на 72 миллиона работающих). Думается, что реальная цифра (которая, как правило, в 3—5 раз выше официальной) будет гораздо больше. Страшная, пожизненная болезнь... В этом, по мнению Валентины Дмитриевны, «человечеству помочь нельзя, человеку — можно».

Существует несколько рецептов помощи тем, кому категорически запрещено пить. Так, одним из опасных, критических моментов является гнев и голод. Будьте спокойны, не будьте голодными! Чашка горячего бульона прекрасно перебивает желание выпить.

Второй момент — избегайте одиночест-

ва. Не будьте одинокими! Ищите женщину (мужчину) — друга.

Это советы больным, однако помощь необходима и всем членам семьи. Дети должны составлять особую заботу. Из-за незрелости личности или тяжелых взаимоотношений в семье и внушаемости, особенно под напором сверстников, они могут не устоять и принять спиртное, а это — конец....

Задача заключается в том, чтобы объяснить подростку индивидуально, тактично, не ранив душу, но чтобы он понял всю серьезность момента: он входит в группу высокого риска. Говорить всем без разбора «не пейте, не пейте, это вредно вашему здоровью», — все равно что греть улицу. Сказать же конкретному подростку, что он может заболеть той страшной болезнью, которой подвержен его, кстати, горячо любимый отец, — это совсем другое. Это действует гораздо глубже.

В. Д. Москаленко. Больше всего я удивляюсь тому, как много у нас людей, которые считают, что лучше скрыть проблему от себя, от близких, вообще скрыть, чем посмотреть ей открыто в глаза. Проблему необходимо осознать; осознать — значит, уже наполовину ее решить. Необходимо уяснить и понять: всегда ли был такой муж (отец)? Может быть, в нем есть много хорошего и следует обратиться к этим его положительным качествам? Я знаю случаи, когда ненадолго, но отец останавливался пить, потому что ребенок бросался ему на шею и просил об этом. Во всяком случае замалчивать свою боль, не обсуждать ее с детьми, с самим больным даже в кругу семьи — значит, «затыкать пальцем шланг».

Мы замалчиваем проблему в государственном масштабе, обрекая людей на сражение с ней в одиночку. У нас на эту тему и книг-то нет. А в США, например, только в 1988 году было создано и работало 234 программы психологической помощи детям алкоголиков. У нас нет ни одной.

Таким образом, детей из семей алкоголиков подстерегает не только генетическая ловушка. Но и невежество взрослых, передаваемое им, детям, по наследству. Оно, это невежество, как мы видим, многолико: от привычки скрывать свои личные проблемы до пренебрежения здоровьем настоящих и будущих поколений на уровне всей страны.

«Яблоко от яблони недалеко падает». Права ли эта пословица по отношению к детям из семей алкоголиков? Вряд ли. У мертвого дерева не может быть плодов вообще. Но если дерево еще плодоносит — за него необходимо бороться.

Беседу вел
В. ДИАНОВ

Письма

Не оставили в беде

Уважаемые товарищи!
Пишу вам потому, что не могу не написать. Я — инвалид первой группы: нет ног и очень слабое зрение. Но успел пройти хорошую трудовую школу. Работал в угольной шахте, рыбачил в океане, служил авиамехаником. Однако судьба повернула так, что я оказался прикованным болезнями к постели. И это произошло тогда, когда моя мать постарела. Нам обоим понадобилась помощь. И такие люди с добрыми чувствами нашлись.

Как-то сестра милосердия из Сафоново-ского Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца Наталья Григорьевна Кожекина привела к нам двух девиц. Это были семиклассницы Оля Тарасенкова и Наташа Вититинева. Теперь они учатся в девятом классе средней школы № 3. Мы узнали, что обе девочки осваивают медицинские азы в школьной группе «Милосердие», в которой проводит беседы Н. Г. Кожекина. Не теряя времени, девочки принялись за уборку. Оля протерла кухонную мебель, перемыла посуду, а Наташа вымыла пол в комнате. Работали они очень добросовестно и долго.

Всю зиму и весну мы радовались приходу девочек — очень они нам помогали. А весной умерла моя мама. Трудно высказать, как я по ней горевал. И думал, что в летнюю пору девочкам будет не до меня. Как же я удивился и обрадовался, когда на пороге квартиры я увидел Олю с братиком. Пришла и Наташа. Снова моя квартира засияла чистотой, полился в проем балконной двери свежий воздух! Хорошо-то как стало у меня на душе!

Подоспела осень, воздух охладился, надо было готовить

квартиру к зиме. И опять ко времени подоспели мои добрые заботливые шефы. Правда, они очень заняты в школе, и еще их посылают помогать селянам убирать урожай в поле. И все-таки выкроили время посетить меня, вымыли окна и утеплили. Когда работу девочки закончили, соседка Любовь Федоровна, осмотрев рамы, похвалила: «До чего ж добротню закончили!»

Спасибо вам, милосердные девочки!

Л. ГОРЮНОВ
поселок Горный
Смоленской области

Почему мы не откликнулись

В последнее время все чаще звучит слово «милосердие». Вот и в нашей школе оно зазвучало. Апрель и май объявили месяцами милосердия. Собирали литературу, металлолом, провели благотворительный концерт. Билеты для 1-х классов стоили по 10 копеек, для 2—8-х классов — 20 копеек, для 9—11-х классов — 40 копеек. Цена билетов для учителей 50 копеек. Из нашего класса деньги принесли только пять человек. И в школе нас стали позорить: «Как это так? Детям-инвалидам, сиротам жалко дать 40 копеек?»

Да не жалко, поймите. Просто неизвестно, на что эти деньги пойдут. Ну, купят детям на милосердные деньги автобус. А что толку? Смогут ли инвалиды пользоваться им, ездить куда-то, если этот вид транспорта для неподвижных пассажиров не подходит. Может, им другое нужно, может, в детском доме дети зубами стучат от холода. Допустим, деньги пойдут на коляски для инвалидов. Но ведь наши отечественные для инвалидов не слишком-то уж и приспособлены. Коляски нужны заграничные, а на рубль их не продадут. На наши сомнения и вопросы, куда пойдут деньги, никто не ответил.

Назвали бы конкретный детский дом или имена воспитанников, которые нуждаются в том-то — и мы внесли бы по 25—30 рублей. Не жалко, когда знаешь, что деньги, внесенные тобою, идут кому-то на пользу. Сводить милосердие к очередной кампании, как мы привыкли, — значит,

доброе дело загубить. Считаю, что помощь должна быть реальной, а не для галочки.

11 «В» класс
(23 человека)
г. Ленинабад

Жизнь продолжается

Когда муж ушел к другой, свободной и богатой женщиной, убивало всё: и предательство, и измена, и собственная немужественность, и страх перед будущим... Но больше всего — то спокойствие, с каким он нас покидал. Жизнь остановилась: я не могла слушать радио, смотреть телевизор, не было сил что-то делать, никого не хотелось видеть. Ни упреки матери, ни сочувствие друзей боли не облегчили. Не знаю, почему я ударила в чтение старых газет и журналов. И почему-то чуть ли не в каждом номере попадались письма таких же брошенных женщин или тех, кто оставил ради покоя детей своих испитых супругов. Среди них было немало таких, у кого жизнь, несмотря ни на что, не покатила вниз: сами выстояли и детей подняли. Одна оптимистическая заметка, другая, потом фотография счастливой мамы с четырьмя детьми. И тут же разбор разных ситуаций с советами психолога. Это был настоящий бальзам. Мне, наверное, как раз и не хватало веры в себя. Я читала до тех пор, пока во мне не окрепла вера — я тоже смогу.

Силы черпала только в себе: это тяжело, но возможно. Главное, не позволять себе озлобиться, распухнуться. Дети должны расти в атмосфере радости, в доме исключаются уныние и скука. Все свое время я провожу с детьми: участвую в играх, пою песни, я выучила их любимые, а они — мои. Читаем по вечерам. Девочки сами уже читают, но особенно любят слушать, прижавшись ко мне с двух сторон. Все по дому мы тоже делаем вместе: ранние малыши больше мешали, но я делала вид, что без них не обойдусь, и не забывала хвалить. Теперь помощь ощутима. У нас всегда много друзей моих детей, стараюсь, чтобы всем было интересно. Я часто девочкам говорю ласковые слова, никогда их не отталкиваю, даже если очень

занята или устала. Стараюсь научить их любить друг друга; с одной договариваемся сделать что-то приятное для другой и предвкушаем, как сестренка обрадуется. И другую учу радоваться этому. Запрещаю употреблять грубые слова, даже в самых жарких спорах, терпеливо разбираю все конфликты, учу терпимости.

У нас нет запретных тем, стараюсь отвечать на все вопросы, даже и на такие — почему так поступил папа. Девочкам, конечно, тяжело, но я воздерживаюсь от приговора. Мы все вместе рассуждаем, ищем в отце хорошее и плохое. И успокаиваемся на том, что со временем папа обязательно поймет, что лучше для него в мире не сыскать. А если становится грустно, собираемся и едем к кому-нибудь в гости или на прогулку. Дети должны чувствовать, что они нужны и что их крепко любят.

Недостатки разбираем спокойно и наедине. Большие всего боюсь потерять доверие детей, взаимопонимание с ними. Поэтому стараюсь работать над собой и подавлять в себе вспышки злости или отчаяния.

Нельзя сказать, что я растоворилась в детях. Нет, я потеряла себя. У меня много друзей. Хотя мы часто переизжили, с соседями складывались хорошие отношения. Дома у нас всегда были чьи-то дети: и за моими никто не отказывался присмотреть. Хоть бабушки не было рядом, я всегда ходила в кино, на вечера, в ресторан с коллективом. Советовалась с детьми, что мне надеть, и они живо обсуждали и оценивали, как я выгляжу. Глазки восхищенные, потому что нет ничего приятнее красивой мамы. И разрешения на выход тоже спрашиваю у них, приговаривая, как мне хочется отдохнуть. И великодушно отпускают, проникаясь ответственностью, что дом остается на них.

Наверное, все, о чем я рассказала, — прописные истины. Но мой семилетний опыт подтверждает: если не опускать руки, семейное счастье не пройдет мимо. Когда-то мне помогли, теперь настал мой черед поддержать в женщинах веру в себя.

М. КУРКОВА
Воронежская область

А. Г. Орехов

ОПТИНА ПУСТЫНЬ ЖДЕТ

Уважаемая редакция!

К вам обращаются студенты исторического факультета Казахского государственного университета г. Алма-Аты.

В вашем журнале «Семья и школа» № 2 за февраль 1990 года мы прочитали статью В. Десятникова «Зажегши свечу», где рассказывается об Оптиной пустыни.

Мы хотели бы во время летних каникул поехать туда и оказать посильную помощь в восстановлении нашей реликвии.

Не могли бы Вы написать нам, что нужно сделать, чтобы приехать в Оптину пустынь и помочь? К кому обратиться конкретно?

Ответьте нам, пожалуйста.

Группа 15 человек.

Письмо студентов редакция адресовала наместнику монастыря Оптина пустынь архимандриту Евлогию. Публикуем полученный ответ:

«Северо-Введенский Монастырь Оптиная пустынь может принять студентов Казахского университета для работы по восстановлению обители.

В связи с тем, что в монастыре трудно с жильем, проживание возможно только в палатках.

Палатки и постельные принадлежности необходимо иметь с собой.

Эконом монастыря о. Михаил

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕМЬЯ И ШКОЛА»
Среднеазиатский филиал
Введенский монастырь
Светлой Пустыни
Введенского района
Киевской области
40130, Киев-21-02

Главному редактору журнала
«Семья и школа»
г. Москва, ул. Павла Кирягина 7

На № 2/8

Свято-Введенский монастырь Оптиная пустынь может принять студентов Казахского Университета для работы по восстановлению обители.

В связи с тем, что в монастыре трудно с жильем, проживание возможно только в палатках.

Палатки и постельные принадлежности необходимо иметь с собой.

Михаил

о. Михаил

Авторы письма были обо всем своевременно извещены. И надеемся, осуществили свое намерение. К сожалению, публикация к лету не поспела (журнал готовится заранее), но мы все-таки решили информировать читателей об «объекте», которому нужны добрые, работающие люди. Тех, кто предложит свою помощь в этом году или не преминет это сделать будущим летом, Оптина пустынь примет.

ПОСТРАДАВШИМ- ЦЕЛЕВНОЕ СРЕДСТВО

«Витаальменда» — организация при Международном центре Украинского фонда милосердия и здоровья, которая собирает под свои флаги всех тех, кто помогает или хочет реально помочь пострадавшим от облучения или от экологически неблагоприятных условий. В переводе «вита» — жизнь, «альменда» — земля для всех. Цель этой организации — прямое оказание помощи по реализации эколого-экономических проектов, в частности и Указа Президента СССР «О мерах помощи детям, проживающим в зоне последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Продукция объединения — витаминизированные фитокомпозиции из экологически чистых лекарственных трав, которые добавляются в медицинские препараты, продукты питания и напитки, что помогает снизить степень заболеваемости в результате облучения.

Первое спонсорное свидетельство выдано ее Королевскому Высочеству принцессе-цесаревне Великобритании — Анне.

Редакция журнала «Семья и школа» выступает участником программы «Дети Чернобыля» и становится спонсором «Витаальменды». Экспериментальная партия продукции, которую получит редакция как спонсор, будет безвозмездно направлена в Белоруссию, в частности в районы, о которых идет речь в статье Г. Беликовой «Игра со смертью», опубликованной в этом номере журнала.

Нужны новые спонсоры, которые предоставят экологически чистые земли, помогут наладить промышленное производство препарата. Причастность к «Витаальменде» освобождает предприятия от платежей в госбюджет. С предложениями обращаться по адресу: 252021, г. Киев-21, ул. Кирова, 30/1, расчетный счет 1700859 в Печерском отделении Жилсоцбанка г. Киева СФО 322090.

**Вниманию организаций,
предприятий, кооперативов
и просто деловых людей!**

**С 10-го номера этого года наш
журнал начинает публиковать
коммерческую рекламу.**

ОТЗОВИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ!

Сегодня многие американцы ищут друзей по переписке в СССР.

По мере улучшения отношений между Советским Союзом и США, крепнет дружба между ведущими переписку гражданами двух стран.

Согласно американской организации «Письма мира», помогающей найти друзей по переписке, тысячи семей и отдельных граждан Америки хотят переписываться с советскими гражданами.

Ричард Конарроу, директор этой организации, говорит, что вот уже восемь лет они помогают американцам установить связь с советскими людьми. Теперь, по его словам, тенденция изменилась, и инициаторами переписки выступают советские граждане. Он говорит, что американцы всевозможных профессий — специалисты, студенты, художники, фермеры, рабочие фабрик — с нетерпением ожидают писем от советских людей. Особенно школьники полны желания переписываться.

Конарроу говорит, что все письма от советских людей, которые получит его организация, будут переданы американцам соответствующих возрастов, профессий и интересов. Написание писем по-английски желательно, но не обязательно.

Letters For Peace

238 Autumn Ridge Road

Fairfield, Connecticut 06432

Письма следует
отправлять по адресу:

МЕЧТА СБЫЛАСЬ

Уважаемая редакция!

Прошу вас выслать мне адрес. Н. Митиной (г. Ковров Владимирской области).

Прочитала в № 4 за этот год ее письмо под названием «Конфеты — мечта?» и подумала, что маленькому человеку надо всего-то немного конфет, чтобы его вера в родителей осталась несокрушимой.

Вот я и решила прислать конфеты ко дню рождения Толи.

С уважением

А. ДМИТРИЕВА
г. Красноярск

Уважаемая редакция!

Прочитала в № 4 в разделе «Почта» «Семьи и школы» письмо Н. Митиной из г. Коврова Владимирской области «Конфеты — мечта?» Есть ли у вас полный адрес Н. Митиной? Если есть, то убедительнейшая просьба сообщить его нам. Быть может, я хоть немного смогу порадовать ее маленьких сладкоежек. Особо дефицитных конфет у нас нет, да и с обычными шоколадными конфетами туговато, но все-таки в соседнем городе у нас кондитерская фабрика. А наш городской хлебокомбинат начал выпуск довольно-таки неплохих вафель, печенья. Так что в ма-

газинах есть кое-что получше «морской капусты и черных макарон». В общем, если смогу чем-то помочь, то буду очень рада.

ЕЛЕНА ОБУХОВА
Свердловская область

В г. Коврове наряду с другими продовольственными товарами исчезли с прилавка и конфеты. Сладости, которые дети так любят, стали для них недостижимой мечтой. Но, как говорится, свет не без добрых людей. И пошли после публикации письма Н. Митиной в г. Ковров из разных республик, городов, поселков посылки с конфетами для Толи (всем, кто откликнулся, мы сообщили точный адрес Митиных). Редакция получила еще одно письмо от Надежды Митиной.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция!

Я очень благодарна всем, кто откликнулся на мое письмо. Вы даже не представляете, как мы удивились и растерялись, получив первую посылку, не зная от кого, номер журнала к нам тогда еще не дошел (почта задерживается почти на месяц). А потом посылки стали приходить почти каждый день. На все послания я ответила. Вы бы видели, как радовались мои дети! Толя в садик отнес почти все конфеты и угостил всех ребятшек, он раздает конфеты детям во дворе и тем, кто бывает у нас в гостях. Мы его не останавливаем, ведь конфеты присланы ему. Но он до сих пор никак не может понять, откуда на него свалилось такое великолепие.

Мы кланяемся до земли всем людям за их доброту и отзывчивость. Мы такого не ожидали! Но получилось не совсем хорошо. В письме-то я выражала обиду за всех детей нашего города. А вышло, что вроде бы только нам помогли. Понимаю, читатели всех не могут накормить. Но малышек жалко! В нашем городе теперь даже фантика на улице не увидишь, не то что ребенка с конфетой. Родители детей с конфетами не выпускают на улицу, чтобы другие не смотрели им в рот. Вот так мы и живем.

Очень мало у нас сейчас доброты осталось. Особенно ее мало видели наши дети. Говорят и пишут очень много. Но все без перемен. Хочется пожелать всем, всем — и детям, и родителям, чтобы дети были действительно счастливы в своем детстве. А также всем крепкого здоровья и побольше тепла друг к другу.

Надежда МИТИНА

Можно сказать, что Толе Митину повезло. Но можно понять беспокойство мамы за других ребятшек, которые так и не пробуют сладкого. К сожалению, дяди и тети из торговых ведомств по-прежнему равнодушны к детям. На выступление журнала откликнулись «частные лица», а те, кто отвечает за торговлю в городе Коврове, делают вид, что это их не касается — молчат.

острый сигнал

ПОЧЕМУ ЗАКРЫЛИ КООПЕРАТИВ?

Дорогая редакция!

Журнал ваш читаю, сколько себя помню. Маленькой читала то, что было предназначено для детей. Когда поступила в педтехникум, очень много полезного находила в журнале. А как только пошла работать, стала сама выписывать журнал. Спасибо вам большое за ваш журнал и от моих детей.

Хочу обратиться к вам за помощью. В прошлом году в журнале была рубрика «Обменный ребенок». Может, у вас есть адрес семьи из Ленинграда, которая могла бы предоставить нам комнату на 7 дней. У нас трое детей, младшему 8 лет, старшей дочери 13 лет. В Ленинграде никогда не были. Я работаю в детском саду воспитательницей. Очень хотелось показать детям Ленинград.

Мы же, в свою очередь, можем предоставить комнату для отдыха на любое время. Место у нас очень красивое, зона чистая. Вокруг городка озеро, рыбалка гарантирована, муж с сыном рыбаки. У нас четыре велосипеда, есть возможность пожить в селе. Все это будет предоставлено без ограничений. Можно побывать в Киеве, электрички на Киев от нас ходят каждый час.

Прошу, если можно, помочь нам.

Галина Илларионовна ШЕЙКО
г. Яготин Киевской области,
ул. Ленина, 82а/21

Совсем недавно с такими письмами не было никаких проблем. Редакция передавала их кооперативу «Семейный отдых», действующему в Ленинграде. Кооператив этот воплотил в жизнь идею, которую коротко можно сформулировать так: «Вы к нам, мы к вам». Идея эта пользуется популярностью во многих странах мира — дети из разных городов и даже разных стран приезжают на отдых друг к другу и живут в семьях. Кооператив «Семейный отдых» (журнал о нем рассказывал в № 5 за 1989 год) взял на себя труд находить и соединять тех, кто хочет побывать в другом городе или любом населенном пункте по приглашению семьи и в свою очередь готов принять с ответным визитом новых друзей. После заметки в журнале «Семья и школа» и объявления в еженедельнике «Семья» в адрес кооператива пошли предложения и предложения. Банк адресов насчитывал 700 писем. Не густо, но на то есть свои причины — время для таких начинаний — не самое благоприятное: Прибалтика отделяется, Армения с Азербайджаном воюют, у моря нужно ждать не только хорошей погоды, но и чистой воды. И хотя создатели кооператива, пенсионеры Е. Х. Каплунова и Л. Б. Житлин не имели никакого дохода: небольшие деньги, которые кооператив брал за услуги, шли на аренду помещения, оплату почтовых расходов, приготовление бланков, налоги, они не собирались бросать свое детище. «Некоторые письма просто за душу хватают», — писали нам ленинградцы. — Много больных детей нуждаются в пребывании на юге, родители слезно просят помочь. А сколько семей никогда не бывали в Москве, Прибалтике,

Ленинграде. Очень хочется помочь родителям, особенно из многодетных и малообеспеченных семей, осуществить задуманное». Худо-бедно, но дело спорилось до тех пор, пока не ввели новые налоги. Оказалось, что поскольку кооператив «Семейный отдых» — посреднический, казне он должен отдавать столько же, сколько, например, торгово-закупочные кооперативы, то есть 60 процентов дохода. А это значит — немедленное банкротство...

Нужный и полезный кооператив пришлось закрыть.

По этому поводу мы попросили дать разъяснение главного налогового инспектора Приморского райисполкома Ленинграда, где числился кооператив «Семейный отдых», Елену Васильевну Медведеву. Вот что она сказала:

— Закон не продуман. В нем записано: посреднические кооперативы облагаются налогом в 60 процентов. И никакой расшифровки. Вот мы и вынуждены всех стричь под одну гребенку. Думаете, «Семейный отдых» — один такой бедолага? Назову еще такой же — по обмену жилья. Цены за услуги мизерные, доходы невелики, а пользу приносит большую. Но — посредник, значит, и налог взимаем по той же ставке, что и с прибыльных торгово-закупочных.

Законы, как известно, пишутся в Москве, на местах их должны выполнять. Но, может быть, местные Советы возьмут на себя смелость отделить «овец от козлищ» и сами станут определять профиль кооператива в зависимости от того, чем он занимается. Разве нельзя, скажем, отнести тот же кооператив «Семейный отдых» к бытовому обслуживанию и установить соответствующую налоговую ставку?

Но пока срабатывает установившийся стереотип — «кооператоры-рвачи». Никто не хочет вникать и разбираться. Инициатива тех, кто вызвался помочь организовать интересный, полноценный отдых семьи в другом городе, оказалась наказуемой. Поэтому мы вынуждены написать многолетней читательнице журнала Шейко из Киевской области:

«Уважаемая Галина Илларионовна!

К сожалению, редакция помочь Вам не может».

П. СОЛОВЕЙ

ПРИГЛАШАЕМ В ГОСТИ

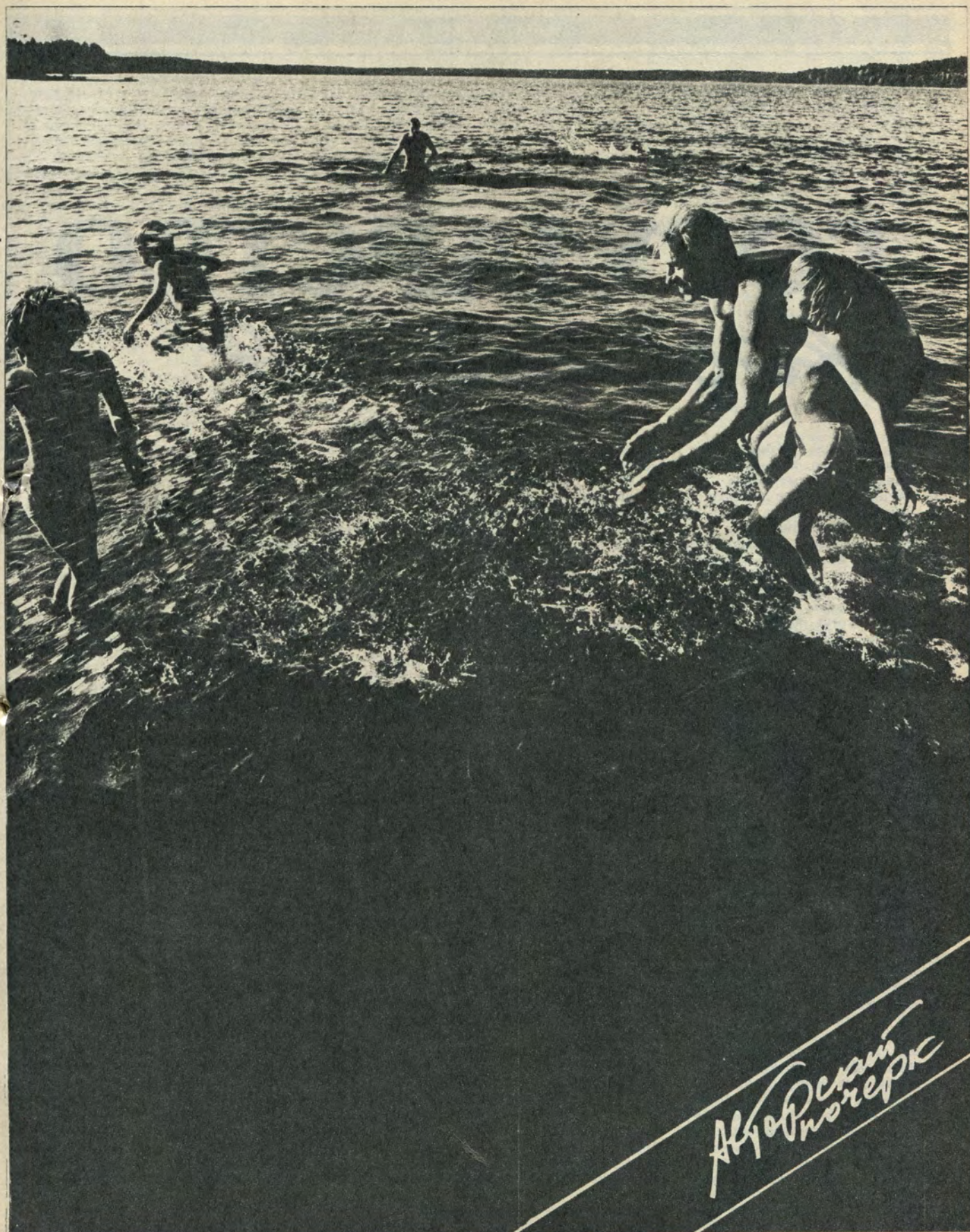

Уважаемые товарищи!

Пишет Вам семья Родионовых из небольшого города Кологрива Костромской области. Семья наша многодетная — пятеро детей, три сына и две дочки. Квартира хорошая, с удобствами, из трех комнат.

Мы могли бы принять на отдых семью или детей из зараженных районов Чернобыля.

Собщаем наш адрес желающим: 157440, г. Кологрив Костромской области, ул. Честякова, 3, Родионовой Татьяне Николаевне.

Андрей
Почерк

Раиса СКРЫГАН

ГОСУДАРСТВО

восьмого "А"

Продолжение. Начало в № 8 за 1990 год

Мне нужен был Прохоров, и я торопилась, потому что, как сказали ребята, «после завтрака он сматается». Дело для него обычное, но во мне закипела злость; и в таком состоянии, в толпе жаждущих поесть, я протиснулась в дверь.

Что такое школьная столовая, испытали, пожалуй, все. Явление это — чудовищное. Шум словно на передовой в разгар сражения: лязг металла, крики на визгливой ноте, вой, гром, топот. Трудно представить, как могут поварами работать, а дети завтракать-обедать. Но шум в школе — дело, в общем-то, привычное. Недаром ученики и учителя давно забыли, как звучат нормальные голоса, и везде — на улице, в транспорте, у себя дома — говорят на повышенных тонах, на расстоянии даже шага орут, словно стоят на другом берегу реки. Кроме того, школьный общепит отличается какой-то удивительной неразберихой. Завтракающие и обедающие — это клубок стоящих, сидящих тел, жующих и орущих ртов, блинчиков с вареньем, размазанных по полу и по столам, девочек с повязками, норовящих проснуться с тряпкой меж двух плотно прижатых друг к другу локтей, повозить той тряпкой по столу, затем ею же — по сидению и, может быть, при особой необходимости, по полу. Учителя как наиболее здравомыслящая часть здешней клиентуры, сознавая всю отвратительность происходящего, жмутся брезгливо в углу за своим столом, косо и с омерзением поглядывая на трясущиеся протянутые руки с зажатым в потных кулаках мелочью, на сваленную в беспорядке грязную посуду. Учителя стараются хранить достоинство, поглощая кофе и сырок, но то и дело вынуждены с полным ртом кричать, перекрывая гвалт: «Семенов! Не смей этого делать! Не смей этого делать, Семенов!»

Отлично зная, что происходит здесь на больших переменах, я старалась не присутствовать на трапезе учеников, за что получала выговоры завуча. Но мне нужен был Прохоров, и я вошла в этот бедлам, лавируя среди летящих, как снаряды, малышей, среди вот-вот готовых вылиться мне на одежду стаканов с какао. Вглядев-

шись, определила, где столы моего класса. Там все было нормально. Прохоров сидел спиной к выходу. Используя преимущество своего маленького роста, подошла к нему сзади. Дотронулась до плеча. Он резко обернулся. На его лице так глубоко отпечаталось выражение затравленности и настороженности, что, казалось, оно никогда не было по-детски безмятежным. Черты были не то чтобы некрасивы, — скорее, «грубая работа»: выпирающие скулы, мощные надбровные дуги, большой рот. Возможно, «истинным учителям» каждый ученик, независимо от внешности и прочего, должен внушать только любовь, только сострадание. Мне этот подросток не был симпатичен. И, видно, я не смогла скрыть своих чувств; перехватила озлобленный и в то же время испуганный взгляд. Пришлось взять себя в руки, чтобы спокойным и возможно более доброжелательным голосом сказать: «Коля! Хорошо, что застала тебя. Пойдем, надо поговорить». Реакция была неожиданной. Он просто смахнул мои пальцы с плеча и с наигранным равнодушием произнес:

— Да не пойду я никуда!

— Мне поговорить надо с тобой, понимаешь? (Самой было противно от этой лицемерной интонации.)

Ребята, окружавшие нас, украдкой поглядывали, не вмешивались и делали вид, что не обращают внимания на нас. А перемена кончалась. Мне надо было спешить на урок. Но уйти ни с чем значило навсегда подорвать свой и без того зачаточный авторитет! Поэтому, чтоб не сказать лишнего и не услышать лишнего в ответ, я просто стояла и ждала, когда он допьет какао.

Высокая красавица Инна Лозовская медленно поднялась, став выше меня почти на голову, откровенно сверху вниз посмотрела на сидящего Прохорова и, растягивая слова, сказала, брезгливо кривя губы:

— Прохоров, хватит изгиляться. Что ты нервы портишь человеку? Скажи спасибо, что с тобой классный руководитель по-человечески разговаривает, тебе же характеристика получится. — И как ни в чем не бывало пошла к выходу.

Народу в столовой поубавилось. Прохоров допил какао, но остался сидеть.

Звонок вот-вот должен был прозвенеть. — Классный руководитель! Без года не деля, а уже распоряжаетесь! Ты здесь сколько? А я — восьмой год! Мне твоя характеристика — тыфу!

Он сплюнул, я в полной беспомощности не зная, как на такое реагировать. К счастью, раздался звонок.

— Бери сумку и на урок.

— Не трогай меня! — Он выдернул локоть, обтянутый рукавом узкой и коротковатой курточки. Взял разорванную и сплюсненную сумку, пошел вперед. По росту он был выше меня, но сутулился, выглядел жалко. Плохо кормленный и запуганный. Мы прошли по застекленному проходу, впервые в жизни я выступала в роли конвоира. От этого стало совсем кисло на душе. Когда очутились в вестибюле, Прохоров рванул вбок — дернул задвижку на двери и, хлопнув так, что едва не вылетели стекла, выскочил из школы. Я не бросилась догонять — хватит на сегодня унижений!

Может быть, еще никогда в жизни не было у меня такого гадкого настроения. Выходит, за какие-то злосчастные тридцать рублей, положенные за классное руководство, всякий невоспитанный мальчишка может плюнуть в лицо, наорать, оскорбить? А заступиться за меня некому. Но я-то, между прочим, учитель! У меня и в дипломе так сказано — и не записано, что еще и классный руководитель. Меня этому уж точно не учили. А если бы и учили? Как я могу отвечать за этого Прохорова и его непутевую мать? Да разве я в состоянии изменить что-то в их жизни? И отчего никому, кто когда-то воспитывал и учил Николая, не хочется за него отвечать. Я одна распахиваясь за коллективную безответственность.

От всех этих мыслей раскалывалась голова... Но с другой стороны — если я после пяти лет ученья в педагогическом вузе ничего не могу изменить, пристало ли называться учителем? Бежать из школы надо!

Одним словом — очень мне было жаль себя...

В этот момент переговоров с собою, услышала я, что в кабинете кто-то ходит. Пришлось подняться и выглянуть из лаборантской. Там стояла незнакомая заплаканная женщина в цветастом платке. Она была некрасива и немолода. А может, мне показалось, потому что лицо ее не маскировала косметика и в глазах блеснули слезы. Из-под короткого плаща торчали пестрые полы халата. Увидев меня, женщина равнодушно заглянула в лаборантскую.

— Вы к кому?

— Мне бы классного руководителя...

— К вашим услугам... Это я, — добавила, чтоб не допустить иного толкования первой фразы.

— Вы?! — она без стеснения вытаращила глаза.

Чтобы окончательно развеять сомнения по поводу моих полномочий, я вышла на середину кафедры.

— Тогда... — она все еще не доверяла мне. Но выхода не было, — я к вам, Лариса Александровна, за помощью. Я — мать Антона. Совсем от рук отбилась, меня не слушает. Сладу никакого.

Я смотрела на уставшую женщину и думала: «Как страшно. Ее оставил муж, она с двумя детьми — одна. Измученный человек... И что это за муж, который так вот поступил!»

— А сегодня, — продолжала она, — гуляю с малышом во дворе, ко мне подошел этот толстый ваш, такой нахальный...

— Жора?

— Вот-вот, Жора-обжора его зовут ребята. И говорит: ваш Антон у меня дорогую вещь стащил — импортную зажигалку. Говорю, зачем она ему, он не курит. А этот нагло ухмыляется: «Много вы знаете! Вот и денег уже пятьдесят рублей должен».

Час от часу не легче. Чем же помочь? Сразу и не сообразишь... Насчет зажигалки — в это верится с трудом. Врет Кротенко. Сам кому-то продал или потерял, на Антона свалить хочет. И такого долга — не может быть! А если и курит папень, что тут такого; они сейчас чуть ли не все дымят — успокаивала я посетительницу. Коли Кротенко еще раз подойдет, посоветовала припугнуть, мол, и на него найдется управа. Он ведь трус, Жора.

Она всхлипывала уже с облегчением. Кажется, мое не очень умелое наставление помогло. Когда уходила, остановилась в дверях:

— Я почему к вам пришла, только вы можете с Антоном что-то сделать. Он только вас слушает. Честное слово! И в школу-то стал радостный ходить. Мы вас очень уважаем!

Многословный панегирик застал меня врасплох. Как Хлестаков, я, распираемая нахлынувшей гордостью, слушала эти восхваления. Заглушив нарастающее чувство неловкости, подумала: «Может, людям-то виднее», — и решила сама вывести Кротенко на чистую воду. Подлость надо и называть подлостью.

Я помчалась в канцелярию звонить Кротенко домой. Увидев, что Анна Петровна на месте, благоразумно решила заручиться и ее поддержкой. Не вдаваясь в детали, сразу же заявила, что не справляюсь со своими учениками.

Оторвавшись от бумаг, директор спросила:

— Кого конкретно имеете в виду?

— Прохорова и Кротенко.

Брови недовольно сдвинулись, и Анна Петровна, как нерадивой ученице, стала толковать мне, что с такими проблемами к ней обращаться просто неприлично — школа уже достаточно сделала для воспитания этих подростков и ее удивляет такая ситуация — молодой учитель, а хочу получить все сразу и без трудностей. К тому же меня ведь предупреждали, когда брали на работу, — класс сложный. Могла бы тогда и отказать: школе был нужен прежде всего не биолог, а классный руководитель именно в этот класс.

Тираду свою она закончила такими словами:

— У вас есть нехорошая черта — высокое самомнение и неумение противостоять трудностям. Советую направить письмо на работу родителям. Можно заставить мать Кротенко посещать вместе с ним школу. Давно нам это обещает. Кстати, вы ее видели? Она сейчас с учительницей химии беседует.

Я ринулась на третий этаж.

...Вот уж трудно представить, что эта эффектная женщина в элегантном черном пальто — мать раскормленного Жоры. Моему неожиданному появлению химичка явно обрадовалась. Тут же свернула, видимо, очень утомившую ее беседу. Дама в черном радушно улыбнулась (о, актерское образование!), протянула узкую ладонь в перчатке: «Кротенко Элеонора Ивановна». Сама учтивость. Но лицо оставалось холодным и настороженным. Она явно была недовольна тем, что я все-таки ее разыскала, и теперь уж не избежать неприятного разговора.

Широким жестом я пригласила ее сесть и сама втиснулась за парту. И тут же ощутила какую-то робость, поняв, что не знаю, как же с нею разговаривать. В ушах бриллианты, на руках — дорогие кольца. Она принесла с собой запахи изысканной парфюмерии. Такую даму трудно поучать и призывать к порядку. Но я отважилась и сказала, что с Жорой надо что-то делать, — а без ее участия никак не обойтись. И дело даже не во мне, а в ней самой. Из школы он рано или поздно уйдет. И как бы хорошо ни складывалась жизнь, наступит момент, когда потребуются помощь собственного сына. А в нем я не вижу ни сострадания к ближнему, ни доброты. Он, как могу судить, — эгоистичен и жесток.

Маска безразличия сползла с ее лица. Теперь оно выглядело хорошо накрашенным лицом молодой усталой женщины. Элеонора Ивановна не собиралась со мной соглашаться и заявила, что я Гошу совсем не знаю, а потому сгущаю краски. Да, он немного больше, чем остальные дети, избалован. Но как трудно отказывать себе в удовольствии побаловать ребенка, когда есть такая возможность. Он, случается, позволяет себе шалости; но в таком возрасте это вполне естественно. В ее тоне сквозило плохо скрываемое самодовольство, приправленное легким презрением ко мне, жалкой учительнице. Это все меня возмутило. Шалости?! Есте-

ственно?! Но разве можно назвать шалостью спекуляцию, хулиганство, воровство, в чем постоянно уличали своего одноклассника ребята? И кроме, как подлостью, не назовешь то, что ее сын сводит счеты с Антоном, оговаривая его перед матерью, расцетливо доводя бедную женщину до слез.

— Не знаю такого. То, что вы говорите, несерьезно, — был ответ. Но вдруг она сменила тональность. Голос стал вкрадчивым. — Убедена, вы необъективны. Мы хотим устроить Гошу в хороший техникум. А туда без приличных отметок и характеристики не принимают... Надеюсь, вы поймете... не откажетесь нам помочь...

Она произнесла эти слова многозначительно и располагающе улыбнулась. Я же не поняла намека и попросила последить за тем, как Георгий посещает уроки. А если и впредь будет отбирать у товарищей завтраки, унижать, избивать, оскорблять ребят, придется прибегнуть к другим мерам.

— Поняла, — ответила она после недолгой паузы...

Уже в следующий понедельник Жора принес справку, из которой следовало, что его желудку противопоказана столовая пища. Бумажку я аккуратно спрята-ла в «личное дело Кротенко», сам же он до конца учебного года в столовой уже ни разу не появился.

А школьная жизнь бежала — уже был назначен подсчет по итогам четверти.

Редко выдавался день, когда я могла сразу после уроков уйти из школы. Стоило задержаться на минуту в кабинете, — и вот уже просачивались по одному несколько человек. Под окнами в тоскливом ожидании выли собаки моих учеников; они тоже сдружились на своих собачьих посиделках.

Особый размах приобрели массовые посещения, когда Инна Лозовская принесла в трехлитровой банке белых лабораторных мышей. Получила она их в подарок в центре переливания крови, где работала ее тетя и куда девочка ездила довольно часто. Я поинтересовалась, что она там делает, и услышала: «Изучаю гематологию, собираюсь когда-нибудь стать хирургом». И, помолчав, добавила просто: «Я с самого детства это знаю». Честно говоря, не так уж много в моем восьмом ребят, которые с такой же уверенностью могли бы заявить о своем выборе.

Инна взялась все сама устроить: «Нужны опилки, а поселим мышей в старом аквариуме». Несколько мальчишек отправились в кабинет труда за опилками лучшего качества и первой свежести. Алик с Женей появились с ценным подарком — циновкой, слегка потрепанной, но вполне пригодной для того, чтобы закрывать аквариум на ночь. А кто-то взялся уже соорудить для новых жильцов картонный домик.

С тех пор моя лаборантская превратилась в проходной двор, не было человека в школе, который бы не посетил новоявленный живой уголок. Реакция у всех, несмотря на разницу в возрасте — от пятого до десятого класса, — была на редкость схожей: каждый посетитель сначала всплескивал руками, потом застыл с открытым ртом, наблюдая, как они там бегают.

Правда, в кабинете ощущался специфический запах, но после того как в мышиной семье появилось прибавление, и всяк

мог лично увидеть пять розовых комочков, ропот поутих. Зато запах избавил нас от посещений администрации как на уроках, так и после, чему я не могла не радоваться.

А Прохоров продолжал прогуливать. Мамаша его была неуловима, даже появляясь в школе, обходила меня стороной. В журнале против фамилии Николая накапливались двойки.

Елизавета Васильевна как-то поинтересовалась:

— Что у вас там с Прохоровым и Кротенко?

Я с радостью сообщила, что Жора стал на занятия ходить и, судя по всему, на

«тройки» вытянет. А вот Прохоров... не знаю, что с ним делать. Я уж и характеристикой, как говорится, стращала...

— Пугать, конечно, можете, — поспешно согласилась завуч, — но характеристику все равно придется ему дать самую распрекрасную. Напишите все, как положено. И по своему предмету поставите тройку. Не мне вас учить.

Наверное, выражение моего лица было таким, что Елизавета Васильевна не пожелала подняться из-за стола и плотно прикрыла дверь.

— Мера — вынужденная. Нам его надо выпустить из восьмого и дать шанс поступить в ПТУ. Вы поняли?

Я попыталась объяснить, что не смогу это сделать. Надо быть честным, оценивать по заслугам. Мне перед ребятами будет стыдно.

— А с ним что прикажете делать? Его же никто никуда не примет — с вашей-то характеристикой? Сами, что ли, кормить будете?

— Работать пойдет!

— Куда? Он не станет за сто рублей ежедневно ходить на завод!

— Выходит...

— Вот то-то!.. — в голосе было не сожаление, — торжество. Ее правда оказалась сильнее моей.

— Значит, Прохоровы безнаказанные у нас?

— Их жизнь наказывает, — произнесла она убежденно. — А маму его я вам пришлю. Побеседуйте с ней.

В кабинете дождался Марк Борисенко. Поздоровался и тут же сел на своего конька, начал рассказывать про компьютеры. Я невнимательно слушала, думала о своем. Как странно и несправедливо устроен мир. Может быть, в этом и есть высшая справедливость — одни должны работать на компьютерах, другие становиться хирургами, а третьи — воровать, разбойничать? А может, классы — это модели мира, маленькие учебные модели? Ведь еще в

библейские времена — одни писали книги, другие копили деньги, а третьи занимались незаконной экспроприацией. Может быть, написано каждому на роду: ты — вождь, ты — мастер, а ты — грабитель. Что же тогда делать с нашими декларациями о равенстве и братстве всех, если равенства нет и не было никогда?.. Трудно. И ужаснее всего, что я не могу ответить себе на главный вопрос — в чем моя роль воспитателя? Как воспитывать? Имею ли я на это право?

— Лариса Александровна! Ну вы же совсем не слушаете!

— Слушаю, слушаю.

— Я тут в вашу тетрадку заглянул.

Напротив моей фамилии написано: «Замкнут, увлеченно занимается компьютерной техникой. Интеллектуал. Иногда высокомерен. Эгоист, но человек слова. Взятые на себя обязательства выполняет безукоризненно». — Я насчет вот этого — «эгоист», — он замаялся.

— Ну и что? Чего ты исполошился? Будь лучше честным эгоистом. И не беспокойся, — а сама подумала: «Какое право я имею говорить о честности?»

Продолжение следует

Н. КУИНДЖИ,
старший научный сотрудник
ВНИИ гигиены и профилактики
заболеваний среди
детей и подростков
Всесоюзного Центра
профилактической медицины
Минздрава СССР,
кандидат
медицинских наук

СКОЛЬКО ДНЕЙ В ШКОЛЬНОЙ НЕДЕЛЕ?

Изменения в школьной жизни необходимы — это признают все. Но давайте будем осторожны в оценке начатых экспериментов. Возьмем к примеру школьную пятидневку. Со стороны мне, как и многим другим родителям, казалось, что это замечательно. У детей появится больше возможностей развивать свои способности, полноценно и интересно отдыхать с родителями. Но чем это обернулось в действительности? После ежедневных шести-семи уроков дети приходят из школы совершенно разбитые. Не то что на занятия — на общение не остается ни времени, ни сил. Даже за два выходных дня после напряженной пятидневной недели они не могут прийти в себя. Значит, интересы самих детей ученые-педагоги опять не учли. Оправдан ли в таком случае переход на пятидневку?

В. СТЕПАНЧЕНКО
Москва

Прошу на страницах вашего журнала опубликовать информацию об идее введения в школе пятидневной учебной недели. Каков эффект от ее внедрения в школу для педагогов, родителей, а главное — для детей?

Не хочется верить, что это очередная кампания, где ребенку выпадает роль подопытного кролика.

О себе: 49 лет, инженер-строитель, дочь учится в третьем классе.

С уважением
А. СМЕРНОВ
г. Усолье-Сибирское
Иркутской области

До недавнего времени существовал только один ответ — шесть. Но вот согласно приказу Главного управления народного образования Мосгорисполкома № 258 от 07.06.88 г. некоторые школы города Москвы переведены на режим пятидневной учебной недели. Цель эксперимента, как

говорится в том же приказе, — «нормализация учебной нагрузки учащихся, создание условий для развития интересов, склонностей и способностей школьников, усиление влияния родителей на детей» в процессе их воспитания.

Учитывая сдвиги в состоянии здоровья школьников, которые были выявлены в первый же год обучения в режиме пятидневной недели, гигиенисты назвали его «экспериментом на выживаемость детей». И такая оценка — совсем не преувеличение.

Казалось бы, всякое экспериментирование с укорочением рабочей недели, когда оно проводится для «нормализации учебной нагрузки», должно начинаться, исходя из элементарной логики, с пересмотра и пропорционального сокращения недельного плана этой нагрузки. Тем более что необходимость в таком пересмотре давно назрела и была поставлена среди первоочередных задач реформы общеобразовательной школы еще в 1984 году, где она сформулирована как «обещание» привести учебную нагрузку в соответствие с возрастом учащихся.

При подготовке эксперимента эта задача свелась, увы, к минимальным сокращениям, учитывающим лишь стремление «усилить гуманитарную и эстетическую направленность нового учебного плана», а проще говоря, к замене одних предметов другими.

В результате количество учебных часов в экспериментальном варианте программы не только не уменьшилось, но практически возросло для учащихся 2-х, 4-х, 7—10-х классов.

Нельзя же всерьез принимать за решение проблемы «нормализации учебной нагрузки» сокращение длительности каждого урока на пять минут, изъятие одного урока русского языка в каждом из классов начальной школы или замену в 6—8-х классах одних предметов другими, что в итоге даже увеличило количество уроков по сравнению с типовым учебным планом средней школы.

Но самой впечатляющей по объему оказалась недельная нагрузка старших школьников. В экспериментальном учебном плане для 9—11-х классов предложен блок из шести обязательных предметов, на который отводится 20 часов в неделю, и несколько блоков по выбору учащихся. В результате выбравшим блок физико-математических наук предстоит посетить 32 урока в неделю, специализирующимся в естественно-биологических науках — 33 урока, предпочитающим гуманитарно-эстетическое образование — 25 уроков. С учетом факультативных занятий и предметов по выбору к 20 часам по обязательным предметам прибавляются 15 часов для учащихся 9-х классов (итого получается 35 уроков) и 17—19 часов для учащихся 10—11-х классов (37—39 уроков). И все это «втиснуто» в рамки пятидневной учебной недели!

Обучение детей по экспериментальному варианту привело к нарушению большинства гигиенических требований к учебному процессу, направленных на профилактику переутомления и охрану здоровья школьников: увеличению количества уроков до пяти в день для учащихся начальной школы, для школьников среднего и старшего возраста — до семи-восьми; сокращению продолжительности малых (до пяти-семи минут) и больших (до пятнадцати минут) перемен и так далее.

Чтобы выполнить программу обучения при укороченной неделе и сокращенном по длительности уроке, пришлось прибегнуть к интенсификации умственного труда детей. Так, хронометражные наблюдения на уроках третьеклассников показали, что плотность учебной работы на некоторых уроках увеличилась до 94,2—98,9 процента против 79—83 процентов. Сокращение же длительности перемен лишило детей полноценного отдыха. Поэтому утомление превысило всякий допустимый гигиенистами уровень.

Сравнительный анализ влияния обучения на организм детей в условиях

пяти- и шестидневной учебной недели проводился нами в первый год эксперимента среди московских школьников 1-х, 3-х и 9-х классов. Он показал, что при пятидневной учебной неделе в каждой возрастной группе учащихся увеличивается число детей со сдвигами умственной работоспособности, характерными для выраженного утомления.

Кроме изменений умственной работоспособности у детей, оценивалось влияние различной продолжительности учебной недели на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы, поскольку от ее нормальной работы зависит в основном умственная деятельность человека, и именно она оказывается наиболее уязвимой при нервно-психическом перенапряжении.

Повышение артериального давления наблюдалось и у третьеклассников и девятиклассников. У детей 1-го класса изменения артериального давления сдвигались в сторону повышения минимального артериального давления — самого неблагоприятного по характеру изменения динамики кровяного давления.

Кроме традиционной оценки влияния учебной нагрузки на организм учащихся, мы проводили анкетный опрос школьников и родителей, стремясь определить у детей неблагоприятные субъективные ощущения: головную боль, усталость после уроков, затруднения при засыпании, страшные сны, неприятные ощущения в области желудка или сердца, приступы потливости, невозможность сосредоточиться, плаксивость, грубость и прочее. Все это, как говорится, имело место.

Такая анкета широко применяется в исследованиях ВОЗ для выявления степени невротизации детей при различных формах организации школьного обучения. Полученные данные показали, что 55 процентов третьеклассников и 43 процента учащихся 9-х классов обнаруживали повышенную и высокую степени невротизма. В нашей стране эта анкета применена впервые, поэтому мы не смогли сопоставить данные с таковыми же при шестидневной школьной неделе. Но высокий процент невротоподобных реакций в экспериментальных классах вызывает законное беспокойство врачей и должен настораживать педагогов и родителей как сигнал о неблагоприятном влиянии режима пятидневной недели на психо-неврологический статус учащихся.

Обоснованность этих опасений подтвердил и сравнительный анализ результатов комплексного медицинского обследования в течение года

школьников, обучавшихся по тем и другим программам.

Остается сделать неутешительный вывод: экспериментирование с пятидневной учебной неделей привело к интенсификации умственного труда учащихся, увеличило число случаев выраженного утомления детей на уроках и создало реальные и весомые предпосылки для роста различных форм психосоматических заболеваний среди школьников. Такова цена обещанной при введении эксперимента «нормализации учебной нагрузки учащихся».

Но, может быть, эксперимент создал весомые преимущества для запланированного «усиления влияния родителей на детей»? К сожалению, и этого, по-видимому, не случилось. Анкета, распространенная среди учащихся начальной школы, показала, что 10 процентов из них проводят субботу без родителей, 40 процентов — с бабушками или дедушками и только половина — с одним или двумя родителями.

По условиям эксперимента школа в субботу должна организовать свою работу так, чтобы этот день стал для младших школьников «досуговым» и «развивающим». В какой степени это удалось (вернее, не удалось), можно судить по ответам младших школьников на вопрос о том, как они провели субботу. Оказалось, что в этот день только 27 процентов школьников посещали спортивные секции при школе, 2,5 процента побывали в театре и 16,7 процента выезжали за город. То есть эти мероприятия отнюдь не были преобладающими. Зато все 100 процентов детей провели у телевизоров один-два и более часов, на улице (самостоятельно!) гуляли до трех и более часов.

К сожалению, этот педагогический эксперимент можно отнести к числу тех, благородные цели которых не реализуются, а побочный эффект проявляется в неблагоприятных сдвигах в состоянии здоровья детей.

О результатах исследований мы сообщили в Госкомитет народного образования СССР и Министерство народного образования РСФСР. Кроме требований сократить недельную нагрузку, мы предлагаем оборудовать в рекреационных помещениях для спортивно-игровой деятельности, проводить во время большой перемены динамическую паузу на пришкольном участке, а малых — физкультпаузы. (Кстати, эти рекомендации остаются универсальными для любых режимов учебной деятельности. Современные биоритмические исследования возрастных норм двигательной активности и сна утверждают, что они являются приоритетными биологиче-

скими потребностями для растущего организма.)

Хочется надеяться, что результаты наших исследований и рекомендации руководство народного образования не оставит без внимания. Во всяком случае в 1989/90 учебном году московским школьникам предложен еще один вариант экспериментального режима укороченной учебной недели, разработанный НИИ содержания и методов обучения АПН СССР (НИИСИМО). В этом экспериментальном варианте просматривается реальное стремление сократить учебную нагрузку школьников, хотя и оно пока не пропорционально количеству учебных дней в неделю. Гигиенистам больше по душе именно этот вариант экспериментального пятидневного обучения хотя бы потому, что положенный в его основу план предусматривает общее сокращение обязательной учебной нагрузки учащихся. Хотя тот факт, что в новом варианте пятидневной учебной недели часы, высвобождающиеся при корректировке программ, передаются в «резерв школы», который может быть использован как для «организации оздоровительной работы», так и для «интенсификации» учебного процесса, — не может не насторожить врачей и гигиенистов, которым больше всего хотелось бы избежать интенсификации.

Что же касается медицинской оценки проблемы перевода школы на пятидневную учебную неделю, то наибольшее число претензий и вопросов к организаторам просвещения следует высказать по поводу подготовки данного эксперимента. Почему из двух вариантов пятидневной учебной недели большинству школ Москвы был предложен только один, причем далеко не лучший? Почему «скоропальный», непродуманный вариант в приказном порядке был внедрен сразу в сорока московских школах? Разве нельзя было отложить начало эксперимента на год и действовать на основе более совершенного варианта, предложенного АПН СССР?

И наконец, что мешает Госкомитету по народному образованию СССР, прежде чем вводить пятидневную учебную неделю, обратиться в Минздрав СССР за предварительной экспертизой обоих экспериментальных режимов и рекомендациями для внедрения гигиенически более оправданного?

Ничего этого не было сделано. Чем можно объяснить такую «беззаботность» Госкомитета? Только одним: сохранению здоровья детей органы просвещения никогда не уделяли и не уделяют должного внимания.

И этот упрек не голословен — статистические данные говорят о том, что за время обучения в школе число абсолютно здоровых детей снижается от первого к восьмому классу в три-четыре раза.

Чтобы не создалось впечатления, что медики — ретрограды, которые встречают «в штаны» любые педагогические новации, выскажу общее мнение гигиенистов: «Мы за усиление гуманизации школьного образования. Однако, по нашему мнению, оно не должно вытеснять такую наигуманнейшую задачу, как сохранение здоровья учащихся. Мы за профилизацию обучения школьников, потому что право выбора дисциплин, соответствующих способностям и интересам детей, уже само по себе снижает физиологическую стоимость для организма учебной нагрузки. Мы за пятидневную учебную неделю, но при условии, что учеба не будет превращена по напряжению и продолжительности в труд космонавтов на орбите».

Словом, мы за то, чтобы каждое из школьных новшеств вводилось при параллельном пересмотре и сокращении программ школьного обучения. И мы за право каждой школы выбирать из альтернативных вариантов тот, который обязательно учитывает материальные и кадровые возможности школы и, самое главное, — интересы детей.

В заключение хочется пожелать родителям проявлять больший интерес к учебной деятельности школьников; ставить вопрос перед исполкомами местных Советов о том, чтобы родительские комитеты были одновременно посвящены в планы предполагаемых изменений в организации учебного процесса; чтобы работники санитарно-эпидемиологических станций (СЭС) давали предварительную санитарно-гигиеническую оценку предлагаемых школам нововведений с точки зрения возможных последствий для здоровья детей.

Дорогие родители! Не отвергая конкретного педагогического новшества в принципе, соглашайтесь на его экспериментальную проверку только в тех школах, которые обладают соответствующей материальной базой и педагогическими кадрами.

Помните, что, по современной концепции, профилактика различных заболеваний, сохранение здоровья населения наполовину зависит от образа жизни и условий трудовой деятельности человека, тем более ребенка, который находится в состоянии роста и развития.

Здравствуйте, уважаемые товарищи!

Мне 35 лет, образование высшее, но сколько в моей речи, да и вообще в речи моих современников, атеистов и детей атеистов, таких слов и оборотов, как: «О, господи...», «Ради всех святых, перестань...», «Ах, ты ангелочек!»

— Мама, что такое «всех святых»?

— Мама, какой «боже»?

— Зачем, как это богу молятся?

...Надеюсь, вы поняли, на какую тему мне надо бы поговорить с детьми? Вот тут-то и выясняется, что курс «Научный атеизм», что преподавали нам в институте, мало что объясняет. Какая-то голая схема.

Ну а в истории религии, в самих библейских сюжетах мы вообще крайне невежественны. Стараясь приобщить детей к сокровищам Эрмитажа, Русского музея, я не могу им рассказать вразумительно, что изображено на тех или иных картинах, на некоторых иконах.

Поэтому я обращаюсь за помощью к вам. Мне кажется, что можно было бы в доступной пониманию детей форме напечатать цикл лекций, статей, рассказов (вариантов, видимо, много) о религии. Мне бы очень не хотелось, чтоб наши дети выросли такими же невеждами, как были некоторые мои сверстники в школьные годы, те, что пальцами показывали и смеялись над старушками у церкви, а потом, став старше, ради моды, повесили крестиков и крестов себе на шею поверх «хипповых» футболочек.

Надеюсь, что Ваш журнал поможет мне, да и другим родителям. С уважением Л. Соколова, Ленинград

Вопросы и просьбы, подобные тем, с которыми обращается Л. Соколова, были и раньше, а сейчас, когда внимание к тому духовному опыту, который содержит религия, сменяет прежнее пренебрежение, мы решили на страницах нашего журнала открыть новую рубрику: «Воскресная школа».

Занятия мы пригласили вести человека верующего, пришедшего к христианству в зрелом возрасте, учителя одной из московских школ Зою Феликсовну СЕТЕВУ.

«НИЧЕГО НЕТ НУЖНЕЕ ВЕРЫ»

Блаженный Августин считал, что слово «религия» произошло от глагола «reeligere» — «вновь связывать, заново обвязывать». То есть, возобновлять связь человека с Богом. Христиане веруют, что человек создан по образу и подобию Божьему и поэтому стремится к воссоединению с Богом и к возвращению к Нему.

Человек по своей природе религиозен. Все мы в какой-то определенный момент нашей жизни внезапно ощущаем, что помимо нашего мира есть другой,

невидимый мир. Еще будучи детьми, мы с интересом слушаем рассказы о чудесах; сказки нашего детства открывают нам мир, полный неожиданностей, совпадений, загадок. Становясь старше, хотим знать о том, что скрыто «за грубою корою вещества», интересуемся летающими тарелками, ожидаем «инопланетян». Сегодня, когда люди столь устали от барабанной атеистической пропаганды, они охотно бросаются из одной крайности в другую: уверяют свое здоровье и жизнь «могущественным» парапсихо-

логам, гипнотизерам, увлекаются йогой и другими видами восточной мистики. Многие из нас верят предсказаниям гадалок, жаждут пророчеств и внимают прогнозам о гибели нашей планеты. Эта тяга к неведомому, к познанию тайн бытия, неясная уверенность в том, что жизнь не заканчивается со смертью — все это и говорит о проявлении религиозных чувств, присущих в той или иной степени каждому человеку. Религиозный человек не обязательно в последствии станет верующим. Есть много людей, которые верят в то, что «что-то есть» — какой-то «высший разум», управляющий вселенной. Но дальше этих воззрений они не дагаются. Вера и взгляды, вера и воззрения, вера и убеждения — разные состояния человеческого ума и сердца. Что же такое вера? И почему я уверена, что человек, став верующим, приобретает несоизмеримое ни с чем сокровище?

Апостол Павел, один из двенадцати учеников Христа, говорит: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Посл. Евр. 11 (1—2)). Это значит, что, веруя, человек ощущает невидимый мир. И не только ощущает, но и знает, что этот мир столь же реален, как и сам человек. Я верую — значит, я живу Истиной, соединяясь с ней, живу всей глубиной и всею полнотой своего существа. Так именно человек познает Бога — познает через свою душу. Наша душа несравненно богаче, чем нам это представляется. Вы, наверное, замечали, что внезапно в нашей памяти всплывают воспоминания прошлого, о которых, казалось, мы уже давно забыли. Но возникают они не случайно: словно бы кто-то хочет вернуть нас в прошлое, от чего-то предостеречь, о чем-то напомнить, дабы научить нас жить в настоящем... Человеческое существо со всеми его чувствами тянется к Богу, Высшему Благу, к полноте Разума, Добра, Правды и Красоты. Испытывая это чувство, верующие люди совершенно не нуждаются в рассудочных доказательствах; им достаточно их собственной уверенности в невидимом».

Все мировые религии отличаются от христианства тем, что христиане верят в живого, воскресшего Бога, который так возлюбил человека и человечество, погрязшее во зле и грехах, что сошел на землю, чтобы умереть за людей и научить их жить так, чтобы они могли обрести вечную жизнь. Христианство — это религия любви. «Бог — есть Любовь», — по слову любимого ученика Христа апостола Иоанна. А это значит, что истинно верующий человек стремится жить по христианским заповедям. Христианство учит уважению к человеческой личности, милосердию, призывает к целомудрию. Очень важно: истинно верующий человек никогда не должен хвалиться своими добрыми делами и ставить их себе в заслугу. В евангельских заповедях сказано: «Пусть левая рука не знает, что делает правая» (Мф. 6, 3). Это потому, что человек творит милостыню во имя Бога, а Бог — есть Любовь. И то, что ты отдаешь, это — не твое; все это ты получил от Творца вселенной. Христиане веруют, что все доброе совершается

по воле Божией, все же противное Божественной любви и Его заповедям происходит тогда, когда человек не может победить свой эгоизм, свою гордость, привычку угождать себе. И здесь христианам помогает то, что Библия называет началом Премудрости, — страх Божий. Он всегда был силен в истинно верующих духах и порой останавливал людей от совершения страшных преступлений. Это — не просто страх наказания, а страх оскорбить Бога, Его любовь к человеку. Но сейчас, после того трудного, противоречивого пути, который мы прошли, все смешалось в наших бедных головах: мы боимся оправданий, милиционеров, но только не Бога. Но как только мы или наши близкие попадаем в беду, кто-то из дорогих нам людей умирает, мы приходим в церковь, к Богу, ставим свечи у икон, просим у Бога милости. Посмотрите, как многолюдны храмы на Рождество и Пасху, как много людей приходит туда в дни поминовения усопших!

Христианство — это надежда на преодоление смерти, на победу добра над злом. Христианство создало мировую культуру, в основе которой лежат евангельские принципы торжества добра и любви над злом и преступлением. Христианство — это не идеология, не мораль, не система взглядов, а вера в то, что человек может преодолеть смерть, если он будет стремиться к духовной жизни, к единству с Богом, обещающим радость вечной жизни любящим Его и ближних. Поэтому не правы те, кто считает, что все верующие — скучные и печальные люди, что они «все время крестятся, молятся и постятся». Это совсем не так. Конечно же, верующие, как и все другие, любят общаться с людьми, веселиться со своими друзьями; но они смотрят на мир другими глазами. Они видят его объемным. Их привлекает иное бытие, им известны другие радости. Ведь они стремятся приблизиться к познанию тайны бытия, тайны Бога, а это можно сделать, только вслушиваясь в свою душу.

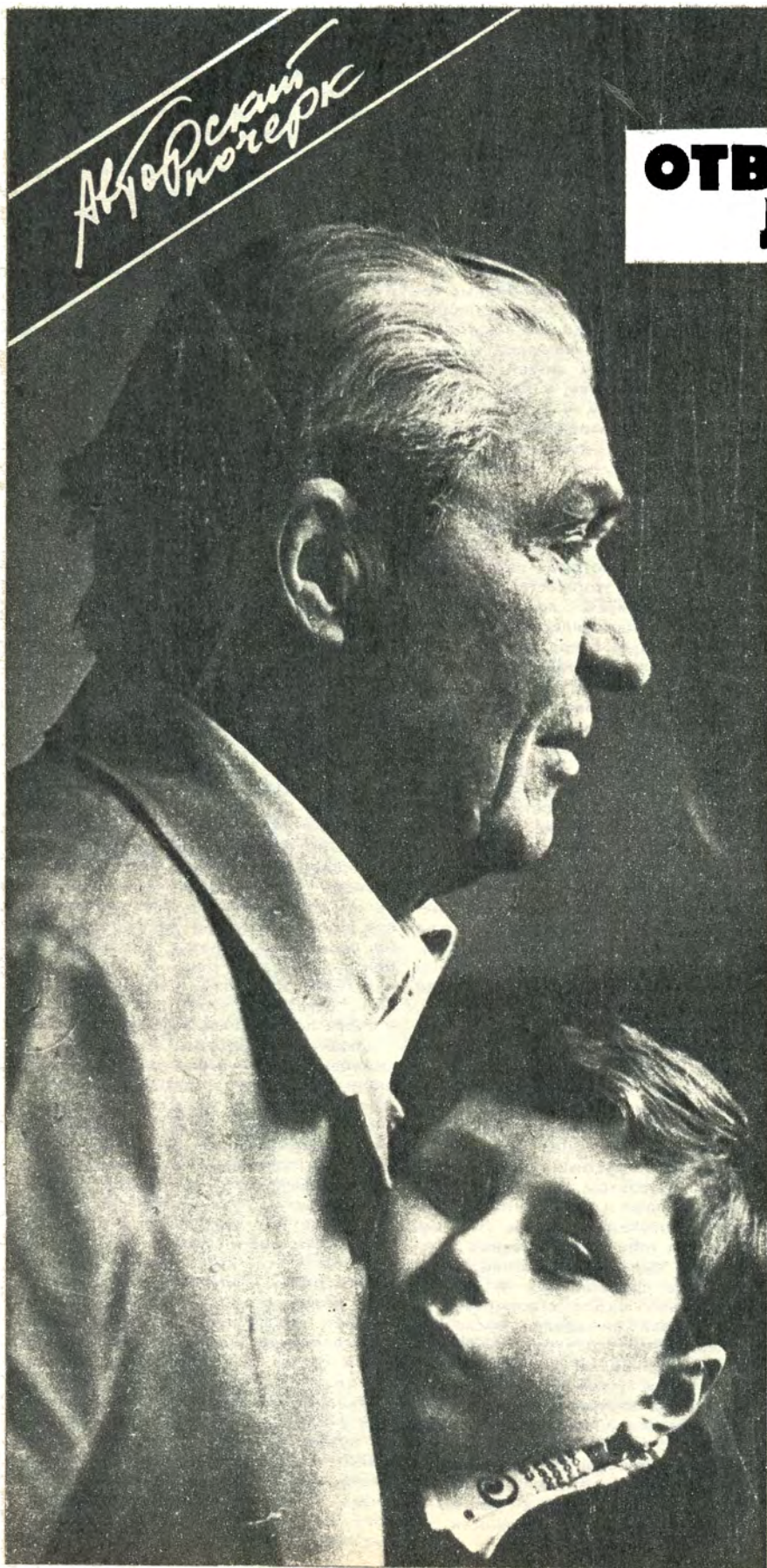
В заключение я хочу рассказать вам одну притчу из древнего Отечника (Отечник — Собрание сказаний из жизни Святых): «Один человек святой жизни, старец, жил в уединенной пустыне, молился там вдали от людей за весь мир. И вот однажды он упал духом, его стали одолевать грустные думы о том, увенчаются ли успехом его труды. И тут предстал ему ангел и сказал: «Не ты первый и не ты последний идешь этим путем. Ступай, я тебе покажу разные пути, какими ходят сыны человеческие, и покажу то, куда приводят эти пути». Повинуясь призыву ангела, старец встал и пошел; но едва он сделал несколько шагов вперед, как его взору представилось другое видение: он увидел по левую сторону от себя густой мрак, как стену непроницаемую, внутри которой слышались шум, тревога и смятение. Всматриваясь внимательно во мрак, он увидел широкую реку, на которой было большое волнение, и понял, что это волны неверия, беспечности, холодности, а другие — волны пьянства, лени, неверности супругов, взяточничества. И в каждой волне

он увидел несметное множество людей, которые то всплывали на поверхность, то вновь погружались в глубь реки. В ужасе старец воскликнул: «Господи! Неужели все они погибнут и нет им надежды на спасение?» Ангел сказал ему: «Смотри далее и увидишь милость и правду Божию».

Старец взглянул еще раз на реку и увидел множество маленьких лодок, в которых сидели юноши в светлых одеждах со всякого рода орудиями во спасение утопающих. Они всех призывали к себе, подавали руки, спускали жерди и доски. И что же? Редко кто из утопающих откликнулся на их призывы, большая же часть погибающих с презрением отвергала их помощь и с каким-то диким услаждением погружалась в эту реку, текущую в бездну. Старец закрыл лицо свое и зарыдал. И услышал он голос с неба: «Горько, но кто виновен? Скажи, что бы еще мог Я сделать для спасения их, чего бы не сделал? Но они с ожесточением отвергают всякую, подаваемую помощь. Они отвергнут Меня, если Я снизойду к ним на помощь». Тогда старец посмотрел на правую сторону к востоку и утешился приятным видением. Те из утопающих, кто хватался за какое-нибудь спасительное орудие, были извлекаемы на правый берег. Здесь их встречали другие лица, вводили их в небольшие стройные здания, где их мыли чистой водой, одевали в чистые одежды и, подкрепив пищей, отсылали в путь далее к востоку, заповедав им: не оглядываться назад, идти без остановок, внимательно смотреть под ноги, заходяще во все подсобные здания, подкрепляясь пищей и советами. На лицах всех этих избавленных была видна радость и воодушевление. Они отправлялись в путь, шли по равнинам, поднимались на высокие горы и вновь спускались. Но через некоторое время старец увидел, что часть путников, пройдя большую часть пути, внезапно поворачивала назад и стремительно бежала снова к реке. К каждому из них были обращены призывы: «Остановись, остановись!» Но они не внимали и снова погружались в зловонную реку».

Давайте попробуем вникнуть в эти символы: Река — это мир, утопающие — люди, живущие в пороках и грехах; юноши в светлых одеждах на лодках — ангелы, красивые здания на правом берегу — Церковь, где через таинства крещения и покаяния обратившиеся грешники отмываются от грехов. Здания, рассеянные на пути — храмы Божии. Кто заходит в эти здания, легко одолевает все препятствия и скоро достигает совершенства. А тот, кто отвергает их, сразу падает духом и возвращается к старому. Из этой притчи мы видим, как сложен, тернист, труден путь к вере, видим, что Бог терпеливо ждет каждого человека, каким бы он ни был. Бог посылает веру тем, кто ее ищет.

Филарет, митрополит Московский, живший в XIX веке, писал: «Ничто столько не нужно человеку, как вера. От нее зависит не только блаженство будущей жизни, но и благополучие настоящей жизни, и не только благополучие каждого из нас, но и благосостояние целых обществ...»

Андрейский
Почерк

Б. КОЧУБЕЙ,
кандидат психологических наук

ОТВЕТСТВЕННАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Вероятно, ничто в жизни семьи не окружено таким мощным слоем предрассудков, как позиция, воспитательная задача и возможности отца. Особая роль отца в патриархальной семье — роль главы рода, опоры государственной власти, хранителя традиций, передаваемых «от отца к сыну» (почему-то я никогда не слышал, чтобы нравственные традиции передавались «от матери к дочери»). — такая роль неизбежно требует мистификации, мифологизации. Проходит время, меняется общество, и один предрассудок сменяется другим или даже сосуществует с ним. К числу предрассудков, наиболее распространенных в настоящее время, относятся:

1) точка зрения, согласно которой «безотцовщина» неизбежно влечет за собой ущербность психического развития и поведения ребенка, грубые отклонения в формировании его личности;

2) позиция «ненужности отца», согласно которой женщина, при достаточной материальной и бытовой обеспеченности, всегда может дать своему ребенку не меньше, а то и больше, чем любой мужчина; роль отца (за исключением зачатия) в лучшем случае вспомогательная: он может создать условия жене для воспитания ребенка, обеспечивая ее материально и охраняя ее от опасностей;

3) мнение, согласно которому функция отца заключается в том, чтобы держать детей в строгости и повиновении. Отец накажет, мать приласкает — вот формула воспитания, соответствующая этой точке зрения.

Неважно, как соотносятся между собой эти представления. Может показаться, например, что первый предрассудок противоречит второму, но это не имеет ни малейшего значения. Мифологическое сознание, в отличие от реалистического, не чувствительно к противоречиям, и самые, казалось бы, несовместимые положения прекрасно уживаются в нем.

Проблемы отцовства

Переход мужчины к состоянию отцовства, рождение у него первого ребенка — крупная веха в истории его жизни. Разумеется, существует много мужчин, которым все равно, есть у них ребенок или нет. Но для большинства это — важнейший факт, именно рождение ребенка, а не вступление в брак можно считать началом взрослости. Если раньше венчание (браки заключались на небесах!) сразу превращало молодого человека в «отца семейства» (и, соответственно, девушку — в даму), то ныне свадьба мало влияет

на жизнь мужчины и женщины, которые продолжают вести тот же образ жизни, что и ранее, работать на тех же должностях, находиться в тех же компаниях. А вот появление ребенка — это, действительно, переломный момент — не только для женщины, но и для мужчины.

Между прочим, это хорошо понимали еще первобытные народы. У многих из них существовал обычай кувады, когда будущий отец переживает в символической форме, наряду с женой, все тяготы беременности и родов: и тошноту, и отвращение к пище, и тяжесть в животе, и схваткообразные боли. Мудрый шаман внушает мужчине, что все это — и у него тоже, что и он страдает так же, как и его жена, и платит за счастье обретения ребенка ту же цену.

«Синдром кувады» — такой термин появился и в современной медицинской науке. Этими словами обозначают заболевания, появляющиеся или обостряющиеся у мужчин в период беременности жены или вскоре после рождения ребенка. Оказывается, ожидание ребенка и рождение его могут быть для отца настоящим кризисом. Можно выделить по крайней мере четыре механизма или четыре стороны такого кризиса: материальный, временной, психологический и сексуальный. Появление дополнительных расходов требует перераспределения бюджета семьи; а при отсутствии помощи от бабушек-дедушек или других родственников проблема «где взять деньги?» может встать во весь свой грозный рост, и именно мужчина считает себя обязанным ее решать (материальный кризис). Для того чтобы искать приработок, нужно время, а неизбежное появление дополнительных домашних работ и без того спрессовывает сутки молодого человека, заставляя его отказываться от привычных развлечений, а иногда и от сна (временной кризис).

Беременность почти всегда связана с хотя бы частичной потерей привлекательности, и это обстоятельство, как и медицинские ограничения в связи с беременностью, послеродовым периодом и кормлением грудью, нарушает столь важную для молодого мужчины регулярность половой жизни с любимой женой (сексуальный кризис). В этих условиях ему хочется хотя бы простого участия, какого-то проявления ласки, заботы супруги. Но ей зачастую не до него: ей тоже не хватает времени, она плохо себя чувствует, к тому же она эмоционально погружена в новые захватывающие ее своей необычностью переживания материнства. Ее чувство, ранее безраздельно принадлежавшее мужу, теперь делится надвое, вызывая у супруга своеобразную ревность (психологический кризис).

Результаты действия этих факторов не заставляют себя ждать. У молодых отцов нередко отмечают проявление страха, тревоги и депрессии, чувство неуверенности в себе. Особенно часто эти явления возникают при рождении так называемых «трудных» детей: тех беспокойных малышей, которые мало спят, много кричат, особенно по ночам, которым невозможно навязать ритмичный режим сна и кормления. И надо заметить: изменения, происходящие в нас, характере и личности мужчин в связи с рождением ребенка значи-

тельно больше, чем подобные изменения у молодой матери. Это противоречит общепринятому мнению, согласно которому появление ребенка для мужчины — менее важное, менее значимое событие, чем для женщины.

По имеющимся данным, в период от начала беременности жены и до достижения ребенком годовалого возраста увеличивается частота простудных и аллергических заболеваний у мужчин, наблюдаются обострения хронического гастрита, язвенной болезни и пояснично-крестцового радикулита. В этот период мужчины совершают больше уголовных преступлений, чем в других ситуациях в том же возрасте, больше супружеских измен, среди которых встречаются и гомосексуальные связи: на этот переломный момент нередко приходится начало алкогольных «увлечений».

Все это говорится здесь не ради фельетонного «берегите мужчин». Их (то есть нас) вовсе не надо так уж беречь, снимая с наших плеч и без того не столь уж многочисленные обязанности. Не стоит пытаться облегчить положение мужчины, отстраняя его от семьи, освобождая его от ухода за ребенком и других домашних дел, лишая его счастья видеть, как на его глазах маленький кричащий комочек превращается в осмысленно улыбающегося, лепечущего, громко выражающего свою радость человечка. Однако нужно понимать, что положение мужчины в момент становления его отцовства — это такой же кризисный момент в его жизни, как и его подростковые годы.

Быть может, кто-то из молодых мужчин, которым попадутся эти страницы, подумает, что не стоит, видимо, связываться с таким хлопотным делом, как отцовство. Такая точка зрения ошибочна. Исследования неопровержимо показывают, что рождение ребенка — не только трудный и ответственный, но и очень важный этап в жизни мужчины; и преодоление этого кризиса выводит его на новый, более высокий уровень личного развития. Большинство мужчин, длительное время не имеющих детей в браке, испытывают депрессию и чувство вины, независимо от того, каковы истинные причины бесплодия. Очень многие мужчины воспринимают бесплодие как показатель неполноценности их мужских качеств, нарушающий целостность их представлений о себе. В подавляющем большинстве случаев бездетные браки менее стабильны, чем браки, в которых родился хотя бы один ребенок. Существуют, однако, и исключения: если оба супруга воспринимают бесплодие как свою общую проблему, которую независимо от того, кто действительно виноват, они должны преодолеть сообща, брак приобретает большую прочность.

Исследование мужчин, состоящих в браке, но не имеющих детей, показывает, что очень многие из них активно ищут себе какую-то замещающую деятельность, которая могла бы заполнить осознанную ими пустоту в их жизни. Иногда такая замещающая деятельность проявляется в виде фанатичных хобби; часто она направлена на неодушевленный предмет (например, автомобиль) или на самих себя. В последнем случае (вероятно, наиболее тяжелом для окружающих) без-

детный мужчина начинает относиться к самому себе как к ребенку, стремясь к максимальному удовлетворению своих разнообразных капризов в области питания, напитков, секса и т. д. В других случаях активность проявляется в исключительном стремлении ухаживать за чужими детьми, нянчить их и баловать. В столь модных сейчас воспоминаниях о жизни советской элиты периода 20—30-х годов бросается в глаза колоритная фигура Авеля Енукидзе, одного из наиболее авторитетных в то время партийных деятелей, который был любимцем всех кремлевских детей, называвших его «дядя Апель». Этот высокий, красивый, щедрый и жизнелюбивый человек своих детей не имел.

Выбор замещающей деятельности весьма существенно влияет на последующую семейную жизнь бездетного мужчины. Эгоцентрическое (направленное на себя) замещение, как правило, ведет к распаду семьи. Один из исследователей наблюдал бездетных мужчин в течение 7 лет и отметил, что за это время развелось две трети из тех, чьи интересы были сосредоточены исключительно на себе. Из оставшейся трети никто не стал отцом, никто не взял на воспитание приемного ребенка. Наоборот, самым продуктивным является замещение, направленное на других детей. Бездетные мужчины, любящие чужих детей и с удовольствием занимающиеся ими, склонны сохранять семью, даже если они знают, что их жены по состоянию здоровья не смогут принести им ребенка. Они предпочитают искать выход не в разводе и смене половых партнеров, а в поисках лечения, а если лечение не помогает — в усыновлении. Такие мужчины очень часто оценивают свой брак как удачный, несмотря на все трудности.

Одним из важнейших условий, обеспечивающих влияние отца на ребенка, их будущую взаимную привязанность и доверие, является как можно более раннее начало их общения. К сожалению, в наше время отец в подавляющем большинстве случаев только через 7—10 дней после рождения малыша получает возможность увидеть его, взять на руки. Вместе с тем весь опыт современной науки о развитии детей ясно показывает, какую колоссальную роль играет именно максимально ранний контакт ребенка с другим человеком, причем решающими могут быть первые же два-три дня (или даже первые часы) после рождения, когда в мозгу новорожденного запечатлеваются первые следы внешних событий, звуков, человеческих лиц.

Мысль о том, что муж должен присутствовать при родах и оказывать жене моральную поддержку, возникла, вероятно, в середине 50-х годов. Первые опыты такого рода были проведены в Канаде и странах Северной Европы, а затем получили широкое распространение в США. В настоящее время присутствие (разумеется, добровольное) мужа при родах представляет собой обычное явление во многих странах. Тем более удивительно, что в нашей стране родовспомогательные службы и слыхом не слыхивали про такой опыт. Разумеется, категорический отказ открыть двери роддомов для мужей может быть «научно обоснован» боязнью инфекции. Факты показывают, однако, что элемен-

тарная гигиеническая подготовка мужчин плюс элементарный контроль персонала представляют собой вполне достаточную гарантию от инфекции, тогда как система разветвленных запретов, существующая в наших тюрьмах... простите, родильных домах (в некоторых из них запрещено писать и читать, так как книги и тетради могут быть разносчиками инфекции), не мешает им быть в числе самых грязных в мире.

Между тем польза, которую приносит участие (может быть, присутствие) — нет, пожалуй, я не оговорился: участие) мужа в родах, несомненна. Уменьшается тревога у роженицы, делают ее менее интенсивными ее болевые ощущения. Подчиняясь мужу, она точнее выполняет все необходимые действия. Уменьшается количество наркотических веществ, требуемых для обезболивания, что хорошо и для матери, и для ребенка. И, главное, контакт отца с новорожденным производит на обоих неизгладимое впечатление, многократно усиливая их будущую привязанность друг к другу.

Участие отца в воспитании связано не только с качеством его раннего контакта с ребенком, но и с предварительным обучением. Это обстоятельство существенно отличает отца от матери. Исследователи анкетировали молодых людей — будущих отцов и матерей — с целью выяснить их отношение к детям и уходу за ними. Позже, когда супруги становились родителями, психолог изучал их игры и повседневное общение с ребенком. Оказалось, что чем увереннее чувствовали себя мужчины еще задолго до рождения ребенка, чем выше они оценивали свои возможности по уходу за ним, свои навыки и умения, тем раньше и активнее они включались в воспитание, когда младенец появлялся на свет. У женщин такой закономерности обнаружено не было. Вероятно, женщин заниматься ребенком заставляет «сама жизнь», независимо от того, считает ли она себя подготовленной к этому или нет.

Из этого следует, что активизировать участие отца в воспитании можно, обучая молодых мужчин элементарным навыкам пеленания, одевания, приготовления пищи для маленького ребенка. Обязанность системы образования — обеспечить возможность такого обучения, позволяя отцу без страха и неуверенности подойти к своему младенцу.

Жалобы на неправильное отношение отца к ребенку, на его излишнюю строгость или недостаточную внимательность часто высказываются как мамами, так и учителями. Однако эти ошибки отца очень часто коренятся в его собственном детстве.

Самый типичный случай, когда отец, недолюбивший свою неудавшуюся жизнь, свои чувства переносит на ребенка, который, с его точки зрения, «обязан» добиваться успехов, быть умнее, взрослее, чем он есть на самом деле и чем может быть в свои годы. Следует в таких случаях тактично объяснить отцу, что ребенок не является его прямым продолжением и не должен во что бы то ни стало стремиться к тем же целям, что и он. Ребенок — самостоятельное существо, имеющее право на собственные жизненные интересы.

Это не единственный вариант, когда в отношении отца к ребенку воплощается его отношение к самому себе как к ре-

бенку, как к человеку, чье детство еще не закончилось, а планы еще надлежит реализовать. В частности, нередко мужчины, которые сами вышли из семьи без отца и в детстве были чрезвычайно привязаны к матери, и от своей семейной жизни ждут только повторения отношений с матерью. Они ждут от жены той же заботы в повседневной жизни, того же хозяйственного руководства, того же контроля за их действиями. И подчиненное положение, по сути дела, их вполне устраивает, ибо, «уходя с поста» главы семьи, они освобождаются не только от соответствующих прав, но и от обязанностей. И, главное, от ответственности.

В большинстве случаев такого рода необходима специальная работа психолога, но иногда значительного прогресса можно добиться, просто разобравшись в его (отца) собственной ситуации и разъяснив ему ее. Только не надо ограничиваться простыми призывами к мужской половинке родительского состава «активнее участвовать» в жизни детей. Они, может быть, и рады активнее участвовать, но что-то внутри им мешает. Этой помехе могут быть разные причины, в том числе и опыт их собственного детства.

В треугольнике

О положении женщины в нашем обществе сейчас говорится немало горьких и правдивых слов. Разрываясь между работой и домом, она вынуждена нести двойную нагрузку, чтобы успеть и постирать, и сварить обед, и вовремя забрать ребенка из детского сада, да еще и в парикмахерскую забежать, чтобы хоть в небольшой степени поддерживать свой женский облик. А образ женщины в оранжевом жилете, орудующей ломом на железной дороге, стал одним из позорных символов кризиса, в котором находится наше общество.

Израженная ситуация, в которой оказалась женщина, не может не вызвать самого искреннего сочувствия. Однако следует признать, что хотя физические нагрузки на женщину у нас часто и превышают все мыслимые и немыслимые нормы, тем не менее с морально-психологической точки зрения ее положение все же более терпимо, чем положение мужчины. Женщина пусть даже ценой больших усилий, может найти выход в традиционной женской роли. Чего бы это ей ни стоило, она может приготовить пищу, постирать занавески, накормить мужа и детей, «вылизать» квартиру — и все! Больше от нее никто не вправе потребовать: свои «классические» функции — матери, хозяйки — она выполнила, и потому имеет право «на чистую совесть», на самоуважение.

Другое дело, что не каждая женщина согласится ограничить свой душевный мир семьей и бытом. Многие не могут принять такую роль, их работа слишком важна для них; и положение таких женщин нелегкое. И все-таки, в принципе, у женщины существует возможность «бегства в быт».

Мужчина такой возможности лишен. Его традиционная роль включает активность и инициативу — качества, реализация которых невозможна там, где «инициатива наказуема». Система всеобщего

подчинения приказам сверху исключает направленность на успех — свойство, во многих обществах чрезвычайно характерное для мужчин. Можно, конечно, находить удовлетворение и в подчинении начальству; можно смириться с бесправным, безынициативным положением; но сохранить при этом мужское самоуважение очень трудно. Выполняя свои семейные обязанности, женщина может вполне сохранить самоуважение — даже если на работе она занимается только вязанием, чайными разговорами и поисками продуктов в ближайших магазинах. Но мужчина, чей трехмесячный заработок меньше, чем стоимость женского платья, и который лишен всяких перспектив на изменение этой абсурдной ситуации, чувствовать себя выполняющим свою социальную роль не в состоянии.

Взаимодействие отца с детьми неотделимо от его отношений с матерью. Мать, отец и ребенок, образно говоря, углы треугольника, сумма которых, как известно, равна 180°, и невозможно изменить один угол, не меняя остальных.

В то же время взаимоотношения ребенка с матерью обладают значительной независимостью от отца. Ребенок любит мать красиво одетой и неряшливой, счастливой и плачущей, гордой или подавленной заботами — любит по-разному, но любит всегда. Любовь ребенка к матери — это ведь не что иное, как отражение материнской безусловной любви. Это та же самая любовь, не признающая ни заслуг, ни достоинств. Так же, как для матери существует только ее ребенок, и неважно, хороший он или плохой, сильный или слабый, так и для ребенка чувство к матери не зависит от того, возглавляет ли мать семью или находится в полном подчинении у отца, является ли она председателем исполкома или уборщицей, профессором университета или алкоголичкой. Примеры детей, продолжающих горько и безнадежно любить бросивших их, лишенных прав матерей, может привести любой человек, хоть раз в жизни побывавший в детском доме. И не приведи господь, чтобы это отношение стало другим! В чувствах, связывающих мать и ребенка, нет места анализу качеств друг друга; этот анализ мгновенно уничтожает их любовь. И если мать любит ребенка в зависимости от того, как он учится и как ведет себя на уроках, — значит, скорее всего, увы, она вообще его не любит.

Иначе выглядит связь ребенка с отцом. Подобно тому, как привязанность к матери есть отражение материнской любви, чувство ребенка к отцу есть отражение любви отцовской, учитывающей объективную ценность любимого человека, его подлинные достоинства и заслуги, его еще нераскрытые возможности. Поэтому не удивительно, что ребенок иначе относится к отцу-рабочему и отцу — большому начальнику; отцу, зарабатывающему 120 или 500 рублей в месяц; отцу, окруженному маминой любовью и восхищением, или отцу, задвинутому в дальний угол малогабаритной квартиры.

Все это значит, что влияние мужчины на ребенка зависит не только от самого мужчины, но и от людей, определяющих его положение в треугольнике отец — мать — ребенок. Конечно, это в первую

очередь мать, а также все, кто занимается воспитанием ребенка.

Очень важно понять: учитель не может всерьез рассчитывать на поддержку отца, не пользующегося уважением ни в семье, ни за ее пределами. Нельзя дискредитировать отца, подрывая его авторитет, а потом удивляться, почему он не может всерьез поговорить с сыном о его поведении. К сожалению, нередко можно встретить женщину, которая открыто презирает мужа за низкую зарплату, за «неумение жить» (что ныне означает неспособность доставать вещи и другие блага), за недостаточно хорошие, с ее точки зрения, манеры или неуместные шутки — и тем не менее в сложных обстоятельствах обращается к нему за помощью: «Сын прогуливает уроки! У дочери в сумочке сигареты! Сделай что-нибудь, поговори с ними! Ведь ты же отец!» К сожалению, приходится иногда ответить такой женщине: «Ваш муж вряд ли сможет сделать что-нибудь, потому что фактически он уже не отец и таким Вы сделали его сами».

Другой пример — молоденькая учительница, не стесняющаяся демонстрировать подросткам-школьникам свое резко отрицательное отношение ко всей мужской половине человечества, свое неверие в способность кого-либо из современных мужчин «сделать что-нибудь путное», а на родительских собраниях взывающая к воспитательной активности отцов.

Учитель, который ищет пути усиления воспитательного воздействия отца на ребенка, во многих случаях должен скорее побеседовать не с отцом, а с матерью. Необходимо разъяснить ей, что от ее отношения к мужу, от общего психологического климата в семье зависит, будет ли участие отца в воспитании благотворно влиять на развитие способностей ребенка, его интересов и свойств личности или же поведет к снижению его самоуважения, развитию у него неуверенности в себе и других негативных черт.

И мать, и отец ведут себя с ребенком в присутствии друг друга не так, как наедине. Однако присутствие жены значительно сильнее влияет на поведение отца, чем его присутствие — на поведение матери. Эксперименты показывают, что ухудшение отношений с женой существенно меняет характер беседы отца с ребенком дошкольного возраста: уменьшает число улыбок, доброжелательных похлопываний и других проявлений добрых чувств к ребенку, увеличивает раздраженность; отец начинает грубо отвечать на вопросы ребенка, вмешиваться в его дела, в его игры, нередко при этом мешая ему играть и проявлять самостоятельную активность. В большинстве семей, по данным американского психолога П. Гирде, появление матери значительно уменьшает активность разговоров отца с сыном, и эта закономерность прослеживается в самых разнообразных возрастах ребенка — от 3 до 16—18 лет. В то же время появление отца в ходе беседы матери с сыном оказывает лишь незначительное влияние на эту беседу, причем влияние положительное: беседа становится более дружественной и доброжелательной.

Окончание на стр. 57

Книги детского хирурга С. Я. Долецкого, действительного и почетного члена многих зарубежных и отечественных научных и медицинских обществ, широко известны в нашей стране. Автор снискал любовь детей и уважение родителей за свою сопричастность их переживаниям и страданиям.

Сегодня Станислав Яковлевич — наш (и ваш) собеседник. Мы предлагаем вниманию читателей отрывки из новой работы Станислава Яковлевича «Даром не дается», которая готовится к печати в издательстве «Педагогика».

С. ДОЛЕЦКИЙ,
член-корреспондент АМН СССР

ОТЕЦ — КТО ОН ТАКОЙ?

Консультации амбулаторных больных занимают существенное место в моей работе. В «святая день» — пятницу — здоров я или недомогаю, назначены ли в этот день срочные и весьма ответственные совещания — стараюсь не пропускать приема. Принимаю аспирин, уклоняюсь от заседаний и иду принимать, даже если пришло всего лишь несколько человек. Почему? Кроме первичных больных, направленных коллегами, приезжают, порой издалека, дети, оперированные неделю, год, десятилетия назад. Недолеченных и вылеченных больных я продолжаю долгие годы считать «своими». Об этом знают их родители. Здесь не только удовлетворение любознательности, но, что гораздо важнее, накопление опыта. Организм ребенка растет. Создаются новые соотношения в расположении органов. Мелкие отклонения, жалобы проявляются иногда после длительной полосы благополучия. Возникает повод переосмыслить метод лечения и совершенствовать его.

На приемах, коль скоро окинуть их мысленным взором на несколько лет назад, произошла перемена. Раньше ребенка приводили родители, иногда — бабушка и бабушка... Теперь типичная картина такова. В зал, где проходит прием, решительным шагом входит энергичная бабушка или мама. Папа, как правило, где-то на заднем плане. Женщины его просто оставляют за дверью, откуда через щель он пытается услышать, о чем идет речь. Вопросы задают только мамы. Попытки отца, если его звали с собой, робко вставить слово, на корню пресекаются. Одним словом, матриархат бушует в своем первозданном виде!..

Вы поняли, что я сгущаю краски? Несколько утрирую ситуацию? Но давайте все же попытаемся ответить на вопрос: кто он такой, отец в современной нашей семье?

Учеными до сих пор недостаточно изучено влияние отца на физическое и духовное развитие младенца. В первые 5 лет ребенок становится личностью, черты которой закрепляются на всю жизнь. Знаменитые педагоги прошлого, начиная с Песталоцци, Ушинского, Макаренко, Сухомлинского, Корчака, учителей японской

школы Тамагава Гаукен и другие, подчеркивали значение отцов и преподавателей-мужчин в становлении характера будущего члена семьи. Ибо сверхэмоциональность матери уравнивается спокойным и ровным отношением отца. Ее доброта и склонность к попустительству в «мелких» проступках уравниваются разумным и справедливым мужским подходом. Понято, что это реально в условиях полного единодушия супругов.

Во всех странах мира существует широчайшее разнообразие национальных традиций. Многие из них — полезны и достойны заимствования, некоторые — устарели, отжили. А есть традиции, нуждающиеся в укреплении, а то и в возрождении, в реставрации.

Недавно в одной из восточных республик нашей страны я беседовал с близнецами, мальчиками лет двенадцати. На вопрос, как они относятся к своему отцу, они, перебивая друг друга, сообщили уйму сведений:

— Он замечательный. Добрый и веселый. Строгий, но справедливый. Научил нас ездить на коне, стрелять из лука и из ружья, ловить рыбу, чинить забор. С ним никто не спорит. Он — главный... Нет! Главный — дедушка... Ничего подобного, дедушка мудрый и его все слушают и никто с ним не спорит. Он все знает даже больше папы. Конечно — он старше...

Основное, что я вынес для себя, — это старая мысль о хозяине дома, главе его. Там, где имеется единоначалие, — меньше споров, испорченного настроения, ненужных эмоций. Снимается повод для нарушения, как принято говорить, межличностных отношений. А они — основа разлада в семье. Когда ребенок твердо знает, кто дома «начальник», он всю жизнь понимает дистанцию, которая существует между людьми; а это облегчает и его собственную учебу, жизнь, работу совместно с другими людьми.

В последние годы мне приходится знакомиться с результатами операций, выполненных 10—20 лет назад, и осматривать наиболее отдаленную по срокам группу бывших пациентов — подростков и взрослых людей, ставших теперь родителями.

Обследование, однако, не ограничивается вопросами, связанными с хирургической помощью. Интересует меня и социальная сторона их жизни, в том числе и роль отца в семье. Поводом послужили не только положительные примеры благополучных молодых семейств. Речь идет о возможном сокращении массовых разводов, проблеме матерей-одиночек, здоровье новорожденных, уровне знаний молодыми родителями основ санитарии и гигиены.

Приведу пример. На осмотр пришел мужчина 25 лет. Он перенес у нас в 2-дневном возрасте сложную операцию. Теперь полностью здоров. Оказалось, за это время был трижды женат. От всех трех жен у него дети. В настоящее время его больше всего волнует проблема выплаты алиментов. Когда он сообщил об этом, ожидая сочувствия, я сказал ему, что он меня больше не интересует. Ибо больше думал не о нем, а об оставленных им женщинах и детях.

Немаловажно, в каком возрасте мужчина принимает решение о женитьбе: в 20—30 или 40 лет. В состоянии ли он быть опорой матери и ребенку? Говоря о мужчине, замечу, что большое значение в судьбе будущей семьи, главой которой он станет, имеет его отношение к здоровью: режим, правильное питание, отсутствие вредных привычек. Еще важнее — знает ли он, что такое семья и свое место в ней.

Например, уже во время беременности молодой жены роль отца возрастает. Влияние психологического климата на будущую мать — научно доказано. В процессе внутриутробного развития эмбрион и плод подвергаются разным влияниям, при этом возможно повреждение его пластичных, растущих и развивающихся систем, органов и тканей — так называемый третий путь происхождения болезней человека. Первые два — врожденный и приобретенный. Здоровье будущей матери и ребенка связано с поведением будущего отца. Родился ребенок — и продолжает оставаться зависимым от матери, ее душевного тепла, голоса, слов и пеня, прикосновений, ласки. Грудное молоко содержит незаменимые средства защиты (иммунные тела), которых не заменят лучшие искусственные смеси.

Супругам стать единомышленниками в воспитании ребенка труднее, чем кажется на первый взгляд. Женщина, испытывавшая все трудности беременности и муки родов, всегда склонна считать, что она имеет на ребенка больше прав, чем ее муж. Возможно, она не очень ошибается... Но одно дело — права, другое — воспитание. Жена, даже если не говорит об этом мужу, полна надежд на его желание отдавать внимание не только ей, но и ребенку. А готов ли он к этому? Чаще всего нет. Трудно молодому отцу ежедневно отдавать несмышленику 2—3 часа времени, которого и без того не хватает. Мать же ведет дом, хозяйство. Через год-два выйдет на работу.

На современного отца падает трудная и интересная работа. Он становится «ответственным» за дисциплину, закалку воли, гигиенический режим, зарядку, водные процедуры, физкультуру, развивающие игры, обучение всем видам домашнего труда, в первую очередь в помощь

матери. Да еще занятия иностранным языком, музыкой... Хорошо, когда отец вместе с матерью занимаются педагогикой, ибо впереди — быстро проходящие отрезки жизни ребенка по этапам.

Вначале — непререкаемый авторитет родителей. Вскоре — смена «лидера», когда авторитетом становится любой и не самый лучший приятель. Этап «гормональной бури», наступающий у девочек раньше — с 12—14 лет и позднее у ребят, сопровождается нередко бурями жизненными. Затем отрицание авторитетов и поиск собственного пути методом проб и ошибок, иногда непоправимых. Иногда возникает и социальный бунт, когда подросток отрицает справедливость и правильность того, что содеяно предыдущим поколением... Перечисленное в телеграфном стиле напоминает настоящий детектив. Заняться его загадками полезнее до того, как ваш ребенок попал в криминальную историю. И наибольшая роль, нередко решающая судьбу ребенка, принадлежит здесь отцу.

Мужчине, спокойно и рассудочно оценивающему существо каждого этапа, нетрудно стать самым близким и понимающим ребенка человеком — и остаться таковым на всю жизнь. Именно отец способен стать ближайшим другом сына или дочери и дать тактичный совет, даже когда авторитет других взрослых поколеблен окружающими подростками. Он может справиться с неизбежными издержками «гормональной бури» и, главное, помочь в понимании тех социальных сторон жизни, в которых запутываются подростки.

Во многих семьях, вопреки здравому смыслу, дело обстоит наоборот. Отец превращается из главы семьи, идеала и эталона воспитателя в идола местного значения с отрицательным знаком. В таком доме только и слышно: — Тихо! Папа работает! Не мешайте папе отдыхать. Он очень устал. Не приставайте к папе — у него и без вас забот хватает. Пусть папа пойдет к друзьям, отдохнет от всех нас. И тому подобное.

Отчего так происходит? Думаю, вопрос здесь не только в отце, но и в маме. В ее женской гордости и ревности. Гордость: жена не хочет лишний раз унижаться и просить у мужа то, что он обязан выполнить сам без напоминаний. Ревность: как только муж начинает всерьез заниматься ребенком, подсознательно пробуждается чувство, что у нее отнимают ее собственность. Подавить это чувство не так легко.

Ученые, не сумев преодолеть исторически сложившийся подход к мужу — воину, охотнику, добытчику, хозяину, — фиксировали внимание на двух главных «действующих лицах» семьи — матери и ребенке. Сегодня пришло время подумать и об отцах. Много лет мы осуществляем программу по охране здоровья матери и ребенка. Так именуется Всесоюзный центр и научная проблемная комиссия. Но кто уделяет внимание юношам, подросткам и молодым отцам?

Давно, в январе 1983 года, состоялась 71-я сессия Исполнительного комитета Всесоюзной организации здравоохранения (ВОЗ), членом которой является и наша страна. В решениях записано:

«Опасаясь, что важная роль отца в семье может выпасть из поля зрения, исполком считает целесообразным рассматривать семью как целостную единицу, не ограничиваясь более узким вопросом охраны здоровья матери и ребенка».

Отмеченная переориентация обладает гораздо большим значением, чем это может показаться на первый взгляд. Новый подход к роли отца в семье представляет, по сути, обширную научно-организационную программу. Сложность ее — в междисциплинарном подходе, который на первых порах требует точной координации между двумя Академиями — медицинских и педагогических наук и соответствующими министерствами. Научные выводы связаны с внедрением их в практику, на что порой иногда уходят многие годы. Можем ли мы ждать?

Большую и прогрессивную роль в темпах внедрения нового во всем мире играют средства массовой информации, катализирующие этот процесс и способствующие преодолению косности и рутинного мышления отдельных ученых и организаторов. Наибольшее значение при этом имеет активная позиция общественных деятелей, занимающих ключевые позиции в социальных, научных и организационных сферах.

Меня поразило громадное число писем, полученных в ответ на мою коротенькую статью по эту тему, опубликованную в «Известиях». Одно из них, краткое и деловое, было подписано заместителем министра здравоохранения СССР. Сводилось оно к вопросу: ваши конкретные предложения? У меня-то они были готовы. Но, к моему удивлению и искреннему восхищению, сходные мысли проходили красной нитью во многих письмах и обстоятельнее всего были сформулированы в письме журналиста из города Измаила.

Предложение было простым. Нашей стране остро необходим массовый и недорогой журнал «Для мужчин». Автор письма перечисляет, сколько журналов издается для женщин. Вообще, сколько существует разнообразных журналов, включая такой, как «Табак». Но журнала, который был бы другом, советником для половины населения страны, не существует. А те, что уже издаются, — «Он», «Андрей» — слишком дороги, недоступны. Сколько важнейших вопросов можно было бы в этом журнале осветить! Воспитание мальчиков, их половая гигиена, сексология и сексопатология, отношение к женщине, поведение в быту, особенности мужских профессий в труде и дома, которые слишком часто перекладываются на плечи женщин, военно-патриотические вопросы, педагогические возможности и задачи мужчины, многое другое, самоочевидное и бесспорное.

Были посланы аргументированные письма. Велись бесконечные переговоры. Увы. Всюду — отказ.

Согласитесь, у хирурга есть чем заниматься кроме того, чтобы ломиться в закрытую дверь. А что думают по этому поводу читатели? Женщины, мужчины, молodeжь?

Н. ЛЕЙТЕС,
доктор психологических наук

ВОЗРАСТНАЯ ОДАРЁННОСТЬ

Продолжение.
Предыдущие статьи цикла — в №№ 3 и 6 за 1990 год

Чтобы лучше понимать детей с ранними проявлениями незаурядного интеллекта, нужно прежде всего знать и учитывать возрастные особенности детской психики.

Стремительный подъем умственных сил по мере взросления можно наблюдать у всех детей. У несмышлениша, совершенно беспомощного при рождении, за немногие годы, поначалу с помощью и под руководством старших, — формируются сложнейшие свойства ума, бесчисленные навыки, многообразнейшие чувства... Обогащение психики идет в таком темпе, который будет уже недоступен в зрелые годы. Детство — *неповторимая по своим возможностям пора развития*. Об этих возрастных условиях роста способностей и пойдет сегодня разговор.

Прежде всего — о таком важном условии умственного развития, как *сила нервной системы* (о ней судят по способности выдержать интенсивную или длительную нагрузку на нервную систему). Детей отличает (и чем младше ребенок, тем в большей степени) относительная слабость, малая выносливость, истощаемость нервной системы. Специальные исследования показали, что эта возрастная слабость (когда даже небольшие воздействия вызывают сильную реакцию) — не только недостаток, но и достоинство — именно она обуславливает детскую впечатлительность, живость восприятия. С годами нервная система крепнет в разной степени у разных детей — а вместе с тем и снижается детская непосредственная восприимчивость. Заметим: с возрастом происходит не только *увеличение* возможностей, но и *ограничение*, а то и *утрата* некоторых ценных особенностей детской психики.

Но не только свойства нервной системы — вся душевная организация у детей во многом иная, чем у взрослых. Это очень важно учитывать!

В психологии накапливаются данные о так называемой возрастной чувствительности, — той особой отзывчивости на окружающее, которая каждый раз «на свой лад» свойственна любому возрасту детства. Она может проявляться в своеобразии реагирования, в большей или меньшей яркости воображения, в избирательности внимания. Неодинаковость возрастной чувствительности приводит к тому, что в от-

дельные периоды детства возникают наиболее благоприятные внутренние условия для развития психики на каких-то *главных* для этой поры жизни направлениях. А значит, происходит и подъем соответствующих этим «направлениям» способностей.

О том, как это проявляется в ту пору детской жизни, когда происходит освоение родного языка, рассказал К. Чуковский в знаменитой книге «От двух до пяти». Но вот что показательно: непрестанная готовность к языкотворчеству — особое состояние детской психики, позволяющее успешно овладевать формами языка и мышления, затем постепенно или резко *идет на убыль*. Если вследствие каких-либо исключительных условий формирование речи происходит не в эту пору жизни, не в свои обычные сроки (например, если ребенок первые годы жизни находился в глухонемой семье), то в дальнейшем — и при самом благоприятном речевом окружении! — развитие речи крайне затрудняется. Казалось бы, ведь ребенок стал старше, «умнее», так и трудностей в освоении языка у него должно быть меньше? Но на самом деле получается наоборот, и причина в том, что уже прошел, оказался упущенным тот период, когда были наиболее подходящие для этого *возрастные* возможности.

На каждом этапе детства — свои предпосылки умственного роста. В те же дошкольные годы у детей обращают на себя внимание, кроме особой расположенности к освоению речи, яркость образного и эмоционально окрашенного воображения, непосредственная любознательность (так называемый возраст «почемучки»); у многих — тяга к рисованию, конструированию...

В младшем школьном возрасте на первый план выступают готовность и способность запоминать, вбирать. И, судя по всему, имеются для этого поистине необыкновенные данные. Дело тут не только в свойствах памяти. Для учеников младших классов велик авторитет учителя — и очень заметен у них настрой на то, чтобы исполнять его указания, делать именно так, как *надо*. Такая доверчивая исполнительность во многом благоприятствует усвоению. При этом неизбежная подражательность в начальном учении опирается на интуицию ребенка и его своеобразную

инициативу. В те же годы дети нередко обнаруживают склонность поговорить: рассказать обо всем, что видели и слышали в школе, на прогулке, по телевизору, прочли в книжке, в журнале. Потребность поделиться, снова оживить в сознании то, что было с ними недавно, может свидетельствовать о силе впечатлений — дети как бы стремятся с ними освоиться. Все это — неповторимые внутренние условия приобщения к учению. В младшем школьном возрасте острота восприятия, наличие необходимых предпосылок словесного мышления, направленность умственной активности на то, чтобы повторить, внутренне принять, создают благоприятнейшие условия для обогащения и развития психики.

Об особых возможностях учения в эту пору жизни свидетельствуют многие факты. Так, психологами было проведено сравнение особенностей усвоения иностранного языка второклассниками и пятиклассниками, впервые приступившими к занятиям по этому предмету (как известно, в разных типах школ иностранный язык начинают изучать в разном возрасте). Оказалось, что превосходство подростков в уровне умственного развития и нервной выносливости не обеспечивают им большего успеха. Преимущество в усвоении языка обнаружили младшие школьники — в частности, за счет свойственной их возрасту своеобразной речевой активности. На уроках иностранного языка они гораздо охотнее пробуют применять новую лексику и не освоенную еще фонетику, они не боятся ошибиться — активность в иноязычной речи является частью их общей потребности в словесном общении, еще не подверженной действию многих психологических «тормозов» подросткового возраста. Значит, по отношению к иностранному языку вполне можно говорить об особой *возрастной* чувствительности.

Другие преимущества отличают годы отрочества, когда у учеников по-новому складываются отношения с учителями и друг с другом: обретает новые направления их активность, в иных, чем прежде, сферах заявляет о себе их интеллект. У подростков на первый план выступает подъем деятельной энергии, расположенность к разнообразным внеучебным делам, обычно — вместе со сверстниками. Их в гораздо большей

степени, чем младших детей, начинают привлекать занятия, требующие немалого упорства и самостоятельности.

Ученики, вступившие в подростковый возраст, удивительно быстро и легко справляются с некоторыми видами занятий. Так, сочинение на любую тему (воспоминание о прошедшем лете, отношение к какой-нибудь телевизионной передаче) они готовы написать сразу же, в классе, и отнюдь не расположены «заставать» на каких-нибудь колебаниях относительно выбора темы или ее содержания. Их нисколько не затрудняют, например, неожиданные задания, связанные с проведением учебных опытов, — они обнаруживают мгновенную переключаемость, не нуждаются в раскачке. В дальнейшем, в пору ранней юности, уже не так легко будет тут же начать писать сочинение или принять неожиданное поручение — с годами ослабевает замечательная готовность сразу же включаться в новое задание.

У учеников-подростков часто обращают на себя внимание тяготения к делам внеучебным — мгновенно загораются они желанием взяться за новое дело, с немалой изобретательностью, а иногда и самоотверженностью начинают «проявлять себя» — в техническом моделировании, собирании коллекций, юннатской работе и т. п. Расположенность именно к *делу и деятельности*, такая степень психологической зрелости, когда запасы энергии расходуются не только в играх и учении, но и в разнообразных практических работах — характернейшая примета подросткового возраста.

Заметим: переход от одного возрастного периода к другому означает не просто усиление, обогащение психических свойств, но и их подлинное *преобразование* — затухание, прекращение действия одних особенностей и возникновение новых.

В этом — *специфика детства*. Именно в годы созревания возникают своеобразные состояния психики, когда обнаруживаются особые возможности для проявления и становления тех или иных сторон интеллекта. Можно говорить о возрастной одаренности, имея в виду эти, обусловленные возрастом предпосылки развития.

Каждой ступени детства присуща своя и для последующих возрастов не характерная готовность, расположенность к умственному росту. С точки зрения *предпосылок* развития дети как бы одареннее взрослых; но очень важно не упустить эти, *на время возникающие* внутренние условия развития.

Чтобы понять, каков «вклад» тех или иных *возрастных свойств* в формирование способностей, следует иметь в виду, что возрастные особенности не только сменяют, вытесняют друг друга, но могут в какой-то мере и закрепляться, оставлять необратимый след. При этом у каждого ребенка — по-своему, в той или другой степени.

Многое в способностях растущего человека зависит от того, что же сохранится и будет развито из тех свойств, которые выступают в различные периоды детства, — и насколько скажется это на чертах интеллекта.

Известно, что темп возрастного развития — неравномерен: наблюдения за умственным ростом учеников на протяжении ряда лет сталкивают с такими явлениями, как убыстрение или замедление умствен-

ного подъема, неожиданные «взлеты» или задержки, причем у каждого — в свои возрастные сроки. Это обнаруживается и в относительно одинаковых условиях обучения и воспитания. Такого рода различия между детьми позволяют говорить о разных вариантах, типах возрастного развития.

Вернемся к нашим «выдающимся детям», к проблеме ранних проявлений одаренности.

По-видимому, ключ к пониманию раннего расцвета их интеллекта — в том, что у таких детей, вследствие очень быстрого темпа развития, происходит сближение, а затем и совмещение во времени возрастной чувствительности, свойств возрастной одаренности, идущих от разных периодов детства. А это, судя по всему, на какое-то время приводит как бы к удвоению, а то и многократному усилению предпосылок развития интеллекта!

Рассмотрим с этой точки зрения коренную психологическую особенность выдающихся детей: их чрезвычайную умственную активность, непроизвольное, непреостановленное влечение к умственной нагрузке. Так вот, это пристрастие к умственным занятиям, к умственному напряжению может быть следствием такого хода возрастного развития, когда оказывается возможным одновременное действие, как бы суммирование активности разных детских возрастов. В самом деле, например, некоторые черты подросткового возраста — деятельная энергия, настрой на самостоятельное достижение цели — обретают особую силу, если становятся присущи, вследствие ускоренного хода развития, детям более младшего возраста, с их повышенной восприимчивостью и наивной серьезностью. В ту пору детства, когда впечатлительность, готовность усваивать, подражание старшим составляют саму жизнь, когда еще не вступило в свои права половое созревание, — в такие годы потребность в умственной нагрузке, подъем энергии и самостоятельности могут до крайности напрягать и сосредоточивать усилия развивающегося ума, выступить в виде необычной тяги к умственной работе.

Таким образом, *возрастное явление* — своеобразие хода развития — сказывается на подъеме интеллекта, выступает как *фактор одаренности*.

Правда, только у части детей, опережающих свой возраст, подобная одержимость умственными занятиями станет устойчивой особенностью. У других таких детей — при прочих равных условиях — неустанная потребность прилагать умственные усилия в дальнейшем снизится, — это скажется и на развивающихся способностях. Эти различия в последующем ходе развития можно рассматривать как подтверждение того, что яркие проявления детской одаренности во многом зависят именно от *возрастных*, в определенную пору возникающих и в какой-то мере проходящих особенностей.

Особо следует подчеркнуть: расцвет интеллекта может начинаться и не в ранние годы. Достаточно известен тип возрастного умственного развития, прямо противоположный только что рассмотренному: как бы замедленный, когда исподволь, постепенно происходит накопление умственных достоинств. Так, в старших классах можно встретить учеников, которые в эти годы впервые (нередко — к удивлению педаго-

гов и соучеников) начинают обнаруживать признаки незаурядных способностей. Имеются в виду не те случаи, когда подъем успехов старшеклассника связан с укреплением здоровья, улучшением домашних условий, увеличением времени, отдаваемого занятиям и т. п. Речь идет и не об учениках, чьи большие умственные возможности в силу тех или иных обстоятельств до какого-то времени просто оставались незамеченными или не понятыми старшими. Мы имеем в виду те случаи, когда происходит существенное *изменение* самих свойств интеллекта подростка. Как показывают наблюдения, значительные сдвиги в умственном развитии бывают связаны с повышением чувствительности к тому, что прежде было *безразличным*.

Для старшего школьного возраста характерны установка на будущее, поиск жизненной перспективы, повышение чувства ответственности. Вступление в раннюю юность означает и обогащение эмоциональной сферы, развитие волевых качеств, рост самосознания, стремления управлять собой. Все это, равно как и своеобразие темпа и ритма взросления, — внутренние условия тех относительно поздних и резких сдвигов в подъеме интеллекта, о которых идет речь.

Вот, например, ход развития одного школьника на протяжении десяти учебных лет. Мальчик, третий ребенок в семье, где родители-инженеры предоставляли детям большую свободу, читать научился уже в школе; в младших классах учился у очень хорошей учительницы, отмечавшей его аккуратность и организованность в занятиях, получал у нее довольно высокие оценки, но сколько-нибудь ярким учеником не был. Учительница отзывалась о нем так: «Хлопот не доставляет, старается». В средних классах учебные успехи у него снизились: в V—VI классах он не умел сделать небольшого сообщения на уроке, выступить с развернутым отзывом об ответе соученика, в то время как такие формы работы были приняты в его классе. Домашние задания он выполнял, на уроках старался отвечать, но ответы его оказывались не всегда правильными и к тому же — замедленными. По сравнению со многими соучениками он был тугодум. Интересно, что сам он в те годы был склонен скорее преувеличивать свои учебные возможности, чем недооценивать, иногда претендовал на более высокие оценки, чем того заслуживал. В седьмом классе среди сильных учеников началось своеобразное повальное увлечение — посещать читальный зал городской библиотеки. Приобщился к этому и он, беря там поначалу научно-популярные журналы — а затем стал брать со стеллажей приглянувшиеся ему книги. Во время занятий в библиотеке обнаружилась его особая неутомимость: он мог, не отвлекаясь, читать по многу часов подряд.

Вскоре он стал читать запоем, с чисто подростковой безудержностью и стремлением к самоутверждению в новом виде занятий. После длившегося несколько месяцев беспорядочного чтения он решил систематически заниматься расширением своих знаний. Достал чью-то подготовительную программу для филологического факультета и стал читать, следуя ей, избегая пропустить хоть что-нибудь из рекомендо-

Андрейский
Почерк

ванной литературы. В тот период (в восьмом классе) очень заметно снизилось для него значение школьных занятий: на уроках чаще всего переписывал какие-то свои записки. Это был период его поистине самостоятельной работы. Он и дома, не только в библиотеке, стал сидеть допоздна за полюбившимися книгами. За какой-то год, сначала по хрестоматии, а затем по первоисточникам, он познакомился со многими памятниками литературы. По-видимому, навыки умственной работы и более высокий уровень общей культуры позволяли ему гораздо легче справляться и с другими видами занятий. Нелегко было привыкнуть педагогам, как и соученикам, к тому, что он уже не тот, каким они знали его в прошлые годы. К концу девятого, и особенно в десятом классе, он стал относительно больше внимания уделять своим ученическим обязанностям — и тогда-то неожиданно для всех обнаружилось, как много было им накоплено за последние годы. Он заблестал необычным богатством фактических знаний, умением выделить существенное. Хотя направленность его интересов и неутомимость в умственной работе давали ему очень заметные преимущества прежде всего в занятиях по гуманитарным предметам, как-то само собой он выдвинулся в число сильных учеников и по остальным. Можно говорить о существенном сдвиге в его общем развитии: не было у него прежде ни той легкости усвоения новых знаний, ни самостоятельности и широты мышления.

По-видимому, возрастные особенности ранней юности в единстве с подростковыми чертами оказались особенно благоприятными для роста его умственных сил.

Такого рода случаи резкого подъема интеллекта на том или ином этапе школьного детства свидетельствуют, что *признаки одаренности* находятся в явной связи с ходом *возрастного* развития. Судя по всему, у некоторых старших школьников черты нового возрастного периода выступают усиленными и как бы дополнительно заряженными частично сохранившимися у них чертами более раннего, переходного возраста.

Из всего сказанного следует основной вывод: *возрастная одаренность* — существует. Особая чувствительность и направленность активности, изменяющиеся от одной ступени детства к другой, сочетание, совмещение свойств разных возрастных периодов — это необходимые условия, предпосылки становления и расцвета интеллекта.

Интересующие нас индивидуальные различия по способностям — «родом из детства». Яркие проявления возрастной одаренности — та почва, на которой могут вырастать выдающиеся способности.

Вместе с тем в незаурядных проявлениях ребенка — это не надо упускать из виду — выступают и те особенности возраста, которые окажутся преходящими, недолговечными. Поэтому перед родителями и педагогами не может не возникнуть вопрос — в какой мере в свойствах растущего человека уже раскрываются его будущие возможности, его подлинная индивидуальность? О выявлении наиболее устойчивых свойств, о трудностях прогноза развития способностей мы поговорим в следующий раз.

О СУДЬБЕ СЕМЬИ СВЕРДЛОВЫХ

Рой МЕДВЕДЕВ

Революция и гражданская война в России самым причудливым образом отразились на судьбе многих российских семей. Родные и близкие на долгие годы и даже навсегда теряли связь друг с другом; немало было случаев, когда и брат шел против брата, и отец против сына. И даже близкие когда-то по убеждениям люди переставали понимать друг друга, оказывались по разные стороны баррикад. Партийные и политические связи были в ту пору сильнее родственных уз. Но и в этих условиях трудно привести пример более необычной и причудливо сложившейся картины, чем судьба семьи и родственников Якова Михайловича Свердлова.

Я. М. Свердлов

Я. М. Свердлов родился в 1885 году в Нижнем Новгороде в семье гравера Михаила Израилевича Свердлова. Это была большая еврейская семья, в которой Яков был третьим ребенком. У Михаила Израилевича и его жены Елизаветы Соломоновны уже была трехлетняя дочь Софья и годовалый мальчик — Зиновий. Через два года после Якова родился его второй брат Вениамин, затем третий брат — Лев и сестра Сарра. Мать Якова Михайловича умерла в 1900 году; от второго брака Михаила Израилевича с его новой женой Марией Александровной Кормильцевой появились на свет сыновья — Герман и Александр. Последний из братьев Якова — Александр родился в 1910 году. Он жив и сегодня. Некоторые из сведений, содержащихся в этом очерке, автор почерпнул из краткой беседы с ним.

В работе революционных кружков Нижнего Новгорода Яков Михайлович, так же, впрочем, как и его братья Вениамин и Зиновий, принимал участие уже с 1900—1901 гг., когда ни полиция, ни сами молодые люди еще не слишком-то отличали разные социалистические течения. Поэтому в первых донесениях полиции их числили чаще всего как социалистов-революционеров (эсеров).

К 1906 году Зиновий уже покинул Россию и скитался в Америке, а Яков Свердлов не только прочно стоял на платформе большевиков, но в качестве профессионального революционера, под партийной кличкой «Андрей» или «товарищ Андрей», руководил политическими стачками и выступлениями на Урале. С 1900 по 1917 год он более 10 лет провел в тюрьмах и ссылках —

Я. М. Свердлов с женой К. Т. Новгородцевой

в Томской и Петербургской тюрьмах, в Нарымской и Тобольской ссылках. В 1913 году он был сослан в Туруханский край, где находился до февральской революции. Здесь он близко познакомился со Сталиным, некоторое время жил с ним в одной комнате. Впрочем, между ними не возникло ни дружбы, ни симпатии; Свердлов писал из Туруханска о своем соседе Иосифе Джугашвили с нескрываемой неприязнью.

Стремительный рост авторитета и влия-

ния Свердлова в большевистской партии начался после февральской революции.

На 7-й Апрельской конференции РСДРП(б) он был избран членом ЦК РСДРП(б) и секретарем ЦК. Именно Свердлов проводил совместно с Е. Д. Стасовой, а отнюдь не со Сталиным, подготовку и организацию VI съезда партии. В июле — сентябре 1917 года, когда Ленин и Зиновьев были вынуждены скрываться в подполье, а Троцкий, недавно вступивший

в партию большевиков, оказался в тюрьме, именно Свердлов фактически стал во главе всей практической работы большевистской партии.

8(21) ноября 1917 года — после отставки Л. Каменева — Я. М. Свердлов был избран, по предложению Ленина, председателем ВЦИК. Он стал, таким образом, главой высшего органа Советской власти. Мы не добавляем здесь слова «формальный». Формальным главой Советской власти стал позднее М. И. Калинин, потом Н. М. Шверник, К. Е. Ворошилов. При Свердлове положение дел было иным. Конечно, фактическим главой и руководителем, основателем и вдохновителем партии большевиков и Советского государства был Ленин. Никто не оспаривал в 1917—1923 гг. положения и авторитета Ленина как вождя партии и пролетариата. Однако в те годы не существовало ни культа Ленина, ни системы единоличной власти. Напротив, крайне значительными были влияние и власть многих соратников Ленина, и Свердлов занимал здесь особое место.

Ленин полностью доверял Якову Михайловичу, и в трудные месяцы и годы первого периода революции и гражданской войны Я. М. Свердлов нередко принимал единичные решения по важнейшим вопросам партийного и государственного строительства и по военным вопросам. Не только подписи Ленина, но и Свердлова стоит под многими из самых важных декретов Советской власти. К сожалению, далеко не все решения Свердлова в этот период были правильными. Особенно часто вспоминают в этой связи в настоящее время печально известный декрет о «расказначивании», подписанный Свердловым в январе 1919 года. Этот жестокий и несправедливый декрет, предписывающий «поголовное истребление богатых казаков», «уравнение казаков с инородцами», «массовое переселение бедноты на казачьи земли», имел крайне тяжелые последствия для судеб молодой Советской России, привел к восстанию Донского казачества и затянул по крайней мере на год гражданскую войну в России. (Подробнее о «расказначивании» см. опубликованную в журнале «Подъем» (№№ 1—5 за 1989 г.) книгу: Р. А. Медведев, С. П. Стариков. «Жизнь и гибель командарма Миронова».) Декрет о «расказначивании» был отменен в марте 1919 года, в дни, когда Свердлов умирал от «испанки», тяжелой формы вирусного гриппа, эпидемия которого унесла в послевоенной Европе миллионы жизней, не пощадив и Россию.

Выступая в день похорон Свердлова на расширенном заседании ВЦИК, Ленин говорил:

«Товарищу Свердлову довелось в ходе нашей революции, в ее победах выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было другому, самые главные и самые существенные черты пролетарской революции, и именно в этом в еще гораздо большей степени, чем в его беззаветной преданности революционному делу, заключается значение его как вождя пролетарской революции... Такого человека, который выработал в себе этот исключительный организаторский талант, нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одно лицо, одного товарища, совме-

щающего в себе такие способности... Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения на ответственные посты по всем разнообразным специальностям, — эта работа будет теперь нам под силу лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал товарищ Свердлов, мы выдвинем целые группы людей, которые, идя по его стопам, сумели бы приблизиться к тому, что делал один человек».

Никогда раньше и никогда позже Ленин не давал столь лестной характеристики и столь высокой оценки ни одному из своих ближайших соратников.

Женой Свердлова была К. Т. Новгородцева, он часто писал ей из Туруханской ссылки, и она приезжала к нему в ссылку с сыном Андреем и дочерью Верой. Вместе с ними он жил в 1918—1919 гг. в Кремле. Но мало кто знает, что у Я. М. Свердлова была еще раньше женой Екатерина (Каролина) Шмидт, от которой в 1904 году родилась дочь Евгения. Этот первый брак Якова Михайловича распался, и Свердлову трудно было заботиться о судьбе своей первой дочери и первой жены. Со своим отцом и братом Вениамином Свердлов поддерживал эпизодические связи, но о судьбе многих других близких родственников он просто не знал. Отец Якова Михайловича сумел приехать в Москву на похороны сына. Дела старого гравера в Нижнем Новгороде шли в это время плохо, и его семья испытывала острую нужду. Известно, что как раз во время VIII съезда партии состоялось заседание ЦК РКП(б), на котором среди прочих проблем был обсужден и вопрос о семье Свердлова. В протоколе заседания ЦК можно прочесть:

— Слушали: Тов. Ленин сообщает, что т. Красин просит пересмотреть решение о В. М. Свердлове и назначить его в коллегию Наркомпутя. Тт. Владимирский и Стасова указывают, что Свердлов не является своим партийным товарищем (т. е. не состоит в РКП(б)), но является весьма ценным работником как безупречно честный человек и делец с американской складкой.

— Постановили: Командировать В. М. Свердлова в Наркомпутя.

— Слушали: Тов. Владимирский поднимает вопрос об обеспечении семьи Я. М. Свердлова, считая нужным войти в положение отца Я. М., который получил от Совнархоза поручение насчет постановки мастерской печатей, израсходовал до 60 000 рублей, а затем и материал, и вся мастерская оказалась реквизированной.

— Постановили: Единогласно выдать семье 5000 рублей и выдавать по 2000 рублей каждому ребенку ежемесячно до совершеннолетия. Суммы эти распределяются между ЦК и ВЦИК. Вопрос об отце передать на разбор т. Рыкову.

По тем временам все эти суммы вспомоществования были не особенно велики, и семья Михаила Израилевича продолжала нуждаться. Вскоре он тяжело заболел и умер в 1921 году, пережив Якова Михайловича всего на два года.

Братья и сестры

Раньше всех ушел из жизни один из младших братьев Якова Михайловича Лев Свердлов. Еще четырнадцатилетним уче-

ником реального училища Лев принимал посильное участие в революционных событиях 1905—1906 гг. Вместе с товарищами он распространял листовки и организовывал санитарные отряды на случай возможных погромов и восстаний. Однако в 1914 году в возрасте всего 23 лет он умер от туберкулеза. Известно, что он принимал участие в революционной работе и после 1906-го года и несколько лет содержался в тюрьме. Это и подорвало его здоровье.

Старшая сестра Якова Михайловича Софья получила медицинское образование. Она вышла замуж за богатого коммерсанта Леонида Исааковича Авербаха, который по одним данным был владельцем паровой фирмы на Волге, а по другим владел небольшой типографией в Саратове. После революции Софья Михайловна переехала с семьей в Москву. Она никогда не вступала в партию и работала врачом. Но ее сын Л. Л. Авербах не только рано вступил в партию, но и стал весьма известным литературоведом, одним из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Дочь Софьи Михайловны получила юридическое образование и работала в середине 30-х годов заместителем прокурора г. Москвы. Она стала женой всесильного тогда наркома внутренних дел СССР Генриха Ягоды. Вероятно, именно это родство сыграло трагическую роль в судьбе всей семьи старшей сестры Якова Михайловича. В 1937 году были арестованы и вскоре погибли ее сын и дочь, не говоря уже о Генрихе Ягоде. В заключении оказался даже внук Софьи Михайловны. Сама она также была арестована и многие годы провела в лагерях. Совсем больной женщиной Софья Михайловна была освобождена из заключения в конце 40-х годов и умерла в 1951 году в Торжке. (Она не имела права жить и работать в крупных городах.)

Младшая сестра Якова Михайловича — Сарра также стала врачом. Она не вступала в партию и все время работала в Москве в Филатовской, а затем в Морозовской больницах. Впрочем, в годы революции и Сарра Михайловна старалась чем-то помочь своему брату и выполняла некоторое время техническую работу по поручениям Е. Д. Стасовой. В дальнейшем Сарра Михайловна старалась держаться дальше от политики, хотя и поддерживала отношения со своим старшим братом Вениамином и младшим — Германом. Она умерла в 1964 году в возрасте 75 лет.

Более трагически сложилась судьба Вениамина Михайловича Свердлова, которого в протоколе ЦК РКП(б) в 1919 г. охарактеризовали как «дельца с американской складкой». Хотя Вениамин и не стал членом партии большевиков, он в годы революции 1905—1907 гг. сочетал предпринимательскую деятельность с революционной работой.

После поражения Первой русской революции Вениамин эмигрировал, и у меня нет сведений о том, что он делал за границей, во всяком случае он не вел там, по-видимому, революционной работы, хотя и жил в первые годы как политический эмигрант. Имеются сведения, что Вениамин бежал за границу из Сибири,

куда он был отправлен в ссылку. Он вернулся в Россию в октябре 1917 года, поддерживал постоянные связи со своим братом Яковом, но предпочел не вступать в партию большевиков. В 1918-м году Вениамин Свердлов был избран председателем общества «Красный Крест». Мы уже знаем, что после смерти Якова Свердлова решением ЦК РКП(б) Вениамин «командируется» в Наркомпуть. Будучи умелым и активным хозяйственным руководителем, В. Свердлов возглавил работы по восстановлению железных дорог в Сибири после разгрома Колчака. В 20-е годы он занимал посты начальника Главного горного управления, начальника Главного Комитета Государственных сооружений, заместителя наркома путей сообщения. Только в 1932 году Вениамин наконец-то подал заявление о вступлении в партию большевиков. Его прием в партию был оформлен не через партийную первичную организацию, а персонально в ЦК ВКП(б). Однако после назначения наркомом путей сообщения Л. М. Кагановича положение всех прежних руководителей этого наркомата стало весьма сложным. После ряда конфликтов с новым наркомом Вениамин Свердлов был исключен из партии «за отсутствие бдительности в отношении врага народа Серебрякова, за дружескую связь с ним, а также за неактивность в партийной работе». Разумеется, Вениамин был снят с ответственной работы в наркомате. Он пытался протестовать и направил апелляцию в Московский горком партии. Но его не восстановили в партии, а назначили начальником строительства одного из участков шоссе на дороге Москва — Минск. Вскоре он был арестован.

Следствие по делу Вениамина Свердлова, как и других «вредителей» из Наркомата путей сообщения, проходило в Москве, и он содержался в общей камере на Лубянке. Брата Якова Свердлова приговорили к 10 годам заключения и направили в один из лагерей в Воркуту. Долго он здесь не прожил. По воспоминаниям и свидетельству Софьи Яковлевны Дерман-Дальней, которая тоже оказалась в Воркуте в «инвалидной командировке» близ местечка Адаг, но как врач могла посещать не только женские, но и мужские бараки, она в одном из таких барачков встретила Вениамина Свердлова. Он был крайне истощен и почти не вставал с нар. Вениамин был очень замкнут, морально подавлен и почти не разговаривал. Лишь изредка он выходил из барака, чтобы посидеть на солнце. В бараке находилось еще 50 или 70 человек, и все они были в таком положении, что и Вениамин. Брат Я. Свердлова так и умер в инвалидном бараке в конце 1939 или в начале 1940 г. Он получал откуда-то продуктовые посылки, но ни с кем не делился, а после его смерти большая часть всех этих продуктов была найдена под его койкой и досталась охране. Это была частая форма тихого помешательства от страха перед голодом: заключенные почти ничего не ели, делали продовольственные «запасы» и умирали от голода. Вениамин никому не писал, опасаясь навлечь неприятности на родственников. Трудно проверить эти воспоминания, так как это было единственное свидетельство, которое

родственникам Вениамина удалось получить о его судьбе после смерти Сталина.

Не вполне обычно сложились и судьба одного из младших братьев Якова Свердлова — Германа Михайловича Свердлова. После смерти отца — Михаила Израилевича, шестнадцатилетнего юношу взял в свою семью его сводный брат — Вениамин. Герман уже успел проучиться несколько лет в Нижегородской губернской гимназии и на Высших художественных курсах в Нижнем Новгороде. В Москве он стал учиться в Первой опытно-показательной школе, где обучались также дети многих высших руководителей партии и государства. Учился здесь и Яков Джугашвили. Герман и Яков познакомились, но близкой дружбы между ними не возникло. Несмотря на тяжелую болезнь (костный туберкулез), а может быть, и в целях борьбы с ней, Герман много времени уделял спорту, особенно конькам и лыжам. Он бегал на лыжах в корсете и тем не менее стал перворазрядником, а один раз — даже чемпионом Москвы в беге на короткие дистанции. Уже в молодые годы Герман легко сходился с людьми, был очень начитан и остроумен. После окончания школы в 1923 году Герман Свердлов несколько лет работал в печати — в «Финансовой газете» и в газете «Экономическая жизнь». Затем в 1927—1934 годах служил в Наркомате финансов СССР, сначала на малозначительных должностях, а позднее директором Всесоюзного заочного института НКФ СССР. Герман свободно владел английским языком, и, вероятно, это было одной из причин его назначения в Лондон — директором-распорядителем Черноморско-Балтийского страхового общества. В 1937 году он настоял на возвращении в Москву и стал работать на ответственных должностях в Промбанке. Герман не подвергался репрессиям, хотя не избежал партийных взысканий.

Герман был младше Якова ровно на 20 лет, и в конце 30-х годов он удивительно напоминал своей внешностью Якова Михайловича времен 1918-го года.

Когда после фильма «Ленин в Октябре» началась подготовка к съемкам фильма «Ленин в 1918 году», то режиссер этого фильма М. И. Ромм пригласил Германа Михайловича сниматься в этом фильме, так как в некоторых кадрах картины предполагалось показать не только Ленина и Сталина, но и Свердлова. Герман согласился, и артист Н. С. Плотников стал приходить к Герману Свердлову, чтобы учить его некоторым азам актерского искусства. В конечном счете Герман сумел великолепно сыграть в фильме роль брата. На первом просмотре в Кремле фильм всем понравился, однако Сталин, читая титры, обратил внимание на слова о том, что роль Я. М. Свердлова играет Г. Свердлов. На вопрос Сталина режиссер ответил, что это младший брат Якова Михайловича, работник Промбанка и опытный пропагандист. «Нехорошо», — заметил Сталин, — пропагандист выступает как актер. И непонятно будет — «роль Свердлова играет Свердлов». Так оставить нельзя. Уберите». Пришлось все сцены с Яковом Михайловичем вырезать и переснимать заново, опять воссоздавая декорации Кремля. Некоторые сцены были исключены

вовсе, так как у профессионального артиста они не получились. Узнав о вмешательстве Сталина, Герман был очень напуган и больше не появлялся на Мосфильме.

Еще в 30-е годы Герман Свердлов часто выступал в разных аудиториях в качестве лектора, главным образом, на темы о международном положении. Эти лекции пользовались немалым успехом. Не будучи военнообязанным, Герман не служил в армии, но часто выезжал на фронт в качестве лектора Политуправления Красной Армии. Однажды он попал под бомбежку и получил тяжелое ранение. В 1944 году в Москве был организован Институт мировой политики и мировой экономики. Герман Михайлович был приглашен туда младшим научным сотрудником, потом стал старшим научным сотрудником, заведующим сектором, защитил диссертацию — «Английский империализм и политика перевооружения ФРГ». По тем временам это была серьезная работа, основанная главным образом на зарубежных источниках. И все же в Москве, а позднее и в Союзе Германа Михайловича знали, прежде всего, как лектора-международника.

В 70-е годы Герман Михайлович выступал уже редко, сказывался возраст и болезнь. К своему 70-летию юбилею он был награжден орденом Октябрьской революции. В 1980 году 75-летний Герман Михайлович получил много приветственных телеграмм. Его знали во многих странах, так как он часто выезжал с лекциями и за границу. По подсчету родственников, Герман Михайлович побывал за всю свою жизнь в 39 странах. Он умер 6 июля 1984 года.

Самый младший из братьев Свердловых Александр Михайлович родился в 1910 году в Нижнем Новгороде, но в 1921 году переехал с матерью в Симбирск, где и окончил среднюю школу. В 1929 году Александр пытался сдать экзамены в Ленинградский педагогический институт, но неудачно. Здесь его разжаловали Вениамин Свердлов и помог устроиться на работу в Москве в Особое техническое бюро. Перед войной Александр Михайлович начал учиться в Московском энергетическом институте, но закончил его уже после войны. И в годы войны и после нее работал техником, потом инженером, главным образом, по испытанию различной аппаратуры. В различного рода закрытых институтах прошла и вся его деятельность в 50—70-е годы. В партию он вступил еще в 1931 году. Он практически не поддерживал отношений с детьми Михаила Израилевича от первого брака. Был, однако, очень дружен с Саррой Михайловной и ее семьей. Видимо, его напугали аресты Вениамина, а также Иды — жены Генриха Ягоды. Во всяком случае в партийном деле А. М. Свердлова был в 30-е годы записан выговор «за несвоевременное сообщение об аресте своих родственников». В настоящее время персональный пенсионер союзного значения Александр Михайлович живет в Москве.

Окончание в следующем номере

Боюсь, что в густой толпе металлистов, рокеров, бомжей, наркоманов, проституток и несовершеннолетних уголовников, в хлынувшей с экрана разнообразнейшей информации, рассказывающей о том, как лучше всего «соскочить с иглы» или, наоборот, пронести в тюрьму с воли «травку», как следует кленть клентов, выяснять отношения с милицией, коротать лагерные сроки, крутить любовь в заброшенных домах и т. д.— боюсь, что в этом потоке современных лент, в котором так причудливо смешались новизна и конъюнктура, сострадание к отверженным, о которых раньше ничего не хотел знать наш экран,— и почти расчетливая жестокость — незаметно пройдет по экранам фильм «Оно» ленинградского режиссера Михаила Овчарова. Критики не спешат посвящать ему свои аналитические обзоры. Зрители не забрасывают редакции восторженными или, напротив того, разгневанными откликами. Кинотеатры не сражаются

друг с другом за право премьерного показа. Между тем «Оно» — одна из самых оригинальных современных картин. Впрочем, она стоит особняком не только в репертуаре двух-трех лет. Я вообще не нахожу этой работе Михаила Овчарова никаких анало-

гов в советском и зарубежном кинематографе. Вот почему мне хочется в данном случае отойти от канонов обычной рецензии и построить разговор о фильме в жанре, ну, не то чтобы, совсем рекламном, однако являющемся чем-то вроде «приглашения к просмотру».

Начнем с того, что «Оно» создано по мотивам «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина... Чувствую, что при этих словах не видевший фильма читатель уже заранее заскучал или махнул рукой. Смотреть в наше время экранизации — мыслимо ли это? Да мы и газеты-то проглядывать не успеваем! У нас три непрочитанных «Огонька» на столе, кипа выписанных второпях, в расчете на какие-то скрытые резервы нашего

Татьяна ХЛОПЛЯНИНА

В ОЖИДАНИИ УГРЮМ- БУРЧЕЕВА

(Приглашение к просмотру)

времени, журналов да несколько уже разодранных на части, но толком так и не прочитанных «Литературок». Где уж нам экранизации смотреть, тем более Салтыкова-Щедрина, писателя вообще-то достаточно загадочного, с одной стороны; а с другой — вроде бы давно «пройденного» в школе, — пройденного лишь до какой-то границы, за пределы которой многие, очень многие так и не решились заглянуть; писателя, чье имя помнится много раз на дню, которого без конца цитируют, но гораздо реже читают и перечитывают.

Тогда утешу. Фильм «Оно» — хоть и экранизация, но — весь про нашу жизнь. В аннотации, напечатанной в газете «Досуг в Москве», так и сказано: «Перед нами на экране промелькнул и Ленин, и Орджоникидзе, и Сталин, и Берия, и Хрущев, и даже Абель Аравидзе из «Покаяния».

Уже ближе... Уже интереснее. Впрочем, достаточно информированный кинозритель и тут, пожалуй, лишь пожмет плечами. Эка невидаль — Сталин! Да редко в каком фильме он сейчас не фигурирует! И что за доблесть, право, — приспособить Салтыкова-Щедрина под свои сюжонутые политические нужды, подрисовать к забываемым портретам российских градоначальников хорошо знакомые нам всем усы или брови... Этим искусством в совершенстве владеют сегодня даже уличные мальчишки.

Тогда я немножко вас заинтригую. Дело в том, что Михаил Овчаров никакими методами дешевого осовременивания не пользовался и к созданным Салтыковым-Щедриным портретам ничего не подрисовывал. Но снимал все, как написано.

Да как же так?! — воскликнет уже терпящий терпение читатель. Ведь «История одного города» опубликована — когда? Еще в 1870 году! Мог ли Салтыков-Щедрин даже с его даром политического предвидения угадать, что случится в городе Глупове спустя пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет?

Признаться, я и сама заинтригована. Положим, город Глупов, как вы помните, построен на болотах, в болотах же рождаются призраки. И среди этих призраков писатель действительно мог разглядеть тени, которым суждено было материализоваться

лишь в будущем.

Но как смог сравнительно молодой режиссер — даже при условии, что он собрал вокруг себя первоклассный ансамбль или, говоря по современному, команду единомышленников, — схватить эти тени, эти призраки, что называется, за руку, вывести их под беспощадный свет кинематографических юпитеров?

Не знаю — как. То есть я могу объяснить читателю, что фильм «Оно» является как бы стилизацией под старое кино. Это опять-таки вполне в духе экранизируемого произведения. Оно, как вы помните, имеет подзаголовок: «По подлинным документам издал М. Е. Салтыков (Щедрин) «А что такое в нашем представлении «подлинный документ»? Это очень часто — киноленка. Вот оператор В. Федосов, оператор совершенно удивительный! — и вводит нас в историю города Глупова так, как эта история могла быть снята где-нибудь году в двадцатом или в начале тридцатых — камера немного дрыгается, кадр невыстроен, пленка успела уже изрядно пожелтеть от времени... Музыкальное сопровождение тоже соответствует — где-то на стыке провинциального городского романа и современных мелодий, впитавших в себя скрежет железа, вой ветра, ужас жизни и ее непостижимую притягательность — создает композитор С. Курехин ту музыку, которая придает всему, что мы видим на экране, особый, неповторимый ритм.

Под эту музыку проходит перед нами череда описанных Салтыковым-Щедриным глуповских градоначальников; сначала — какие-то былинные старцы, потом — машущий бичом в снежной пустыне удалой азиат в малахе, потом — женщины, обильно жестикующие, задирающие юбки и визгливо оспаривающие друг у друга права на трон, потом — Фердыщенко... Стоп. Здесь первая загадка, потому что я не могу сказать толком, кого именно играет Ролан Быков. Революционный вождь, свой, протестный, понятный, здоровяк с народом за руку, охотно подставляющий свое плечо под бревно, которое волокут куда-то на суботнике, он, совершенно не меняя грима, приобретает черты зловещего диктатора в хорошо всем нам знакомом френче военного образца, а потом шествует дальше, дальше, лицо его как бы округ-

ляется, смягчается, военный френч заменяется просторной, немного мешковато сидящей одеждой, этот новый Фердыщенко очень словоохотлив, он долго и длинно объясняет народу, что нужно сеять на земле и что строить, пионеры повязывают ему галстук, селяне подносят хлеб-соль... Положим, Ролан Быков актер абсолютно гениальный и может сыграть кого угодно, но как ему удастся сыграть одновременно сразу двух, трех, даже четырех человек?

Это — загадка не только быковского образа. Все актеры — и Л. Куравлев в расшитой косоворотке, и О. Табаков с его раскатистым «Не потерплю!», произносимым на разные лады, и грустно-чувствительный Р. Нахапетов, играющий Грустилова, — в принципе никого конкретно, кажется, и не изображают. Они останавливаются за полшага до невидимой грани, отделяющей сыгранных ими героев от достоверного портрета или от шаржа. Если бы они переступили эту грань — получился бы политический кинопамфлет. В этом случае фильм «Оно» приобрел бы и злободневность киновоевника, и мне не пришлось бы снабжать данную статью рубрикой «Приглашение к просмотру», потому что публика и без того повалила бы на фильм.

Но вот — не слишком, кажется, валил. Причина (отчасти) — и в некоторой затянутости ленты. М. Овчаров много не рассчитал метраж, в иных местах (мне кажется, я даже знаю — в каких) его киноповествование теряет ритм. Однако, я думаю, главная причина нашего невнимания к ленте кроется все же в нас самих. Мы слишком живем теперь сегодняшними политическими страстями. Фильм же «Оно» стремится взглянуть в вечность.

Обратимся опять к Салтыкову-Щедрину. «Изображая жизнь», находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия, — писал Салтыков-Щедрин по поводу своей «Истории одного города». — Для меня хронология не представляет стеснения, ибо... я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей...»

Признаюсь — я нашла эту цитату не в письмах классика. Я списала ее из предисловия к одностомнику С. Е. Салтыкова-Щедрина,

изданному в 1954 году. А писалось и набиралось это предисловие, следовательно, гораздо раньше — еще при Сталине. И, тарабани на экзаменах фразы про то, как Щедрин изобразил в своей хронике города Глупова российское самодержавие — поколения советских школьников, студентов, аспирантов и т. д. даже вообразить себе, наверное, не могли, какие бездны откроет вскоре перед нами уже гораздо более близкая им история! Право же, что-то почти мистическое есть в нашей зависимости от власти! У одного властителя — механический органчик в голове, другой всюду видит врагов, третий любит давать сельскохозяйственные советы, четвертый чувствителен, пятый... пятый «был ужасен». И всякий раз мы торопимся подстроиться, принять как жизненный принцип, объяснить эту подозрительность, чувствительность, ужасность, расхлябанность или, наоборот, страсть к порядку и однообразию. Да, и в этом смысле авторы «Оно» оказались близки Салтыкову-Щедрину — отнюдь не «веселонравие» пробуждает в зрителе их фильм (хотя смеются на просмотре много) — а грустное сознание своей связи с разнообразными тенями, рожденными на болотах города Глупова. Хочется эту связь как-то наконец оборвать. Но как?

«Оно» близилось, и по мере того, как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ниц. Несповедный ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца.

Оно пришло...

История прекратила течение свое...

...Я, кажется, собиралась пригласить вас на просмотр. Не знаю, вышло ли это? Впечатления от фильма слишком сливаются с впечатлениями от нашей действительности.

Что такое это «оно», придуманное Салтыковым-Щедриным в отношении споконьятия российской действительности 19-го века и теперь подвинувшееся к нам так близко?

Никто не знает.

Но история ни в коем случае не должна прекратить течение свое!

Для этого и пишутся такие книги, как «История города Глупова».

Для этого и снимаются такие ленты, как «Оно»...

МК МУЗЫКАЛЬНЫЙ
КЛУБ

Альфред Шнитке И ПРОБЛЕМА АВАНГАРДА

Музыка Альфреда Шнитке еще недостаточно знакома «массовому» слушателю. Между тем сегодня он крупнейшая величина в музыкальной культуре современной России. Замалчивать его творчество, как это делалось многие годы, стало невозможно, сыграла свою роль и его быстро растущая мировая известность. Появились первые публикации и в советской прессе, Шнитке стал желанным гостем на телевидении, вышли пластинки с записями его крупных произведений. Но некоторая предубежденность ограничивает круг желающих приобщиться к его творчеству. Эта предубежденность связана, возможно, с самим представлением его музыки как музыки авангарда. А раз «авангард» — значит, это «для избранных». Но так ли это?

Мы предлагаем читателям МК точку зрения Феликса Розинера, автора нашего журнала в 70-е годы. В настоящее время он живет в Соединенных Штатах, известен как писатель, профессиональный музыковед, автор статей о музыке в семитомной «Истории русской литературы», выходящей в издательствах Файяр (Франция) и Эйнауди (Италия). Его статья «Симфония ля-мажор «Юбилей», посвященная 50-летию Альфреда Шнитке, печатается в сокращении.

Альфред Гарриевич Шнитке родился 24 ноября 1934 года в городе Энгельсе (в то время столица Республики немцев Поволжья, сейчас районный центр Саратовской области). «Мое немецкое имя я получил от своих родителей: мой отец, еврей, родившийся во Франкфурте-на-Одере, приехал в 1926 году в СССР со своими родителями российского происхождения и женился на родившейся в России немке. В детстве я говорил на немецком — на «волжском немецком» моей матери», — вспоминал композитор.

Во время войны отец Альфреда был военным переводчиком в разведке, а в 1946—1948 году работал в Вене в издававшейся на немецком языке газете советской военной администрации. В эти послевоенные годы в Вене жила вся семья Шнитке. Там Альфред, уже довольно поздно, в возрасте 12—14 лет, начинает заниматься музыкой. И как он шуточно пишет о себе, «с высоким воодушевлением стал сочинять». Семья возвращается в СССР, живет в Подмоскovie и только позже перебирается в Москву. Музыкаль-

ное образование подростка не шло по обычным путям: он уже перерос тот возраст, в котором принимают в детские музыкальные школы. Все же после различных перипетий (Альфред, например, хотел было обучаться игре на баяне), он поступает на дирижерско-хоровое отделение. В 1953—1958 годах Шнитке учится композиции в Московской консерватории, а позже занимается в аспирантуре у Е. К. Голубева. Его дипломная работа — оратория «Нагасаки» (1958) обратила на себя внимание московских музыкальных

кругов. Чуть позже, с начала 60-х, то и дело говорят о трех авангардистах-москвичах: Денисове, Шнитке, Губайдуллиной (но автор этих строк всегда предпочитал иной порядок: Шнитке, Губайдуллина, Денисов). К середине — второй половине 60-х годов становится видно, что дарование Альфреда Шнитке таит в себе мощный творческий потенциал: он пишет много и в разных жанрах — и ничего банального, «проходного», все у него насыщено новизной музыкальной мысли. В начале 70-х годов композитор уже встает в полный рост; и автор этих строк, услышав недавно: «Некоторые его считают гением», — ответит с гордостью, пусть и не слишком умной: «Я это утверждал еще лет десять с лишним назад». В 80-х музыка Шнитке для Москвы — то же, что и, положим, театры «Современник» и «Таганка» в не столь отдаленные времена. В Европе его музыка звучит на лучших концертных площадках в исполнении великолепных оркестровых коллективов и солистов. Одна из четырех, написанных Альфредом Шнитке симфоний, «Фауст», была ему заказана оркестром Би-Би-Си для Венского фестиваля 1983 года.

«Фауст-кантата» писалась в 1983 году и предваряет собой работу над будущей оперой, — вспоминает композитор. — Идея оперы исходит от Юрия Любимова, режиссера Московского театра на Таганке, который в течение многих лет мечтал получить оперу на тему второй части гетевского «Фауста», однако мы год от году все откладывали осуществление этого, несомненно, опасного предприятия.

Но вот было получено от Венского концертного общества предложение написать музыку для Венской певческой академии к Фестивальной неделе 1983 года. При этом я, ничего не зная о том, что «Фауст» явится центральной темой концертов фестиваля, сразу же обратился к мысли приготовить оперный план по «Народной книге» — «Истории доктора Фауста»*. В какой степени кантата окажется родственной опере, еще сказать невозможно, во всяком случае опера будет иметь другой состав действующих лиц и действие будет развиваться более активно... Кантата — «негативный» пассион**, потому что тут речь идет о пути страданий если не анархиста, то во всяком случае «плохого» христианина (при том, что у Фауста и Шписа говорит: «Я умираю как дурной и добрый христианин»). Отсюда и некое

родство с формой пассиона, где есть Рассказчик (тенор), Фауст (бас), Мефисто (двауликий и, соответственно, двухголосый: лицемерно-преданный контратенор и торжествующий глубокий женский голос) и хор» (Из буклета к исполнению «Фауст-кантаты» в Вене).

«Фауст» Шнитке, делящийся менее сорока минут, — сфера поразительных по своему многообразию и силе музыкальных впечатлений. В десяти частях кантаты (границы между ними почти неощутимы, поскольку все развивается стремительно и напряженно; при том, что Рассказчик — ему во времени отведена наибольшая доля — повествует сдержанно-спокойно — и это постоянный грозящий взрывами контраст всему происходящему) — гипноз, волшебство новизны, которым поддаешься с легкостью и не противясь.

...Все в ней будто и знакомо — и все удивительно ново в каждый миг ее звучания. Под равномерным, даже равнодушным — традиционно-равнодушным голосом Рассказчика из пассиона — адские глубины. Там — оркестр. Бесчисленный набор ударных, духовых, электрогитара, внушительная группа струнных, — и все это живет насыщенной жизнью, дышит, клубится и ворочается, оболачивает голос Рассказчика, соперничает с ним, издевается, страдает, повизгивает и рыдает. И не всегда удается понять, что тут всерьез и что с настоящей, а не наигранной страстью, тоской и трагедией, — как в «Петрушке» Стравинского или в подпрыгивании, кривлянии иных скерцовых фраз у Шостаковича. Инструментальной массой создаются токи, в которых и не ищешь, и не ждешь уже мелодики, а часто и вообще читаемых и различаемых по их высотам звуков — создаются колышущиеся, как приливной и отливной шум волн, или ветра, или толп людей, с отдельными, тут и там, внезапными возгласами, — создаются звуковые поля, великолепные в своей захватывающей меняющейся красоте — поля с пылающими и сгорающими яркими цветами, с мерцанием сумрака и с мраком ночи, с бреднями, страхом, плачем и смехом. Какие-то не то пугающие, не то иронические «alala!» — внезапные, протяжные, как волчий вой «о-о-о-о!» — отрывистые, издевательские «и, и, и» и «у, у, у» голоса за сценой — контратенора — Мефистофеля-оборотня, поющего вместе со своей второй мефистофельской ипостасью — женским альт-ом (контратенор, если нужно здесь пояснение, тоже высокий, почти женский голос «с сильным, почти инструментальной чистоты тоном»); ритмичные, короткие, как стук барабана, вскрики хора — в танго, которое среди этих двух стихий оркестро-хорового ритма танцует в голосе певицы (она поет, описывая смертные мучения Фауста, как жуткий шлягер — в микрофон, с прищипыванием, с воплем), взвиваясь до оргастического задыхания. И отзвук вальсика — шарманки «камен, амен», и мерный стук — деревянный брусочек стучит свое тук... тук... тук... — затихает и тает и длится уже за пределами слышного — стук мертвых костей друг о друга —

И острый яд привычно-светской злости С нежданной злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»
В ее ушах — нежданный странный звон:
То кости лязгают о кости.

(А. Блок. Пляски смерти)

• • •

Принадлежит ли Шнитке авангарду? Само понятие авангарда в искусстве появилось лишь в десятилетиях двадцатых годов. Что же оно, это понятие, выражает? Ведь действительно, трудно было бы Бетховена назвать авангардистом своего времени или Вагнера — времени своего, хотя разительных новшеств в творчестве и того и другого появилось великое множество. Меж тем Стравинский со своей «Весной священной» (1913) и Прокофьев со «Скифской сюитой» (1916) выглядят, безусловно, авангардистами; и недаром премьеры этих сочинений сопровождалась крупными скандалами. Художников французского импрессионизма конца прошлого века к авангардному искусству никак не причислить; а творения чуть более позднего времени — кубизм Пикассо, Брака, Гриса, абстракции Кандинского, супрематизм Малевича — конечно же, авангардизм. Так в чем же основные признаки авангардизма, позволяющие сравнительно легко отнести к нему те или иные произведения искусства? Предваряя дальнейшее, скажем, что появление авангарда связано, помимо прочего, с реакцией на количественное накопление музейного искусства, ставшее особенно явным именно к началу XX века. Что же до сути самого явления авангарда, то представляется полезным (по крайней мере, для данного рассуждения) определение авангардизма как стиля, который сознательно предлагает достаточно полный разрыв с впечатлениями привычными, известными, резко и далеко уводит в сторону от сложившегося культурного багажа и составляет в искусстве рождающееся крайнее новое, непробированное во всех (почти всех) аспектах «площадку», некий выделенный, изолированный ареал. Отсюда следует, что «похожесть» не является свойством авангарда; и если в «музейном» искусстве мы легко видим и легко принимаем средство симфоний двух авторов (положим, Гайдна и Моцарта или Моцарта и Бетховена), то средство двух произведений авангарда говорит о том, что по крайней мере одно из них — не авангардное. (Если Хлебников — авангард, то кто-то, родственник Хлебникову, уже не авангард, да и вообще — никто, подражатель).

Сколько готово общество в целом воспринимать авангард? Дать ответ на это не составляет труда, если принять во внимание все выше сказанное о естественном балансе в приятии привычных и непривычных впечатлений от жизни — и в частности, от искусства. Только крайне любознательные, только единицы, обычно из числа самих сверхискусшенных профессионалов-художников, способны жить постоянным интересом к авангарду; тогда как люди в массе своей лишь «падают»

* «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» в «Народной книге» Иоганна Шписа, напечатана в 1587 году.

** Пассион («страсти») — музыкальное произведение, обычно ораториального плана, на евангельские тексты, повествующее о мучениях Христа (например, «Страсти по Матфею» и «Страсти по Иоанну» И. С. Баха).

КАК БЫ ВСЕГДА И НАВЕЧНО...

на новизну — но отступаются от нее, не видя в крайней (авангардной) новизне возможности связать ее с привычным. Психика же нуждается в связи нового с привычным, незнакомое со знакомым, поразительного с банальным. «Количество новизны», близкое к ста процентам, вызывает в психике торможение процесса восприятия — и эстетическое чувство отказывается («Поэзия должна быть глуповата» — Пушкин; «В мелодии должно заключаться банальное» — Чайковский; эти две неточные цитаты своеобразно говорят о том же). Авангард же по определению, по самой своей природе стремится к стопроцентной новизне. И как каждый человек, в силу своих свойств, сам «виновник» своей судьбы, так авангард, в силу своих качеств, виновник своей драмы, виновник того кризиса, того тупика, в который с трагическим постоянством попадает искусство XX столетия.

Альфред Шнитке, заиграв на своей «большой клавиатуре полистилистики», сломал стену, безнадежно, казалось бы, разделившую музыкальный авангард и «привычное» музыкальное искусство. Слушая его «Фауста», его «Концерто-гроссо», его Кантат, его «Реквием» или его симфонии, ощущаешь нечто совершенно необыкновенное: острую новизну, которая входит в сознание как нечто нужное, желанное и ожидаемое в своей яркости и свежести впечатлений — при том, что эти впечатления обычно до предела экспрессивны, драматичны, а часто — глубоко трагичны.

Творчество Альфреда Шнитке — «Эрика!» современного искусства — искусство вообще, вне зависимости от того, авангардное оно или привычное: композитор стоит на мосту между ними, на мосту, который он сам вообразил и выстроил. «Непривычное в привычном» и «привычное в непривычном» — вот, если не вдаваться в музыковедческий анализ, то, что дает музыке А. Шнитке столь разительную силу воздействия на слушателя. К такой новизне слушатель потянется — и уже никогда не уйдет от нее, он будет ждать ее снова и снова, с наркотической жаждой — как, собственно, уже и происходит — и в Москве, и в Европе.

Но есть во взгляде на ту картину, какую являются собой авангард и стена, его окружающая, еще один ракурс, который, может быть, более важен, чем проблемы новизны, то есть — впервые упомянем — проблемы формы. Речь идет о содержании, точнее — о содержательности произведений искусства. Никогда и ничем не желая авангард поставить на уничтожительную ступеньку, следует констатировать: уже само стремление достигнуть максимума новизны закрывает пути к воплощению значимого — в общечеловеческом, общекультурном, гуманитарном смысле — содержания. Авангард и гуманитарная направленность изначально находятся в глубоком противоречии уже хотя бы потому, что максимум новизны означает минимум «читаемости», и такие знаки общечеловеческого сознания, как «жизнь», «смерть», «любовь», «страх»,

«радость», «победа», «поражение» и другие подобные символы, на которых зиждется искусство (а музыка более всего), авангардизм, даже и стремясь их воплотить, передать почти не способен — из-за все той же своей несчастливой «некоммуникабельности». Как бы понимая это, авангард по большей части и обходит эту задачу, и занимается прежде всего творчеством новых форм. И в этом смысле можно говорить о сильной формальной направленности и слабой гуманитарной направленности авангарда.

На границе этого разрыва между формальным и гуманитарным и выросла все та же стена непонимания и неприятия искусства авангарда. В музыке — именно на этом попрании гуманитарной, общекультурной содержательности — и «музыкальное» искусство прочно держит свои позиции. Ни Стравинский, ни Шенберг, ни даже часто такой человечный Прокофьев не сравнятся здесь с теми же Моцартом, Бетховеном, Малером, а из современников — уже классиком Шостаковичем. Справедливость требует указать на совершенно уникальное явление в современной музыке: рок-оперу Веббера «Иисус Христос — суперзвезда», блестяще, с редкой эмоциональной силой воплотившую вечную тему пассиона средстами масс-музыки. Веббер, может быть, первый показал, что традиционный стиль — не единственная возможность воплощения гуманитарного содержания в музыке.

И все-таки!.. Страшно сказать, но за последние лет пятнадцать стало казаться уже, что вообще все возможности исчерпаны, традиционные или новые, даже поздний Шостакович уже не потрясал, а лишь «привлекал» к глубокому слушанию. И, казалось, все было выражено, все было воплощено; и не музыка, а, положим, кино феллиниевского или бергмановского плана берет на себя роль того этического и эстетического бога и наставника, каким была еще столь недавно великая музыка.

Однако музыка, как мы убеждаемся, этой роли не оставляет. Что-то значительное произошло внутри ее сфер, если сегодня возникает в ней то, что мы слышим у Альфреда Шнитке. Язык его музыки, несущей на себе все атрибуты авангардизма, говорит с людьми о людском же, говорит сильно и страстно, с пафосом и иронией, зовет и предупреждает, приемлет и отрицает, по-детски веселится и скорбно рыдает.

Может быть, повторим здесь, этот мост Шнитке имеет значение еще большее, чем тот, который соединил авангардизм с традиционным стилем. Речь идет не только о путях, проложенных сквозь стену к авангарду, а о возвращении всей музыке ее подлинной новизны и истинной — высокой духовной содержательности.

Вряд ли граф Анджей Огиньский предполагал, что удачный выбор учителей так заметно повлияет на судьбу восьмилетнего сына, Михала Клеофаса. Мальчику повезло с наставниками; первому — Жану Ролею — он поставил впоследствии памятник в своем литовском поместье Залесье. Ролей не только помог развить природные способности ученика, но разработал специальную систему гимнастических упражнений, постепенно превратил толстого, неуклюжего, застенчивого ребенка в стройного, физически крепкого юношу. Музыкальный наставник, известный композитор Козловский сумел распознать и сформировать музыкальный талант воспитанника. Разумеется, ему, наследнику одного из знатнейших родов Речи Посполитой, предназначалась иная карьера — государственного деятеля, политика и дипломата. И сын оправдал все надежды отца; но «искусство дивное» с тех ранних лет захватило его и стало спутником всей жизни.

В бурную эпоху пришлось жить нашему герою. Родился он в сентябре 1765 года в Рузове близ Варшавы. Ему не было еще и восьми, когда был оформлен зако-

нодательным актом сейма первый раздел страны, уменьшивший ее территорию и население на треть. Уже в зрелом возрасте он активно участвовал в драматических событиях, предшествовавших двум последующим разделам его родины.

Политическая карьера началась очень рано. В девятнадцать лет Михал Клеофас Огиньский становится депутатом сейма и почти сразу же вовлекается в водоворот большой политики. Как истинный патриот, он понимал трагическое положение своей страны — угроза потери национальной независимости была очень реальна. С чрезвычайными полномочиями посланник последнего польского короля Станислава Августа граф Огиньский переезжает из одной европейской столицы в другую, от одного монаршего двора к другому. Поиски союзников, дипломатические переговоры, политические интриги, обманутые надежды. Политика политикой, а пленительная Вена сделала ему поистине царский подарок — там, по его словам, довелось увидеть Гайдна и Моцарта. Так и шли, переплетаясь и проникая друг в друга, две главные страсти — патриотический долг перед родиной и неодолимая тяга к музыке.

Именно к этому времени относится появление первых полонезов. Вот как рассказывал о создании одного из полонезов сам Огиньский: «Осенью 1792 года... я сочинил, вернее, симпровизировал этот полонез в Варшаве в тот момент, когда я впервые испытал чувство воображаемой любви, которое продолжалось недолго, но было тихим, спокойным и счастливым».

Пока молодой посланник выполнял поручения короля, в Польше назревали большие события. 1791 год — Четвертый сейм принимает новую конституцию, изменившую государственный строй Речи Посполитой, ограничивший права могущественных феодалов-магнатов. Явственно различимые в ней отголоски идей Великой Французской революции ужаснули и Габсбургов, и прусского короля, и русскую империатрицу. Прусские и русские войска перешли границу, заняли Варшаву и предприняли тем самым второй раздел страны, оформленный актом 1793 года. Свой выбор Огиньский сделал быстро и резко. «Приношу в дар Родине свое имущество, труд и жизнь», — заявил он, примкнув весной 1794 года к восстанию за независимость Польши, возглавленному Тадеушом Костюшко. Письма любимой жене адресовал теперь — «Гражданке Изабелле Огиньской», скрепляя их печатью, где вместо древнего родового герба был девиз: «Свобода, постоянство, независимость». На свои деньги он снарядил отряд повстанцев, сам участвовал в боях.

«Я сочинил марш для моего отряда стрельцов со словами, написанными применительно к этой музыке; и с тех пор этот марш исполнялся во многих полках. Я писал также военные и патриотические песни, которые пользовались большим успехом, так как возбуждали храбрость, энергию и энтузиазм моих товарищей по оружию», — так изменились музыкальные устремления, подчинившись требованиям времени. Существует даже предположение, что именно Огиньским была создана мело-

дия боевой песни «Еще Польша не погибла», которая впоследствии стала национальным гимном.

Восстание Костюшко потерпело поражение. Огиньский, как и многие другие повстанцы, оказался сначала в Вене, затем в Венеции — под чужими именами, узнал горечь изгнания, пережил тяжкие известия об отречении от престола последнего польского монарха, о третьем разделе страны. И снова музыка помогает не потерять присутствие духа. Ведь прекрасная Висла по-прежнему катила свои воды между цветущих лугов, раздавались знакомые с детства звуки пастушьих свирелей, в высоком чистом небе вился жаворонок. Но все это стало недостижимым... Не в такие ли минуты думы эти воплотились в бессмертный его полонез — танец не для танцев, а для «слушания»?

Лирически-созерцательная мелодия, основная тема полонеза, проста и легко запоминается. Внимательно прислушавшись, можно различить в ней напев, близкий народной песне, с отчетливыми славянскими мотивами. Похожую мелодию маленький Михал мог слышать, гуляя по родным мазовецким полям. Так прощаются с Родиной перед долгой вынужденной разлукой, так вспоминают о ней в разлуке.

Михал Клеофас Огиньский успел в последующей своей жизни еще очень многое. В поисках поддержки побежденным, но не смирившимся патриотам Польши исколесил всю Европу, был даже в Константинополе. Менял имена, опасаясь преследований. Пережил разочарование в Наполеоне, с днями которого многие поляки связывали восстановление национальной государственности. При Александре I был назначен сенатором Российской империи, получил чин тайного советника. Русский император вел с польской аристократией тонкие политические игры, ничего не предпринимая на деле. Огиньский не сразу понял тщетность своих ожиданий, но, осознав это, ушел от дел. Умер он осенью 1833 года во Флоренции.

Что же, помимо чинов, чрезвычайных миссий, ожиданий и разочарований, стало итогом этой богатой событиями жизни? Осталось свыше двадцати полонезов, четыре вальса, четыре марша, три мазурки, две кадрили, галоп, менуэт, по некоторым версиям — опера «Зелида и Валькур», романсы, песни, остались интересные мемуары и «Письма о музыке» — первый польский музыкально-эстетический трактат. Очень многие из его фортепианных произведений пользовались огромной популярностью при жизни композитора. Но шло время, облик автора постепенно уходил в прошлое, обрастал мифами, черты стирались, забывались.

Минуло почти два века и единственное, что, пожалуй, по-прежнему свежо и живо — прелестный полонез для минор, известный ныне под названием «Прощание с родиной» или просто как «Полонез Огиньского». Мелодия, которая как бы существовала всегда.

К. ПУЛЬСОН

Детский ансамбль скрипачей «Светлячок» белгородского Дворца культуры железнодорожников получил приглашение на гастроли в Федеративную Республику Германии. Это случилось после успешного выступления на фестивале в Бельгии в апреле 1989 года, где «Светлячок» получил первый приз. На концерты нас пригласило отделение немецкого «Общества пения и исполнительства» в городе Дуйсбурге. У нас был почти год впереди, и мы начали тщательную подготовку своего репертуара. Решили включить русскую народную музыку, а это оказалось непросто. Дело в том, что русская народная музыка, старинные романсы выпадают из программ обучения юных скрипачей. Что, казалось бы, трудного в исполнении русской народной песни «Лучинушка» или старинного романса «Я встретил Вас? Между тем исполнение требует специфики: русская музыка более вокализирована, ее интонационная выразительность основана на распевности, в то время как западноевропейская музыка тяготеет к танцевальности. Поэтому сначала надо было познакомить своих скрипачей с интонационными особенностями русских песен, а потом уже учить их передавать эту особую задушевность и теплоту через скрипку и смычок.

Кроме русского репертуара, мы начали учить пьесы современных композиторов с их острыми ритмами и диссонирующими гармониями: концерт-пикколо Альфреда Вагнера из ГДР и пьесу эзербайджанского композитора Кара Карева «Танец». Остальную часть программы составляла традиционная музыка Вивальди, Чайковского, Шостаковича, Сен-Санса — всего 15 произведений.

Надо учесть, что в «Светлячок» очень неоднородный состав и по возрасту (от 9 до 17 лет) и по способностям (от талантливых до обычных детей), поэтому каждый имел индивидуальную программу подготовки. Однако общее требование для всех — добросовестное отношение к занятиям. С первых же уроков я внушаю ребятам мысль о творческой ответственности каждого перед коллективом. Хочу подчеркнуть, что я с детьми всегда придерживаюсь щадящего режима репетиций и нагрузок, чтобы они не потеряли вкус к музыке и чтобы занятия скрипкой не шли в ущерб остальной детской жизни. Мне всегда жалко и детей, и педагогов, которые за месяц до какого-нибудь концерта начинают создавать «ажитаж», бесконечные репетиции, прогоны программы, нервозотряпку. Это неверно с психологической стороны, так как хорошее качество усваивается и нарабатывается только в состоянии психологической расслабленности и спокойствия. Поэтому уже за 2 месяца до гастролей мы с полной программой побывали с концертами в Губкине и Старом Осколе, где заслужили похвалу слушателей и положительную реакцию коллег-скрипачей.

Музыканты, как и спортсмены, должны точно рассчитать пик своей лучшей формы. Для моего ансамбля этот пик должен наступить за 5—6 недель до ответственного выступления, чтобы оставалось резервное время для наработки творческого автоматизма — ведь детские коллективы не могут все время «держаться в форме».

СТУПЕНЬКИ К ПАРНАСУ

На страницах нашего журнала вы не раз читали о детском ансамбле скрипачей из Белгорода, об оригинальной методике обучения малышей, созданной его руководителем Эдуардом ПУДОВОЧКИНЫМ.
Последняя новость об ансамбле — гастроль в ФРГ.

Наконец Белорусский вокзал, поезд Москва — Берлин, утомительные трое суток поездки и ранним мартовским утром 23 «светлячка» высадились на перроне Дуйсбурга, города, расположенного на Рейне у западной границы ФРГ с Бельгией. Встречала нас со своими помощниками фрау Ута Хоффманн, руководительница детского ансамбля блокфлейтистов. Нашему 10-дневному пребыванию помогали все родители участников этого ансамбля, в семьях которых расселили моих ребят.

Если исключить два дня экскурсий, то за 8 дней наш ансамбль выступил 14 раз! Такое обилие концертов было вызвано не только интересом к советским гостям, но и материальными заботами. Если у нас, чтобы организовать выступление детского коллектива достаточно снять телефонную трубку заведующему городским отделом культуры и позвонить в любую школу или Дом культуры, как тут же организуют и зал, и публику, невзирая на качество выступления, то в Германии за аренду залов надо платить, за рекламу — платить, за экскурсии и проживание в семьях тоже платить. А так как мы приехали, как говорят, без копейки в кармане, то должны были расплачиваться своими концертами. Причем одна особенность: деньги за наши выступления собирались не до концерта, а после, и каждый слушатель был волен заплатить столько, на сколько он нас оценивал, или вообще не заплатить. Забегая вперед скажу, что ребята не только окупили свое пребывание, но еще и заработали по

100 марок, которые употребили к своему удовольствию. Конечно, никакими деньгами не измерить ту теплоту и заботу, с которой относились в немецких семьях к нашим детям. Но интересен сам факт реальной оценки «стоимости» выступления коллектива — ребята воочию убедились, что их труд имеет определенную материальную ценность.

Часть концертов проходила у нас совместно с ансамблем блок-флейтистов. Это очень интересная форма музыкального воспитания детей, опирающаяся на систему Карла Орфа и имеющая очень широкое распространение в Германии. У нас в стране обучение игре на блок-флейтах почти не ведется, хотя это самый доступный для начинающего ребенка инструмент, не требующий специально подготовленной постановки: достаточно сунуть в рот мундштук флейты, дунуть в него и уже пойдет звук. Кстати, руководитель Ута Хоффманн выразила желание приехать к нам в Советский Союз со своим коллективом и рассказать о методике ансамблевого музицирования, остается только найти желающих взять на себя организационные заботы.

Самым волнующим моментом нашей программы пребывания стала встреча с мэром Дуйсбурга в городской ратуше, которая состоялась в первый же день после приезда. Моей скрипачей, которых в родном городе не удоставало вниманием даже районное начальство, приветствовали «отцы» города. Оказалось, что мы были первыми русскими,

посетившими ратушу за всю ее историю. В заключение приема мы сыграли несколько пьес, закончив свое выступление исполнением «Адажио» Гайдна, которое является официальным гимном ФРГ, чем вызвали восторг у обычно сдержанных немцев. Наградой для детей стали корзиночки со сладостями и по 10 марок на сувениры. К слову сказать, «шоколадное изобилие» сопровождало наш ансамбль почти после каждого концерта, а выступали мы в школах, домах для пожилых людей, гимназиях, молодежных центрах, кирхах. Почти каждый день газеты Дуйсбурга и других городов помещали информацию о наших концертах, печатали фотографии ансамбля.

Большим творческим испытанием стал для нас концерт в детской музыкальной школе Дуйсбурга. После концерта немецкие коллеги высказали восхищение ансамблевой слаженностью, техникой владения скрипкой. Самым распространенным словом стало «вундербар» — «чудесно». Особенно поразило, что весь репертуар дети исполняют наизусть. Пришлось устроить небольшую импровизированную беседу, где я рассказал о своей методике работы с ансамблем, затронул, в частности, вопросы развития музыкальной памяти и способы быстрого запоминания текста. Тут же я показал свою методическую работу «Дошкольная подготовительная группа», изданную в ГДР на немецком языке. Скрипачи заинтересовались работой и попросили провести открытый урок с их детьми. Привели мне четырех ребят (не скрипачей), достали маленькие скрипочки и я в течение 45 минут демонстрировал на них комплексное развитие музыкальных способностей детей. В конце урока только что родившейся ансамбли «Дуйсбургские скрипачи» исполнил щипком русскую песню «Кап-кап» («Осенний дождичек»). Насколько мне удалось узнать, в ФРГ существует система коллективных форм дошкольного музицирования. Однако немецкие коллеги говорили мне, что не представляют, как осуществлять эти формы с помощью маленьких скрипочек и как осуществлять музыкальное развитие детей в скрипичном ансамбле. Мой опыт их заинтересовал, и они выразили желание использовать его в своей практике.

В перерывах между концертами нам удалось совершить несколько экскурсий. Особенно запомнилась поездка в Бонн — столицу ФРГ и знакомство с Домом-музеем Бетховена, где великий композитор провел свои детские годы. Интерес у ребят вызвал и Бундестаг — здание немецкого парламента, где группа была с экскурсией. Особенно понравилась бундестагская столовая, где обедают канцлер Коель и где ребята тоже пообедали. Надолго запомнится скрипачам посещение величайшего памятника готической архитектуры — знаменитого собора в Кельне. Но особенный восторг вызвал у младших детей дуйсбургский зоопарк и встреча с дрессированными дельфинами. Конечно, детям и взрослым в таких поездках запоминается разное, но, как правило, бросаются в глаза, прежде всего, подробности быта.

Окончание на стр. 57

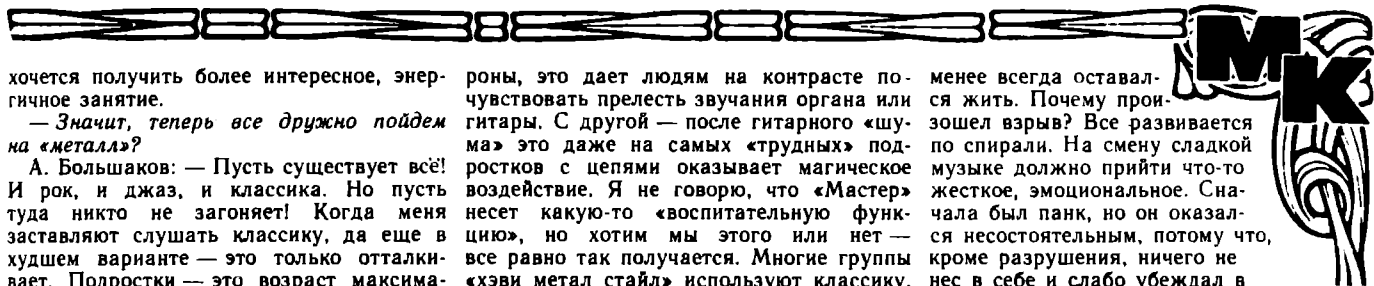
МАСТЕР ТЯЖЁ- ЛОГО РОКА

Андрей Большаков с детства увлекался рок-музыкой. Подростком начал учиться играть на гитаре; и, как часто случается, увлечение вскоре переросло в серьезную работу — сначала в ансамблях «Фламенко», «Коктейль» и «Зигзаг», потом в «Арии». Сейчас он представляет группу «Мастер», играющую «хэви метал стайл». Образовавшись в 1987 году на руинах прежней «Арии», «Мастер» с тех пор имеет огромное число поклонников по всей стране и даже за рубежом. Сейчас группа гастролирует в Бельгии и ФРГ. Год назад выпустил первую пластинку, сейчас вышла вторая. Руководитель, лидер-гитарист и композитор «Мастера» А. Большаков сегодня наш гость.

— Все группы, которые играют в тяжелом стиле, используют театрализацию, то есть если они поют про чудовищ, потусторонний мир, про сатану — это все спектакль. Они сами в это не верят. «Мастер» в своем творчестве пытается за счет сценического действия создать атмосферу не «чернушную», а наоборот — атмосферу легкую, разряженную, вызывающую. При условии, что мы очень серьезные к своему творчеству, к тому, что сейчас делаем. И музыкальный материал у «Мастера» стал гораздо сложнее, нежели прежде. При этом у нас улыбка на лицах, новые костюмы. Беда наших групп «хэви метал» в том, что они все заковываются в «латы», в черную кожу — все похожи друг на друга, все стараются быть одна другой суровее. «Мастер» идет от обратного: мы отказались от шипов, у нас джинсы и майки, причем на джинсах нашиты разноцветные кусочки материи, у меня болтаются бантики. С одной стороны, это воспринимают как какой-то пиратский элемент, и в то же время — это как «Петрушки».

А. Большаков продолжает: — Дело не в том, как выглядит человек, не его антураж, сценический имидж, а то, как он пытается донести свою правду до людей. Заблуждение, когда говорят, что если серьезная тема, то нужно выходить в «тройке» и петь с каменными лицами: «У деревни Крюково погибает взвод». Таким людям не верят. Найти правильные слова, которые «дойдут» — самое важное. Мы выходим на сцену, и публика видит, что мы — такие же, как и она. Мы их ребята, свои ребята. Мы не будем им врать! И когда «Мастер» поет о серьезных вещах, многие подсознательно начинают понимать, что коли мы поем об этом, то это правда.

Мне надоело оправдываться и доказывать, что то, чем мы занимаемся, — не хулиганство, не безделье, что это очень нужно, нужно всем, не только нам. И пора кончать этот нелюбезный, беспредметный разговор о том, нужен ли рок и можно ли рок. Он существует. И это — не мода. Потому что это культура и достоинство народа. Когда рок-музыку загоняли в подвалы, она все равно существовала — но в таких уродливых формах! В конечном итоге, рок — это музыка протеста. Протеста против чего? Он заставляет людей думать, не соглашаться с чем-то, то есть, пропустив через себя ту информацию, которая выдается на сцене, объединившись, люди составляют уже силу. Те, кто запрещает рок-музыку либо всячески пытается ее приукрасить, — понять всю важность этого не могут. Ведь запретить проще, чем понять. Именно понять и спуститься «с высот» до нашего уровня, вникнуть в суть проблем и рок-музыкантов, и молодежи, их слушающей. Почему она интересуется именно «металлом»? Не потому, что наши слушатели — хулиганы и бездельники. К року тянутся они потому, что их лишили практически всего — и не дали ничего взамен. Их заставляют только учиться. Учиться надо, безусловно. Но ребятам хочется заявить о себе, а как? Ходить в кружок кройки и шитья? В шестнадцать лет

хочется получить более интересное, энергичное занятие.

— Значит, теперь все дружно пойдем на «металл»?

А. Большаков: — Пусть существует всё! И рок, и джаз, и классика. Но пусть туда никто не загоняет! Когда меня заставляют слушать классику, да еще в худшем варианте — это только отталкивает. Подростки — это возраст максимализма, нигилизма даже. Здесь важно проявить гибкость, тонкость — а где они у нас, вокруг нас — чувства терпимости и терпения, умения понять и пойти навстречу? И поэтому у нас подрастающее ребятам становятся «трудными». Мне было страшно узнать, что у нас за 1987 год было осуждено 88 тысяч подростков, из них половина — с лишением свободы. Возможно, есть шпана, так сказать, «в корне» — они родились в подъезде с ножами — я об этих не говорю, они и на концерты «хэви метал» приходят в шипах, наперстниках... Но разве все сводится к ним. Я думаю, если люди интересуются рок-музыкой — это уже хорошо. Если они не интересуются НИЧЕМ — вот это страшно. Духовное обнищание, безразличность... В одном городе нам говорили, что люди, которые не увлекаются «хэви метал роком», — морально устойчивые. А чем они интересуются? Ничем! Вообще. И эти бесконечные разговоры, что нормальные мальчик и девочка должны слушать классическую музыку, ходить в Третьяковскую галерею или Пушкинский музей... Да, безусловно! Но если им это не близко сейчас? Классику невозможно заставить полюбить.

Как я пришел к классике? Одно время я ее просто ненавидел. Так у каждого бывает. Потом совершенно случайно взял у друга пластинку Вивальди. Вопрос был решен однозначно. Когда я впервые услышал Глюка по радио — тут же заинтересовался и Бахом, и Бетховеном, и Моцартом. Однажды я, идя на концерт, услышал в зале репетицию «Виртуозов Москвы» — я случайно проходил мимо через зал. И не смог уйти — просидел полтора часа! Звучание струнного оркестра меня потрясло. Теперь сам могу сказать, что классика — это шедевры, это гениальная музыка. Но не надо «бить классикой» «хэви метал», пусть все стили будут существовать независимо. Почему мы такое неуважение к рок-музыке питаем? Классика тоже бывает разная. И рок-музыка тоже. И рок-группы бывают плохие и хорошие.

— «Мастер» использует классику в своем творчестве?

— У нас есть мелодии, которые, как правило, не используются в «хэви метал роке», тем более в «трэш метал» — опять же в отличие от всех групп. «Трэш метал» идет от речитатива, а у нас распевные мелодии, то есть мелодия осталась исконно русской, какая она у нас есть на самом деле. Тоже несоответствие с тем стилем, который мы якобы проповедуем... И клавишные мы используем весьма умело, фоном — очень мало. Между вещами наш клавишник играет свои сочинения, сделанные, грубо говоря, в «классической» обработке. С одной сто-

роны, это дает людям на контрасте почувствовать прелесть звучания органа или гитары. С другой — после гитарного «шума» это даже на самых «трудных» подростках с цепями оказывает магическое воздействие. Я не говорю, что «Мастер» несет какую-то «воспитательную функцию», но хотим мы этого или нет — все равно так получается. Многие группы «хэви метал стайл» используют классику, особенно Грига, Моцарта, Бетховена и Баха в своей обработке. И люди, слушающая их, знают, что это классика. А противопоставлять один стиль другому — неправильно: в классике будто бы все чище и прекраснее, а в «хэви метал роке» — шумно и ужасно. Свои законы, свои каноны в любом направлении искусства. Вам не нравится — пожалуйста, не ходите на концерты «хэви метал». Ходите на классику, если вам она ближе. Но должен сказать, что на классических концертах публика ведет себя так, что многие группы «хэви метал» позавидовали бы такой публике. Я бывал на таких концертах и на джазовых тоже. Уж там папы седые: 50-ти лет стулья ломают и визжат, как маленькие дети — я видел сам своими глазами, — орут так, что вообще ничего не слышно. Почему-то это считается в порядке вещей... А вот малолетки 15–16 лет считаются несмышленными, они такие-сякие. Да им и можно кричать, они молодые... Пока молодые... Потом они только вспоминать будут где-нибудь там на кухне или с детьми, за стиркой...

— Или за джазом...

— Именно! Или за джазом. Пожалуйста, пример. Мы недавно были на гастролях в городе Ровно. Ко мне подошел человек, который любит джаз и ненавидит «хэви метал». Мы как-то холодно разговаривали, что джаз — это очень интересно, что-то нравится, что-то нет. И думаю: когда же он будет нападать на хард хэви? А он все молчит и молчит. Тогда я его спрашиваю: как вы относитесь к «хэви метал»? Он отвечает, что это просто «не мое»: «Пусть существует, но это не мое». Вот самый оптимальный, умный подход. Многие высказывают такое, что за голову хватаешься: говорят, будто «металлисты» — фашисты, подонки. Только потому, что они ходят во всем черном. Но черная кожа модна, солидна. Если черную кожу носит взрослый человек — это считается нормальным. Как только одевает молодой, — так это уже фашист? Очень странный, поверьте, подход. Я категорически против шипов и цепей, потому что бывают случаи, когда кто-то случайно на концертах задевал других, размахивая руками. Пусть лучше куртки проклепанные, но не шипы. Если с кем у нас и умеют бороться, так с «металлистами». Как по сценарию: на каждом концерте наряд милиции, ползала дружинников — работать мешают «изо всех сил». В нашей стране так принято: сами создаем себе трудности, сами потом их преодолеваем.

— Почему произошел взрыв металло-мани?

— Хард рок никогда и не умирал. Он был не так популярен, но тем не

менее всегда оставался жить. Почему произошел взрыв? Все развивается по спирали. На смену сладкой музыке должно прийти что-то жесткое, эмоциональное. Сначала был панк, но он оказался несостоятельным, потому что, кроме разрушения, ничего не нес в себе и слабо убеждал в чем-либо... В отличие от панка, «металл» — музыка очень организованная. Многие группы «хэви метал» поднимают весьма серьезные проблемы... Кстати, «Антракс» единственная группа, к которой мы сейчас более-менее тяготеем по сценическому имиджу. Есть у них песня, называется «Ай эм зе ло» («Я закон»), про то, как после ядерной катастрофы выжила кучка людей и у них есть человек, который говорит, что он сам закон, и он все вершит. В следующей песне поется о том, что никто не мог подумать, что этот маленький ветхий старичок раньше был гестаповцем... Потом есть текст, в котором говорится, что русские не настолько глупы, чтобы хотеть войны, как об этом говорят в США. У «Антракса» весьма умные тексты и очень образные.

— Что тебе нравится в «Мастере» сегодняшнем?

— То, что у нас нет штампов, нет псевдопрофессионализма, присутствующего во многих коллективах, которые всегда работают одинаково — не хуже, не лучше: тихонечко отыграли, гитарки сложили и уехали. У «Мастера» же концерт на концерт не похож. Бывает концерт просто великолепен, бывает просрадный, в зависимости от настроения каждого члена группы в отдельности, в целом от биополя на сцене. Потому что у нас все построено на личных контактах и ощущениях, все на личном обаянии, на взаимодействии друг с другом. Причем мы либо улыбаемся, друг от друга заводимся, либо у нас просто стена отчуждения. Если зал холодный, «не наш» зал, в котором сидят люди, пришедшие просто посмотреть — «галстуки», как мы их называем, потому что, особенно на периферии, в костюмах, галстуках сидят с женами — я не против этой публики. Но с другой стороны, если они пришли не слушать, а просто убить время, обсудить, у кого какие бутылки, — это печально. Только когда есть обмен энергией с залом, только тогда можно рассчитывать на успех.

— Все-таки, что будете делать, когда волна «хэви метал» пройдет?

— Нас об этом уже спрашивали... Не знаю. Когда был популярен хард рок — я всегда находился в движении, ожидая и разыскивая новые формы, какие-то пути. Я пытался между панком, «нью вейвом» и хард роком найти новые направления. То же самое и сейчас. Я думаю, что «хэви метал» будет видоизменяться, утяжеляться, пока это не самая «агрессивная» музыка...

Записал
Андрей ТАРАСОВ

Ирина САФРОНОВА

СЕМЕЙНЫЕ

будни и правдушки

Продолжение.
Начало в № 6 за 1990 год

Вежливость — с пеленок

Если вы ждете, что в разговоре о семейном этикете я по полочкам распишу вам, как поступать в каждый конкретный момент, как должны вести себя члены семьи в той или иной ситуации, чтобы выглядеть «воспитанными», вы, вероятно, разочаруетесь. Никаких рецептов не будет. Прежде всего потому, что семья — это сфера, где меньше всего уместны формальность и предписанность. Здесь более, чем где-либо, на первый план проступает, если можно так сказать, духовная сторона этикета — уважение к человеку.

Как в любом общественном явлении, и в семье бытие определяет сознание. Изменялось общественное бытие, изменились и формы взаимоотношений в семье между ее членами. Чем труднее был быт, чем зависнее были члены семьи друг от друга, тем строже были требования к их поведению и семейным обязанностям в целом. Ибо тогда от прочности семьи для многих, и особенно детей, зависело само существование.

В наше время, когда материальная зависимость отошла с первого плана, члены семьи остаются самыми близкими людьми, отношения между которыми строятся на любви, взаимопонимании и взаимоуважении, на общности интересов и целей. В семье — свой дух жизни. И, выйдя из дома, вступая в контакты с другими людьми — на работе, в транспорте и прочих общественных местах, человек привносит в коллектив заложенные дома привычки, стиль общения, проявляет себя на определенном уровне культуры. Очень часто этим определяется его самочувствие в обществе.

Всем известно, как сложно бывает супругам, вышедшим из семей с разными традициями и установками, воспитанным в разных понятиях и взглядах, даже если их привела друг к другу любовь. То, как сложатся в итоге взаимоотношения, зави-

сит и от того, сколько такта, терпения, сознательности, то есть воспитанности, они будут проявлять в отношениях друг к другу. И их как немало синяков и шишек получают супруги в процессе этого весьма болезненного обучения на собственном опыте, и особенно когда они становятся родителями.

Так же, как и в других сферах общения, жизнь на протяжении поколений вырабатывает и для семейных отношений некоторые моральные нормы, некий свод конкретных правил поведения в семье, своего рода семейный этикет. Эти правила по форме видоизменяются в зависимости от требований конкретного бытия. Но в основе их неизбежно лежит требование взаимного уважения, помощи и внимания друг к другу; посильное содействие каждого общему семейному благополучию, поддержанию общественного престижа семьи.

Хорошие манеры — это прежде всего отсутствие дурных манер, дурных привычек или манерничанья. Все поведение человека естественно, просто, экономно в движениях и жестах. Навязчивые жесты, излишние движения не украшают нас. Всех раздражает, если собеседник непрестанно встряхивает головой, как бы отбрасывая прядь со лба, или без конца прочесывает волосы пальцами, качает ногой, положив ее на другую, причмокивает при разговоре или периодически сплевывает... Конечно, человек не должен быть застывшим истуканом. Улыбка, живой доброжелательный взгляд, внимание к собеседнику, движение, вызванное стремлением в чем-то помочь соседу или встречному (подать руку нуждающемуся в помощи)...

Как-то я услышала от одного юноши: «Вот вы говорите, что нужно вести себя естественно, быть самим собой. Но когда я веду себя естественно, как мне хочется, мне говорят, что я не умею себя вести и вообще я невоспитанный...» Да, нужно вести себя естественно; но придумывать

для себя какую-то чужую роль, не пытаться производить впечатление человека, которым ты по существу не являешься. Но для того, чтобы вести себя естественно, не боясь при этом попасть впросак, необходимо не только понаслышке знать какие-то правила, но сделать корректное поведение своей неотъемлемой привычкой, то есть автоматизировать его.

Человек перестает сомневаться и чувствовать себя неловко, только когда он обретет уверенность в корректности своего поведения. Но чтобы обрести эту уверенность, надо уже известные правила поведения тренировать, чтобы они стали органической привычкой. Это так же, как в музыке: можно отлично читать с листа, но, не отработав вещь до автоматизма, нельзя с успехом сыграть ее в концерте.

Так же, как, если вы кормите ребенка строго по часам, его организм скоро начнет требовать пищу с наступлением привычного времени, так и в развивающемся сознании ребенка формируются и закрепляются самые различные привычки и потребности. И чем раньше складываются они, тем они прочнее, тем труднее впоследствии поддаются изменению, тем больше уверенности, что нежелательные влияния извне не вытеснят закрепившиеся хорошие манеры. Но тем и труднее перевоспитывать привычки отрицательного свойства.

Все хорошее, как и плохое, воспитывается в ребенке, воспринимается осознанно или неосознанно с самых первых дней его жизни. Характер его складывается в результате общения с окружающими, причем последствия этого могут быть непредвиденными, а подчас и противоположными тому, на что были направлены усилия взрослых. И все это только потому, что они где-то «недо-», где-то «пере-», и ребенок сделал для себя непредсказуемый вывод.

Словам вежливости и правильному практическому их употреблению детей следует

обучать, как только они начнут произносить первые звуки. Говорить с ребенком на так называемом детском языке (бяка, цаца, бо-бо и т. д.) — это значит усложнять его жизнь. Лучше просто стараться понимать его, когда он лепечет по-своему, но самому с ним говорить четко, на языке взрослых. В самом раннем детстве ребенка можно приучить уступать место или дорогу, пропускать старших первыми в дверь, предлагать стул (пусть взрослый даже и не воспользуется его любезностью, увидев, что ребенок еще очень мал) и т. д. Такое воспитание повышает самоуважение малыша, что само по себе является надежной гарантией от неблагоприятных поступков в будущем.

Родители нередко относятся к детским провинностям, как к забавным пустячкам, заслуживающим снисхождения: «Вот такой он у меня своеобразный. Ничего не могу с ним поделать!» Иногда, правда, родители жалуются, что это бабушка, мол, своей излишней добротой и всепрощением портит внука, тогда как они сами строги и принципиальны. И действительно, старшему поколению часто хочется пощадить, пожалеть маленького: «Ну пусть шалит, вырастет поумнеет». А в конечном счете все это оказывается не таким уж безобидным, приучая ребенка к вседозволенности, лени или нежеланию организовать свою жизнь.

Поощрение и наказание являются важными методами воспитания культуры поведения. И самое неправильное здесь — это нейтральное, безучастное отношение к серьезному поступку. Находить разумную меру строгости очень трудно. Никогда не следует спешить и прибегать к большей строгости, чем необходимо, чтобы ребенок осознал свою неправоту. Завышение наказания может вызывать раздражение, а то и озлобленность.

Взрослые должны постоянно помнить, что ни один их жест, слово, манера не проходят бесследно для ребенка и со временем непременно отзовутся на формирование его личности. Воспитатели детских садов могут сказать наверняка, из какой семьи пришел к ним трехлетний малыш, даже не видев его родителей, ибо в этом возрасте ребенок уже является как бы зеркалом семейных традиций и манер поведения. Думаю, что многим из нас пришлось слышать: «Смотри, такой маленький и уже курит (пьет, сквернословит)». И ведь делает это именно из подражания! Часто ли мы встречаем у курящих или пьющих родителей некурящих и непьющих детей? Такие случаи бывают только там, где подростки дети проникаются таким отвращением к поведению родителей (а то и к ним самим), что, собрав всю свою силу воли, воспитывают себя принципиальными трезвенниками, ненавидящими непотребную речь или отравление себя никотином.

Если родители сами постоянно благодарят ребенка или друг друга за помощь или услугу — пусть это будет мелочь; если не забывают извиниться за причиненное, даже незначительное неудобство; если, обращаясь с просьбой, они всегда добавляют «пожалуйста»; если в семье принят спокойный, доброжелательный тон, можно быть уверенным, что ребенок усвоит все это сам и станет так же поступать. Если же родители требуют от ребенка слов вежли-

вости только в особо торжественных случаях, в основном в общении с чужими, ребенок, хотя и знает эти слова, будет просто стесняться их употребить. Так ли уж редко мы наблюдаем сцены, когда мать требует от ребенка сказать «спасибо» «дяде» или «тете», а ребенок, надувшись и опустив глаза, упрямится. Но ей следует сердиться только на себя: видимо, вежливые слова не в почете в семье, иначе малыш сам бы высказал благодарность без принуждения.

Если вы сами, обращаясь к знакомому, не забываете добавлять его имя и не злоупотребляете местоимениями, ребенок усвоит эту манеру речи и вместо невнятных «Он сказал» или «Она ответила» будет говорить: «Коля сказал», «Анна Сергеевна ответила». А обращаясь к собеседнику, будет чаще добавлять его имя: «Конечно, дядя Петя», «Здравствуйте, Софья Павловна», «Хорошо, мама». Советы эти даются не ради формальной вежливости, которая иногда не слишком воспитанными людьми рассматривается как «церемония ради церемоний». Вспомните, как часто лишает нас душевного равновесия резкий, безличный, подчеркнуто лаконичный ответ, подчеркивающий, что с нами и говорить-то не очень хотят.

Во многих семьях еще исходят, увы, из того, что вежливость нужна для внешнего мира, «для чужих». И бывают наиболее грубыми как раз в отношении самых близких, родных. Чего, мол, церемониться? Люди свои! Много ли счастья испытывают члены семьи, если они не доставляют друг другу приятных минут, не стремятся внушить близкому человеку веру в свои силы, успокоить, развеселить его. Не слишком ли часто муж относится к своей жене, как в английской шутке: «Спрашиваете, кто эта леди? Так это не леди, это моя жена!» И не видите ли вы при этом за спиной глаза и уши детские?

С другой стороны, некоторые семьи как бы противопоставляют себя внешнему миру, как чему-то враждебному, чужому. И попробуйте только задеть их нежные родительские чувства, сделать, допустим, во дворе замечание их ребенку. Не желая даже разобратся, они с пеной у рта начнут обвинять кого угодно, оказывая тем самым плохую услугу своему дитяти, которое, полагаясь на родительскую защиту, перестанет вообще подвергать сомнению правильность своего поведения.

Ребенок обязан понимать, что коль скоро он живет в семье и пользуется определенными благами, он, как и любой иной член ее, имеет не только права, но и обязанности. Иначе из него вырастет безответственный иждивенец, потребитель, и, став взрослым, он уйдет из дома, как из гостиницы, где ему было очень удобно, но ничего не осталось дорогого.

Родители, освобождающие детей от обязанности по дому (а распределение семейных дел — составная часть домашнего этикета) из-за того, что у них «много уроков», не правы дважды. Во-первых, дети, имеющие ничем не ограниченное время на уроки, не приобретают привычки работать организованно, расчетливо и быстро. Во-вторых, неспособностью ребенка к быту, неумением делать домашние дела, обернутся серьезными осложнениями в его будущей семье.

Чем раньше ребенок почувствует, что ему предоставлена хотя бы относительная самостоятельность, тем ответственнее начнет он относиться к своим поступкам, тем тщательнее будет взвешивать все «за» и «против», прежде чем прийти к определенному решению. Однако, предоставляя такую самостоятельность, родители должны держать поведение ребенка в поле зрения, но так, чтобы он это не замечал: дотошный надзор раздражает, заставляет ребенка уходить в себя, упрямиться, учиться прятать свои «тайны».

Родители должны найти в себе силы, чтобы не относиться с предубеждением к каждой просьбе ребенка, как бы заранее предполагая, что это будет нечто явно ненужное или невыполнимое: «Ну чего там тебе еще?» Любое обращение ребенка достойно самого внимательного и уважительного отношения. Нужно спокойно обсудить его вместе и, обдумав серьезно, сказать, если просьбу возможно выполнить: «Да, я думаю, что мы это можем себе позволить. Ничего плохого в этом я не вижу». Отказывая в просьбе, постарайтесь терпеливо и убедительно обосновать свой отказ, хотя и не превращая обсуждение в длительную дискуссию.

Чтобы ребенок с уважением относился к вашим делам, вы сами должны принимать участие в его проблемах, как в достаточно важных, каковыми они для него, несомненно, и являются. Сказать: «Ну что ты ко мне пристаешь с разными пустяками!» — означает наверняка лишить ребенка желания делиться с вами своими интересами и делами. Полезнее сказать что-то в таком роде: «Давай подумаем вместе. А если попробовал вот это? Как ты считаешь?» Словом, серьезно, с уважением отнестись к его предложению.

Требовать, чтобы ребенок не трогал ваши вещи (а сколько интересного в папиных инструментах или у мамы в туалетном столе), можно, лишь проявляя соответствующее уважение к его собственности, бережно относясь к его книжкам и игрушкам. Нельзя давать основания ребенку думать (да и самому быть в этом уверенным), что он — ваша полная собственность и вы можете им распоряжаться по собственной прихоти, как тумбочкой, у которой вы не спросите, хочет она или не хочет быть передвинутая в другой угол. Даже если ребенок полностью зависит от вас, неплохо помнить, что в отличие от всего прочего, принадлежащего вам, он — человек. Если принимаете в отношении своего ребенка решение, которое считаете единственным разумным, не ставьте его перед фактом, а растолкуйте, почему так решили. Аргумент: «Я знаю лучше, потому что я старше» сам по себе недостаточен.

При естественных в семье взаимном понимании, любви и сочувствии не требуется просить друг друга помочь в чем-то. Здесь оказание помощи само собой разумеется. Правда, ожидать от пожилых родителей помощи, на которую они были способны в молодости, не стоит. Наоборот, взрослеющим детям следует почаще задумываться, что еще они могли бы сделать для своих родителей.

Н. РОМАНОВА

ДАЙТЕ КОШКЕ СЛОВО

Вступление

Смотрю я на своего кота и думаю: удастся ли мне написать то, что я хочу, что задумала написать? Потому что это вовсе не о коте я буду писать, а о том, что сидит внутри нас... Сидит, как гвоздь, как заноза — и вытаскивать жутко и оставлять опасно. Это я о том, что мы чувствуем, знаем — вроде оно так, как мы чувствуем, как говорим друг другу; но при этом сами же усмехаемся, ожидая усмешки слушателей. Это я все о том, о чем иногда страшно и подумать, если подумать всерьез. И даже не с научной точки зрения (хотя с научной получается то же самое), а так, по-житейски, представить себе, что животные, нас окружающие, вовсе не так уж глупы, как мы предполагали. И что ум их в той степени, в которой нужен им, даже, можно сказать, совершенен. И что чувствуют они подчас так много, так разнообразно и так сильно, что человек, если он все это поймет наконец и поверит в это, что же он будет делать тогда? Ведь человек — это Человек и от всех он отличается тем, что способен себя обучать, и поправить, и решить, и выполнить.

Так, может быть, и не стоит лезть в эти тайны природы. Не все, может быть, надо знать человеку? Любопытство и погубить может. Психика может не выдержать. Но катится мысль человеческая, натывается, отступает и опять катится. И вот вплотную встала перед проблемой познания животного: кто он, что он, отчего он?.. Страшно и увлекательно, жутко и прогрессивно!

Импринтинг

Котенок был совсем маленький, когда его принесли, почти слепой. Я положила его себе под подбородок, он пригрелся и заснул. Живое тепло проникало внутрь моего тела; я приобрела нечто вроде грелки, игрушки...

В жизни каждого животного в самом раннем возрасте есть момент (от двух дней до нескольких месяцев), который называется критическим. В этот момент происходит запечатление (импринтинг). И если в этот момент показать маленькому котенку — кота или гусенку — гуся, то ничего необычного не произойдет. Но если в этот момент гусенок вместо гуся увидит другое животное, ну, скажем, кролика, то и «решит», что он тоже кролик, потому что кролик запечатлится у него в мозгу, как его вид, как он сам. И когда вырастет гусенок, то и любить он будет кроликов, а не гусей. Запечатление может произойти и на человека, и даже на неодушевленный предмет.

Такова теория импринтинга, впервые разработанная австрийским ученым Конрадом Лоренцом (1935 год).

Мой котенок был почти что еще слепой, когда мне его принесли, и в свой критический момент (у котят он длится недели две, после того, как открываются глаза), когда все существо котенка было направлено лишь на то, чтобы вобрать в себя все окружающее, все полюбить, все принять, все сделать своим и обрести через это — себя, когда еще нет страха, а есть только желание слиться со всем, что видишь, в этот самый

момент я прижимала котенка и гладила его. И произошло запечатление — на меня, на человека.

Вначале, конечно, я не думала ни о каком импринтинге; просто удивлялась, что растет такой необыкновенный кот. Но позже, когда я вдруг поняла, в чем дело, стала внимательнее присматриваться к происходящему и в результате получила возможность взглянуть на явление импринтинга несколько с другой стороны, нежели это принято.

Когда говорят об импринтинге, то обычно упоминают два момента: запечатление образа матери и, как следствие этого запечатления — выбор партнера, соответствующего запечатленному виду. О силе запечатления «образа матери» принято судить по степени привязанности к ней в раннем детстве, в момент запечатления. Измеряют же эту силу длиной пробега «ребенка» за матерью. Существует аппарат Хесса, в центре которого по кругу вращается модель «матери», а по краю по специальной дорожке бегают, как бы за ней, ее истинные или запечатленные на нее дети. Чем сильнее «запечатление», тем дольше и дальше пробегает детеныш. И тем резвее он бежит. Мой Котя тоже бегал за мной. Даже сонный, спотыкаясь.

Импринтинг — это в своем роде уникальное явление, и чрезвычайно наглядное. Замечательный американский биолог Леб в 70-х годах прошлого столетия сказал: «Дайте мне «атом поведения», и я объясню все». Импринтинг — это и есть наш «атом поведения».

Об импринтинге известно уже довольно много. Какие бывают запечатления, какие факторы (обстоятельства) на них действуют. Когда сильнее, когда слабее. В каком возрасте и сколько длится этот критический момент запечатления и как поддается «запечатление» изменениям.

Но ведь надо идти дальше, необходимо идти дальше. Но куда?

Давайте разберемся: что такое импринтинг? Пока что он определен как запечатление на образ матери, а результат — осознание себя как вида. Итак, если ты запечатлен на образ матери своего вида, то ты начинаешь существовать в обычном плане, в котором из рода в род существовали твои родители, сородичи и, пусть далекие тебе, но представители твоего вида. В этом случае «атом поведения» сольется с тысячами таких же «атомов» и заслонит, скроет от нас картину, которую мы тщетно пытаемся изжить.

Но вот детеныш запечатлен на образ матери другого вида. И, следовательно, в критический момент детеныш воссоздает самого себя по образу и подобию того, кого считает «матерью». Как же он воссоздает? Внешне? Внешне он остается все тем же. Значит, психически, морально. Нельзя же думать, что импринтинг, если он есть, проиошел, ограничивается лишь «пробегом» за матерью — в детстве и стремлением к выбору партнера из представителей того вида, на который был запечатлен, — в зрелости. Надо думать, что это просто те «оселковые моменты», которые стали доступны нам, что это те самые «атомы поведения», которые мы увидели, и что между ними существует целый ряд факторов поведения, также «поступивших в распоряжение» влиянию импринтинга. А следовательно, должны производиться изменения и в мышлении, и в психике, и в поведении. И получаются «ножницы». Между поведением детеныша, запечатленного на свой вид, и поведением детеныша, запечатленного на чужой вид.

Вот эти «ножницы» и составляют ту цепь «атомов» поведения, которые становятся нам известны, видимы и доступны для изучения.

Котя и Утя

Я еще не сказала, как зовут моего кота. Все говорю, что да кот; и вам, наверное, уже и не хочется, чтобы я его как-нибудь по-другому называла? Так я не буду, потому что зовут моего кота — Котя. А ту мою первую кошку, о которой тоже написана повесть (Семья и школа, № 12, 1974 г.), звали Утя.

Так вот, Котя и Утя были родственниками. Котя был внуком Ути. И это обстоятельство для нас имеет чрезвычайно важное значение. Дело в том, что индивидуальность, которая есть в каждом и без которой нет жизни вообще, при исследованиях чрезвычайно мешает. Ведь если жук не похож на жука, а кот на кота, то как их сравнивать, как выяснить влияние какого-то одного определенного фактора на организм? Необходимо брать, если и не идентичные особи, какими бывают лишь однояйцовые близнецы, то хотя бы такие, в которых различия, с одной стороны, минимальны, а с другой стороны, — причины

этих различий ясны.

Вот почему так важно, что Котя и Утя были родственниками. И родство в них было то самое, которой считается наиболее близким, по Менделю, где дочерние гены при расхождении вновь объединяются во внуках.

Однако, несмотря на такое родство, Котя не был похож на Утю. Ни внешне, ни по характеру. Это был совсем другой кот. Как бы из другой породы. Котя был рыжий, пушистый, мягкий и нежный. А Утя — обыкновенная серая, сердитая дворовая кошка. Итак, различия налицо, и теперь надо выяснить, по возможности, их причины.

Так вот оказывается, что именно обыкновенная серая кошка, кошка с тигровыми полосами, как установили ученые, в потомстве может дать мутанта рыжего цвета. Исчез в результате появления мутантного гена фермент, превращающий желтый пигмент в черный, и вот вам — рыжий цвет. Рыжей была дочь Ути — Маша, рыжим родился и ее сын, внук Ути — Котя.

Но если ты рыжий, да еще пушистый, то, возможно, именно поэтому ты можешь быть и нежнее, и чувствительнее, и ближе к человеку?

Но тогда и Маша (мать Коти) тоже должна была бы обладать теми же свойствами, поскольку она тоже рыжая и пушистая. Однако она по характеру оказалась более похожа на серую Утю, нежели на рыжего Котю. Странным было еще и то в сходстве рыжей Маши и серой Ути, что они воспитывались в разных семьях (Машу я отдала своей подруге), в то время как Котя и Утя, воспитанные в одной семье (оба жили у нас), по характеру были совсем разными. Вот и получается, что ни цвет, ни характер шерсти, ни семья, где жили наши коты, определили их главные различия, а нечто другое. Но что?

Детство, момент запечатления, оно у всех троих было различным. У Ути это запечатление происходило на свою мать-кошку и, возможно, случайных людей, «которые шли мимо». (Утя маленьким котенком сама пришла к нам и завоевала нас.) У Маши — на Утю и нас, а у Коти — только на нас, поскольку моя подруга взяла его от Маши еще слепым.

Вот это «только на нас» и создало ту основную причину, в результате которой Котя так отличался от своей рыжей матери — Маши и особенно от своей серой бабушки — Ути.

Человека, если его не знаем, мы судим по черточкам и каждую черточку ему в строку ставим. Это — хорошая черточка, а эта — плохая, эта говорит о том-то, а вот эта — о том. Потом, когда человека ближе узнаешь, все черточки сливаются в характер, и на черточки эти уже отдельно и внимание как-то не обращаешь. Если определили характер и знаешь человека, как говорят, наизусть, то уже не черточки интересуют, а сразу проявляется весь характер. Вот так и Котю я изучала, как того человека, которого сначала не знала. Вот так и к Коте своему приглядывалась. И каждую его черточку обозначала — что она значит.

Котя любил шутить. И если ты лег, но не спишь или уже проснулся, но даже сам не осознал этого, Котя, словно он только и караулил этот момент, бежит с одного кон-

ца комнаты на другой, мимо твоего дивана: где ты лежишь, и, пробегаая, невзначай вскакивает на него и лапкой (уж как ему это удавалось?) легонько так, ласково игриво дотрагивается до твоих ног в то самое место, куда его лапка достает, просовываясь на один миг, на одно мгновение под одеяло. И дальше побежал — довольный, что пошутит, обратил на себя внимание, поздоровался.

А вот еще. Спрятался Котя. Где, неизвестно. Спрятался и караулит. И в тот момент, когда я иду по коридору, подскокивает ко мне, встает на задние лапы и секунду, но стоит. И уж почему, сама не знаю, но только я беру Котю за переднюю лапку, и он делает несколько шагов рядом со мной. Отчего я это сообразила, что так надо сделать, что именно так надо — дать свою руку Коте, — не знаю, может быть весь облик Коти к тому меня призывал. Ведь дрессировать я его не собиралась, у меня и в мыслях такого не было. У нас жизнь шла естественно, каждый делал, что хотел. Видно, Котя захотел — ходить. Я дала руку — и он пошел. А затем это каждый раз повторялось. И я уже не удивлялась, почему даю ему руку. Знала, что если выскочил он откуда-то и встал рядом, надо дать руку, надо дать возможность коту походить. Хочет он этого. И потом довольный бегаёт на четырех лапах.

Котя жил беззаботно, без комплексов бездомного кота (не то, что Утя). Не надо было Коте нас завоевывать, не надо было бояться, что выбросят.

Котя был чрезвычайно настойчив. Он требовал, прямо-таки настаивал, чтобы двери в комнаты были всегда открыты. Двери должны быть открыты, чтобы Котя мог идти, куда ему заблагорассудится.

Утя никогда не требовала, чтобы двери были открыты. У нее не было таких «замашек» — подчинить чужую жизнь своей. Да, чужую, поскольку, хотя она и жила среди нас, и были мы ей или, вернее, стали уже потом (когда она добилась этого) родными, родными в самом настоящем смысле этого слова, но по отношению к коту эти два слова, как ни странно, совпадают, могут сходиться, соединяться: мы были родными и чужими. Потому что были разные, и Утя понимала это, и ценила именно это, именно различие между нами и ею, именно оно было ей дорого и необходимо.

Котя же ничего этого понимать не хотел. Котя не отделял нас от себя. Главное различие между Утей и Котей было совсем не в том, что Котя был добрее, или красивее, или умнее. Утя была не менее умна и благородна и с достоинством. Главное было не в тех или иных качествах и не в степени их, а заключалось в различии сущности этих двух существ.

Ибо Котя — не был котом. Это было видно по его мордочке с круглыми не кошачьими глазами, это было видно по его маленькому теплому, нежному тельцу, которое вы прижимали к себе и чувствовали что-то такое родное и близкое, о чем даже и сказать-то невозможно.

«За него страшно, — говорил папа, — он наивный и ничего не знает».

Хотя Коте и не грозило попасть ни в дикий лес, ни в лапы к тигру, но было видно: он так далек от реальной жизни вообще и от кошачьей в частности, что казалось непостижимым, как же он переступит эту

грань затянута детства и излишнего очеловечивания.

На даче

Первое время Котя боялся даже травы. Он ступал по ней так, словно совершал что-то весьма неестественное. Котя старался переступить через траву и стремился скорее очутиться на таком месте, на котором нет ее вовсе и которое похоже на пол. Ведь по его опыту, ходить можно было только по гладким поверхностям, а если на этих поверхностях что-то торчало, лежало или росло, то это надо было аккуратно обходить, огибать и беречь.

Но вот Котя научился ходить по траве и начал исчезать. Кричим, ищем. Вдруг является. А иногда залезет в гущу трав и сидит там, спит. Мы уже привыкли, что Котя исчезает, и решили, что Котя сам знает, где ему ходить и когда возвращаться. Как вдруг, однажды, сидя в комнате, услышали страшный лай. В ту же минуту Котя влетел в комнату. Я выглянула в окно. Огромная собака убежала от окна. Она могла разорвать Котю. Но Котя этого не понял. Не осознал. Не дошло до него, не проняло. Покрутился, повертелся Котя дома и не прошло получаса, как снова потребовал, чтобы его пустили на улицу. Встреча эта была, если можно так сказать, экзогенного характера. Испуг шел от внешних причин. Так же мог испугать Котю гром, ливень, рухнувшее дерево, брошенный в него камень. Причина ясна, последствие одно — укрыться, спастись. Страх естественный. И никакие объяснений от той собаки не последовало, как не последовало бы их от грома или камня.

Но прошло несколько дней, и у Коти произошла другая встреча, и эта встреча уже имела для него чрезвычайные последствия.

Произошло это поздним вечером. Мы сидели в комнате и были заняты своими делами, когда услышали многоголосый кошачий крик. В одно и то же время, это был крик ужаса и крик зверя нападающего.

Как и в тот раз, когда за Котей мчалась собака, Котя влетел в комнату. Но на этот раз он упал, прижался к полу и долго бил хвостом, ни на кого не обращая внимания. Глаза Коти бешено вращались, шерсть стояла дыбом. Казалось, он с кем-то разговаривает, что-то доказывает.

Я посмотрела на Котю. Он ничего не видел вокруг. Он весь ушел в себя и там внутри вел диалог. И это не был уже мой Котя. Это был зверь, звереныш. Затравленный и негодующий. Все существо его бурлило. От непонимания. От потрясения. От всего сразу. Слишком много пришлось ему осознать в одну минуту, слишком много свалилось на него. Я, которая знала его, чувствовала все его эмоции, желания, видела: Котя наконец начал понимать, что он кот!

Не было больше у Коти доверчивого, человеческого взгляда; передо мной сидел звереныш со своей тайной другого бытия.

Я подошла к Коте, из его лапы текла кровь. За что такая рана? Претендовал на чужие владения? Уверена, что ни на что не претендовал, потому что и претендовать-то не умел.

Вот из-за того, что не умел, вероятно, все и произошло. Кот и не кот. Ничего не знает, ничего не понимает. Вот и укусили, вот и дали понять.

Возвращение к своему виду

...Импринтинг — удивительное биологическое явление. С помощью его, благодаря ему, благодаря существованию такого феномена, такого свойства всего живого, когда в определенный период, пусть в ограниченный отрезок времени, но одно живое существо может вобрать в себя другое, служит, как ни странно может это показаться, сближению (в «идеале») всего живого. Пусть этот «идеал» никогда не наступит, но не это важно, важно, что есть такой миг, есть такая возможность сближения всего и всех, и не только с живой природой, но и с неживой, ибо во время импринтинга существо живое воспринимает и неживое как живое, и стремится к нему, и любит его.

В этот момент нет страха, нет ненависти. Все это приходит позже (Утя, когда была маленькой, ловила мышку и отпускала ее). Да, все это приходит позже и постепенно: и тогда в живом существе сталкиваются два «начала». Одно — бесконечного «добра» ко всему, а другое — постепенно входящего в него «зла». «Зла», которое необходимо для жизни, для выживания, которому учатся и без которого, как говорится, не прожить. Кто твой друг, ты узнал сразу, и лишь потом ты учишься и учишься узнавать «врага» и того, от которого ты должен уметь «убежать», и того, которого ты должен уметь «победить».

Но запечатленное в детстве «добро» остается и каждый раз проявляет себя. Если это «добро» и есть «добро», если запечатление было правильным, то оно подкрепляется и нигде не уходит, если же оно было случайным, оно либо приводит к катастрофам, либо постепенно стирается. Уже как складывается жизнь.

«Добро» и «зло» параллельно живут в живом организме, образуя ту сложнейшую психику поведения, которую мы подчас наблюдаем.

Мирно прогуливаются животные, казалось бы, несовместимые друг с другом: «жертва» и «хищник». Они оба запечатлены на «добро» и пока в них не сработает «механизм голода» и вместе с тем не придет понимание, кто перед ними, то есть понимание реальности обстановки, до тех пор они будут мирно гулять рядом, нимало не заботясь, что один через минуту может быть съеден другим. Они гуляют, и это, возможно, благодаря импринтингу, благодаря запечатлению всего живого на «добро и прекрасное».

Этот удивительный момент запечатления на «добро», запечатления всего окружающего — в себе, осознание себя как частицы этого окружения проносит животное в себе в том или ином виде через всю жизнь. И если ты случаем запечатлен не на себя и себе подобных, или окружающий тебя мир не соответствует свойственному твоему виду ареалу, обстановке, в которой жили твои предки и живут твои собратья, если ты попал, прямо скажем, не туда, то ты вынужден будешь жить в так называемом — дискомфорте, то есть в несогласии с самим собой.

Частично возврат к себе (по Майнарди) может происходить путем «самозапечатления». Тогда ты сам, от импульсов изнутри в тебе исходящих, будешь доходить до собственных себе, согласно твоему происхождению, эмоций, знаний, действий. Но если

тебе «повезет» и ты встретишься с себе подобными или попадешь в обстановку, соответствующую твоему образу жизни, то тут тебя начнет ломать и корежить, как ломало и коржило в течение всей жизни Котю.

В мире описано много случаев, когда человеческие дети попадали в обстановку несвойственной им жизни. Их воспитывали волчицы, жвачные табунные животные. И они, эти дети, став взрослыми, бежали с табунами, ели траву (паслись), обнюхивали своих новых собратьев.

Много раз пытались спасти таких людей. Вернуть их к нормальному человеческому образу жизни, но почти всегда это приводило к гибели. Вот почему Жан-Клод Арман, обнаружив мальчика, выросшего среди газелей, не стал травмировать его переселением к людям и поселился рядом со стадом.

Мальчик ползал на четвереньках, щипал траву, но когда газели бежали, вставал на ноги и бежал за ними как человек. Однажды мальчик даже подошел к костру и прикоснулся к горячим головешкам, потом приблизился к Арману и потрогал его языком, издавая при этом гортанные звуки, напоминающие голос газелей (Жан-Клод Арман, книга «Дикий мальчик большой пустыни»).

Проверьте, судьба Коти была не менее сложной, чем у этого мальчика. И тут главное не то, что Котя чувствовал себя «человеком» (это просто помогло лучше понять действие импринтинга), главное тут в том, что Котя не чувствовал себя котом, будучи им. А это значит — в какой-то степени кот жил в «невесомости».

Запечатленный на человека и не будучи им, он приобрел от человека лишь то, что могло «осесть» в нем, то есть имело место приложения, в то время как остальному «человеческому» негде было запечатлеться. И, наоборот, многое истинно кошачье — «в решетке запечатления» осталось «пустым». И вот постепенно, в течение всей жизни этот каркас заполнялся. И, может быть, именно потому, что «каркас» этот у животных примитивнее, чем у человека, животные легче переносят обратный возврат к себе. И поэтому чаще случаи, когда животных, воспитанных в неестественных для них условиях, все же удается вернуть к своему образу жизни, в то время как человек при таких попытках — гибнет.

То, что произошло с Котей, не могло не произойти. Не мог же Котя, если мы его выпускали на улицу, не встретиться с себе подобными. Но произойти это могло по-разному. Котя мог встретить мирных домашних котов и осознавать себя постепенно. Случилось же все в один миг. Грубо и по-звериному.

Котя изменился, напугался, что-то постиг и не хотел больше выходить на улицу. Зачем выходить на улицу, если там все так сложно, опасно, лучше сидеть дома, где привычно, тепло, где тебя любят и никто не кусает.

Однако это продолжалось недолго. Вскоре Котя познал другую сторону уличной жизни, которая переселила первую и открыла ему тот смысл, ради которого стоило рисковать, терпеть и привыкать.

Котя встретил кошку.

Продолжение следует

АТУНКА

Рассказ

Незадолго до отхода поезда у вагона появился малыш. Он встряхнул рюкзак на плечах, оглянулся и помахал кому-то рукой. Я стоял уже в тамбуре, всмотрелся в провожающих, но так и не понял, кому он махал.

— Ты с кем? — спросила проводница.

— Я один, — ответил мальчик и предъявил билет. — Папа в отъезде, а у мамы тренировка.

Проводница вопросительно уставилась на меня: не имею ли я к мальчику какого-то отношения? Я пожал плечами.

— Третий случай такой у меня, — сказала она. — Малышей отправляют одних. Ну что я с ним делать буду? Может, вы приглядите за ним?

Я ничего не имел против, тем более что билеты у нас оказались в одну купе. Видимо, самостоятельно ездить мальчику приходилось не впервой; он по-своему кивнул соседям в купе, снял рюкзак и озабоченно посмотрел на верхнюю полку. Я предложил ему поменяться — мне полезть наверх, а ему остаться внизу. Он критически оглядел меня и покачал головой.

— Если я упаду, со мной ничего не будет, а вот вы упадете — разобьетесь на части...

— Это почему же?

— А потому, что вы старый.

Я еще не считал себя старым, но не стал с ним спорить, подал ему наверх рюкзак и заметил в воспитательных целях, что он хоть и неразбиваемый, но все же зазнаваться не следует.

— Вот наши соседи тоже известные люди, а не хвастаются.

— Чем известные?

— Ну как же: дядя Вася — известный шофер из пятого автопарка, а тетя Даша — чемпионка по вязанию. Пока мы едем, она дяде Васе свитер свяжет. А тебя как зовут?

— Мика Стеклова. А вас?

— Робинзон Крузо. Будем знакомы.

— А почему вы один? — спросил он.

— А кто должен быть еще?

— А где ваш Пятница?

Мы удивились: мал-мал — а уж столько знает...

— Понимаешь, какое дело, — стал я выкручиваться. — У меня командировка, а у

Пятницы много дел на острове. А ты откуда знаешь про него?

— Так мне же мама читала про вас.

Судьба Пятницы не очень интересовала его. Мика тут же, не теряя времени, вытащил из ножен картонный меч, пристроился к окну и зататакал, прицеливаясь в семафоры и ремонтных рабочих в оранжевых жилетах.

В вагоне вдруг потемнело. Показалось, что мы въехали в туннель, но на самом деле за окном выросла черная туча, низко опустилась над поездом и стала отстреливаться молниями. Раздался гром, и посыпался крупный дождь — сперва по крыше вагона, потом в открытое окно. Тетя Даша бросилась оттаскивать мальчика от окна, но он не дался.

— Атунка, на помощь! Ко мне, Атунка! Высунувшись из окна, Мика воинственно размахивал мечом и кричал, призывая на помощь Атунку, а мы переглядывались, ничего не понимая. Кто такой Атунка? И как он мог нам помочь? Но так или иначе — с его ли помощью или с чей-то другой — вскоре дождь прекратился. Из-за туч брызнуло солнце, на столике за сверкали косые капли. И только после этого Мика сдался на милость тете Даше, позволил стащить себя на сиденье и потерять лицо полотенцем. Он задвинул меч в ножны и устало вздохнул.

— Скажи, пожалуйста, кто такой Атунка? — спросил я; коснувшись его плеча.

— Он мой друг, — ответил Мика. — Он тучи прогнал.

— Он что, метеоролог? — поинтересовался я, настраиваясь на шутливый лад. — В бюро погоды служит?

— Он нигде не служит. Он живет со мною и выполняет все мои приказания.

Тетя Даша вопросительно посмотрела на меня: понимаю ли я что-нибудь? Дядя Вася заинтересованно подался вперед. Мне пришлось взять следствие в свои руки.

— Вот ты кричал тут — Атунка, Атунка, призывал его на помощь, а кто он такой? Почему мы его не видели? Он невидимка, что ли?

Не удивляясь моим вопросам, Мика терпеливо объяснил, что Атунка никакой не невидимка, а очень маленькое существо,

которое может превратиться в птичку, жука, муравья и даже человека и что у него много всяких дел. А живет он у него под кроватью, но может жить и в лесу, и в поле, питаясь росой и лунным зефиром. Что такое лунный зефир, я уточнять не стал, подозревая, что разные подробности возникали в его рассказе неожиданно для него самого. Тетя Даша взялась за прерванное вязание, а дядя Вася, почуяв вкус к детской игре, хлопнул его по коленке.

— Так-так-так, — сказал он добродушно, едко сощурив глаза. — Стало быть, говоришь, что он может летать?

— Конечно!

— А скажи в таком случае, на каком он горючем летает — жидком или твердом? Или на сжиженном газе? А если на бензине, то на каком — девяносто третьем или семьдесят шестом?

Дядя Вася подмигнул: дескать, посадил парня в калошу, но Мика не смутился и спокойно объяснил, что Атунке все равно на каком горючем летать, он может перемещаться и без горючего вместе с ветром, или зацепившись за любую пролетающий самолет, ракету или птицу. Может летать на лунном луче и даже от мысли. Дядя Вася, сокрушенный, спросил:

— А где он находится в данный момент?

— В данный момент? — переспросил Мика, стараясь запомнить новое для него выражение. — В данный момент он спит под вагоном.

— А он не разобьется?

— Так он же маленький! Лежит себе в щелочке и спит. Вообще он очень любит спать.

Ответы мальчика были молниеносны. Видно, он хорошо знал Атунку, для которого не было ничего невозможного.

Первым из игры выбыл дядя Вася: он отвалился к стенке и вытащил сигарету, собираясь выйти покурить. Но я не сдавался:

— Ты говоришь, он очень любит поспать? Значит, он большой лентяй, твой Атунка?

Но Мика не ответил. Ему стало скучно с нами. Он взобрался на свою полку, вытащил из рюкзака большой цветастый блокнот и стал дырять его перочинным

ножом. Вид у него был отрешенный, глаза ушли в себя, словно бы он решал в уме одному ему известную задачу.

Вскоре весь вагон уже знал, что мальчик едет один, в купе то и дело стали заглядывать любопытствующие. Чтобы его не отвлекать, я вышел в коридор и устроил маленькую пресс-конференцию. Тот факт, что мальчик едет один, почему-то больше всех взволновал седовласого плотного грузина, которого в вагоне почтительно называли дядей Гиви. Я объяснил, что отпустить ребенка одного в дальний путь принято в некоторых странах и что нам нечего отставать от иностранцев, и что нет ничего опасного в том, что родители доверяют ребенка посторонним людям, что мы все одна семья, наконец. Я заверил, что ничего страшного с мальчиком не случится, потому что его на вокзале встретят бабушка и дедушка.

— Вообще-то говоря, он не совсем один, — сказал я, оглядываясь на двери купе. — У него есть друг Атунка, который всегда придет ему на помощь...

Дядя Гиви вскинул густые брови.

— Атунка? Кто такой Атунка?

Объяснить ему, кто такой Атунка, я не успел. В конце коридора послышались странные звуки. Они то затихали, то нарастали, переходя в тоскливое гуденье. Из купе выглядывали встревоженные лица.

— Не знаете, что это такое?

— Сейчас пойдем и узнаем, — сказал я. Несколько пассажиров увязались за мной. Мы приоткрыли крайнее купе и увидели девочку, лежавшую на полу. Рядом сидела женщина и плакала.

— Что-нибудь случилось? — спросил я. Женщина подняла измученное лицо. — Ой, люди, не знаю, что и сказать. Все было хорошо, пока она не вспомнила Линочку.

Услышав слово Линочка, девочка забила кулаками по полу.

— К Линочке хочу! — загудела она. Пассажиры, сбившихся в дверях, растолкали дядя Гиви.

— Линочка — старшая ваша дочка? — спросил он.

— Ой, да что вы! С одной не знаю, как справиться. Линочка — это ее кукла.

— Какая-нибудь шикарная кукла? Делает глазами вот так? — Дядя Гиви выпучил глаза и заворочал ими, как колесами. — Или говорит «ма-ма»?

— Та обыкновенная кукла!

Девочка затихла, прислушиваясь. Женщина вышла, прикрыла за собой дверь и шепотом сообщила, что дочка недавно переболела корью, и пока лежала в больнице, не расставалась с куклой, а когда выздоровела, куклу пришлось сжечь и объяснить ей, что Линочку отправили в санаторий на поправку. Натка не вспоминала про нее, а в дороге вдруг спохватилась и стала уверять, что Линочка вернулась и ждет ее дома. И требовала повернуть поезд обратно. Пассажиры взволновались, советуя разные вещи, но верх надо всеми взял дядя Гиви.

— Нет положения, из которого нельзя найти выхода, — сказал он тоном, каким читают постановления. — Сам вырастил семерых и знаю, как разговаривать с детским народом.

Дядя Гиви расправил пышные седые усы,

склонился над девочкой и закудаhtал, как курица:

— Кох-кох-кох!

Дядя Гиви довольно огляделся на пассажиров и закричал, как петух:

— Ки-ки-ри-ку!

Получилось очень похоже, словно мы попали в курятник. Девочка подняла голову. Дядя Гиви взял ее осторожно за плечи и стал поднимать.

— Сейчас посмотрим, как наша девочка улыбается. А ну покажи, красавица, зубки, покажи, как мы умеем смеяться.

Натка какое-то время покорно смотрела на улыбающиеся лица и вдруг опять заревела.

— Хочу к Линочке! К Линочке отвези! Номер с курятником сорвался. Дядя Гиви обиделся, вышел из купе и закурил, чтобы немного успокоиться.

— Дай ей Линочку, понимаешь? А где взять эту Линочку?

Из соседнего купе выглянула женщина с большой куклой в белом атласном платье и толстой желтой косой.

— Это я везу племяннице, — сказала она. — Дайте ей, пусть поиграет.

Дядя Гиви преобразился. Он швырнул сигарету в окно, придирчиво осмотрел куклу и поцокал языком.

— Замечательная барышня! — сказал он и торжественно, взяв куклу под мышки, как самовар, вошел в купе и посадил ее рядом с Наткой. — Вот твоя Линочка! Натка уставилась на куклу истерзанными глазами. Вспышка радости сменилась разочарованием.

— Это не Линочка, — сказала она и отпихнула куклу.

Дядя Гиви развел руками.

— Какое это имеет значение! Ты посмотри на нее — она даже лучше твоей Линочки!

— Она противная! Плохая! Она гадина! Натка схватила куклу и с остервенением стала рвать ее.

— Ты эти штучки брось! — заорал дядя Гиви, отнимая куклу. — Сейчас останую поезд и сдам тебя в милицию! Уважаемая, возьми твою куклу и простите, что она испортила ее.

— Не волнуйтесь, я все исправлю.

Дядя Гиви, воспитавший семерых детей и знавший, как обращаться с детским народом, потерпел скандальный провал. На него жалко было смотреть. А девочка по-прежнему стонала на полу.

— Нет ли врач среди нас? — забеспокоились пассажиры.

— Надо поискать по вагонам.

— Вы уж извините, что так получилось, — причитала мать.

— Разойдитесь, — сказала проводница. — Дайте людям пройти!

Я стоял в стороне от толчеи, захваченный этим странным поединком. Мало кто понимал, что происходит. Мне было ясно, что никакой врач не поможет беде и что любые наши взрослые хлопоты в прах разлетятся о несокрушимую печаль по Линочке, с которой девочка вместе переживала.

И вдруг меня осенило — Атунка! Вот кто бы мог спасти положение! Я заторопился в свое купе.

— Послушай, Мика, ты не можешь девочке помочь? У нее очень большое горе...

Мика не стал интересоваться подробностями, взял кое-какие вещи из рюкзака и деловито отправился за мной. Я вызвал мать, попросил ее на время перебраться в наше купе и оставить детей вдвоем, а сам остался у приоткрытых дверей — узнать, что будет дальше.

А дальше не произошло ничего особенного. Видно, Мика не понял, о чем я просил его. Увидев девочку на полу, он просто обошел ее, пристроился к окну и выставил наружу продырявленный блокнот. Он поворачивал его с боку на бок, прислушиваясь к возникающим звукам. Это был невиданный музыкальный инструмент, работавший от встречного ветра. Блокнот дребезжал, шелестел, вырывался из рук, издавая звуки, похожие на мычанье. Натка, все время скулившая, вдруг замолкла. Ей показалось, что кто-то передразнивает ее. Она подняла голову и увидела незнакомого мальчика. Откуда он здесь? Может, он залез в окошко? Она поднялась с полу, вытерла нос рукавом и толкнула его в спину. Мика не шевельнулся. Она толкнула еще раз. Тогда он осторожно атянул музыку в окно и молча усталился на грязную незнакомку.

— Ты кто? — спросил он.

— Я Натка. А ты кто?

— Я Мика Стеклов.

— А зачем ты тут?

— Я музыку делаю. А тебе что?

— Я тоже хочу.

— Ну, смотри, только не мешай.

Натка взобралась на сиденье и пристроилась рядом. Мика выставил блокнот наружу и стал поворачивать, на этот раз издавая звуки, похожие на утиный крик. Потом заквакали лягушки. Потом закричали грачи. Просто удивительно, что все эти звуки рождал дырявый блокнот, вбирая в себя летевшие на встречу воздушные потоки. Ветер расплел Наткину косичку, ленточка щелкала, как флажок.

— Дай, я тоже буду делать музыку! — потребовала она.

— Нельзя, — сказал Мика. — Сейчас Атунка остановит поезд. Тпрррр!

Поезд замедлил движение. Вагоны стукнулись друг о дружку и подкатили к платформе. Под окнами бегали женщины в платках и предлагали фрукты.

— Что хочешь, яблоки или сливы? — спросил Мика.

— Сливы, — сказала Натка.

— Атунка, сливы!

Мика привязал к ремешку буденовку, положил в нее денежку и опустил вниз. — Тетенка, насыпьте Атунке слив! Сказал он тихо, но я все же расслышал и был немало удивлен, когда он, поболтав буденовкой, как ведерком в колодце, вытянул ее наверх, полную слив.

— Атунка, трогай! — крикнул Мика.

— Атунка, трогай! — подхватила Натка.

Вагоны потерялись друг о друга и послушно покатились по рельсам. Ребята уселись за столики и стали есть сливы, складывая косточки возле себя. Когда со сливами было покончено, Натка порылась в маминной сумке и достала бутылочку с молоком.

— Ты пей сперва, — сказала она, — а потом я.

Мика встряхнул бутылку и посмотрел на нее насквозь.

— Простоквашу я не люблю, — сказал он.

— Я тоже, — сказала Натка. — Пусть выпьет Атунка.

— Не отвлекай его: Атунка сейчас переводит стрелки. Лучше давай музыку делать.

Мика выставил музыкальный блокнот из окна, Натка ухватила за него с другой стороны, и теперь они вместе извлекали из него взвизги, дребезг и громы, похожие на джаз. Вдруг послышался шум идущего навстречу поезда, заслонившего поле и солнце. Пришлось втянуть музыку в вагон. Натка вздохнула. Лицо ее опечалилось и вздрогнули губы. Она заглянула Мике в глаза и спросила:

— Атунка может все-все?

— Конечно!

— А может он Линочку к нам привезти?

Мика нахмурил лоб и задумался. От нетерпения я пробрался в купе и сидел с краешка, превратившись в слух. Ребята не обратили на меня внимания. Мика строго посмотрел на девочку.

— Атунка все может, только Линочку не привезет.

— Почему?

— Потому, что ей некогда. У нее нет времени с тобой играть. Она же доктор и лечит детей. Разве ты не знаешь?

— Нет...

— Теперь будешь знать и не задавать глупых вопросов. Понятно?

— Понятно.

И мне тоже стало понятно: молодец Мика, он помнил все, о чем я ему рассказывал.

Я поднялся и пошел в конец вагона, где меня ожидала Наткина мать.

— Все в порядке, — сказал я. — Атунка вырубил.

Рисунки А. Распопова

для детей

ЗАГАДКИ АРХЕОЛОГИИ

Обзор
книг

«Архаиос» в переводе с греческого означает «древний», «логос» — «знание». Из этих слов состоит термин «археология».

Археология с легкой руки журналистов приобрела окраску науки таинственной, чуть ли не мистической, к ней намертво прирос штамп «тайна». Тайна чего угодно — какого-нибудь города или селения, могильника или отдельного захоронения, а лучше всего — клада. Отчасти поэтому археологические раскопки нередко представляют себе чем-то вроде упорядоченного кладоискательства. Штампом стало и сопоставление труда археолога с работой следователя по уголовным делам. Словом, информация у большинства школьников недостаточна.

Книги, о которых пойдет разговор, расширяют представление старшеклассников о науке археологии и о труде археологов, знакомят с требованиями, которые предъявляет эта профессия к человеку, расскажут о выдающихся археологических открытиях.

Древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» упоминает о славянском племени тиверцев. Но кто они такие? Где жили, куда исчезли? Да и существовали ли вообще? Долго — более ста лет — искали ученые ответ и в конце концов вопрос о загадочных тиверцах отнесли к разряду неразрешимых.

«Открыл» тиверцев археолог Г. Федоров. И это не единственное его открытие. Студентом третьего курса поехал он впервые в экспедицию и с тех пор уже много лет занимает

ся археологией. Его книги об археологах и археологии — «Дневная поверхность» (1977) и «Лесные пересуды» (1981) — выпущены издательством «Детская литература». Федоров пишет только о тех экспедициях, в которых ему самому посчастливилось принять участие. Все, что описывается, происходило в действительности. В его книгах не найдешь описания каких-либо

особых сенсационных происшествий. Здесь рассказывается о буднях археологических экспедиций. Для Федорова романтика археологической работы в другом — в научном предвидении, в напряжении поиска, в ни с чем не сравнимой радости первооткрывателей.

Среди тех археологов, чьи книги вышли в издательстве «Детская литература», — А. Никитин. Он вел археологические исследования в Волго-Окском междуречье, на берегах Белого моря, в Новгороде и Пскове, в Крыму и на юге Украины, в Молдавии и Закавказье. Участвовал Никитин и в раскопках Ольвии — самого знаменитого города-государства Причерноморья, спукался с аквалангом на дно моря в поисках кораблей, затонувших тысячелетия назад, вглядывался в каждый камень, в надписи, высеченные на стелах. Ольвии посвящена значительная часть книги «Распахнутая земля» (1973), в целом же книга эта — интересный рассказ об археологии как науке, имеющей свои объекты и методы исследования.

Другая книга Никитина — «Над квадратом раскопа» (1982) — по словам автора, продолжает первую, но во многом отличается от нее. «В ней я пытаюсь показать археологию с другой стороны, рассматривая ее как один из способов познания окружающего нас мира, а вместе с тем показать и тот «космос науки», без которого не обходится никакое научное творчество: чувства, мысли, ощущения, внезапные прозрения, что ведет от одного открытия к другому.

Археология всегда была для меня не «наукой о древностях», как точно переводится это слово, а «наукой о прошлом», причем прошлое включало в себя не только историю человеческого общества, но и историю биосферы в целом...

Речь в ней идет не столько о предметах, найденных при раскопках, сколько о закономерностях, на которые указы-

вает анализ этих предметов; не столько о следствиях, сколько о возможных причинах, истоки которых приходится искать иногда за пределами биосферы».

«Костры на берегах: Записки археолога» (1986) — еще одна книга А. Никитина. Только появилась она не в «Детской литературе», а в «Молодой гвардии». Книга эта, как сказано в предисловии, приглашает читателя к путешествию в страну «белых пятен» нашего прошлого, к попытке общими усилиями восстановить целостную картину минувшего и будущего. Стоит книга из трех частей, трех своеобразных эссе. Две первые части посвящены археологии. «Дороги веков» показывают труд археолога в его повседневности, а, как всякий труд в науке, он тяжел и не всегда благодарен. Все, что было открыто Никитиным в поле, описано на фоне современной Ярославщины. Основная тема — неолит, изучением которого долго занимался автор. Есть и другие темы: мерянские могильники, древние славяне, средневековые и архитектура Переславля. В «Беломорском лабиринте» Никитин сосредоточил внимание лишь на одной теме — это каменные лабиринты Беломорья. Назначение этих величественных и удивительных сооружений до сих пор не разгадано наукой; Никитин же берется решить проблему.

«Еще не так давно никто, кроме местных жителей, и не подозревал о существовании в одной из плодородных долин южной Турции холма под названием Чатал-Гуюк. От по-

бережья Средиземного моря его отделяет свыше 100 километров, а сама долина не входила в туристские маршруты.

Теперь ему посвящены специальные монографии. Без упоминания о Чатал-Гуюке не обходится ни один учебник или книга по археологии и древней истории Малой Азии.

Чатал-Гуюк прославило древнее поселение, открытое в 60-х годах нашего века на его склонах».

Так начинается глава «В последние минуты века» из книги В. Левина «Свидетели из Каповой пещеры» (М.: Дет. лит., 1982). Из этой главы ребята узнают, как в самом перспективном, казалось бы, для первобытной археологии уголке Азии было открыто одно из древнейших поселений. Узнают о сложной, развитой жизни поселения, отстоящего от нас на девять тысячелетий, о высокой культуре его жителей, об их искусстве и ремеслах. Левин рассказывает, к примеру, что археологи обнаружили в гробницах-святилищах Чатал-Гуюка не только древнейшие в мире фрески, сделанные красной, белой и черной красками, но и рельефы из сырой глины, раскрашенные минеральными красками, и небольшие статуэтки из камня, алебастра и глины, изображавшие в основном женщин. Археологи открыли здесь и самый древний градостроительный чертеж в мире, и самую древнюю «фотографию» стихийного явления природы — извержения вулкана.

Мы остановились лишь на одной главе, а в книге «Свидетели из Каповой пещеры» одиннадцать глав, и в каждой — свой сюжет, свои проблемы. В целом же книга рассказывает об открытиях советских и зарубежных археологов, которые позволяют проследить взаимосвязи и взаимобогащение различных культур народов Европы и Азии, начиная с каменного века до средневековья.

В этом небольшом обзоре шел разговор в основном о книгах, появившихся в издательстве «Детская литература».

Г. РУМЯНЦЕВА,
главный библиотекарь
Государственной
республиканской
детской библиотеки
РСФСР

ПОТЕНЦИАЛ ЗДОРОВЬЯ

В № 11 журнала за прошлый год мы рассказали о доступных каждой семье мерах по профилактике самого распространенного детского заболевания — ОРЗ.

Как мы и предполагали, не только московские педиатры озабочены борьбой с простудными заболеваниями. Публикуем сегодня отклик из Ленинграда. Приглашаем педиатров других городов высказываться на эту тему.

Дорогие наши родители, бабушки, дедушки, прабабушки и прадедушки! Кто из вас не встречал с восторгом новое средство (или метод) оздоровления ребенка и через неделю-другую не предавал его забвению из-за полной бесполезности. Кажется, и родители, и врачи едины в своем порыве прекратить поток заболеваний, но как плохо все это получается!

В медицине прочно обосновался термин ЧБД — часто болеющие дети — перенесшие в течение года четыре и более заболеваний. Но четыре в год — это еще не катастрофа по сравнению с теми, кто болеет ежемесячно!

Мы попробовали записать жалобы родителей и получили вполне однотипную картину: «Ребенок начал болеть сразу, как пошел в ясли (сад, режу — школу). Всю осень, зиму, весну нахожусь на больничном. А летом ребенка как будто подменяют — не болеет, хотя из реки не вытащить, бегают босиком в трусиках и маечке. С середины сентября все повторяется: температура, насморк, покашливание — назначенные процедур — новый контакт с инфекцией в поликлинике — новое заболевание. И так до следующего лета».

Добавим от себя, что врачи поликлиники перегружены до предела, лаборатории не справляются с волной ненужных анализов — ненужных, потому что у часто болеющих детей в анализах, которые делают лаборатории поликлиники, отклонений не наблюдается.

Вот ситуация, в которую из года в год попадают наши ЧБД. Помочь таким семьям — ведь здесь речь идет не только о детях — довольно сложная задача, которой занимаются сейчас и врачи, и педагоги, и психологи.

Вы знаете, чем отличается опытный врач от неопытного? Первый позволит Вам думать вместе с ним! Искать оптимальный вариант терапии (не обязательно лекарственной), даже спросит Вашего совета, не боясь показаться профаном. Врач, обычно молодой, уцепившись за одно из проявлений болезни, не слушая знающих собственного ребенка родителей, будет настаивать на своем и, если лечение закончится выздоровлением, начнет рекомендовать этот «метод» направо и налево. Не будем повторять его ошибок.

С общей картиной заболеваний мы уже знакомы. Теперь давайте вместе, в лучших традициях, решать, как уберечься от простуд, ну хотя бы пресечь нескончаемые их волны.

Ясно, что без закаливания нам не обойтись, но давайте попробуем подобрать для себя и своего ребенка наиболее приемлемый способ, сохраняя главный принцип любого закаливания — постоянство и постепенность. Самый традиционный и простой метод — это ножные ванны с понижением температуры воды с 37 до 18 градусов на 1 градус в течение трех дней. Это займет около двух месяцев. Но если при каждом новом заболевании все начинать сначала, то и жизни не хватит... Поэтому будем все делать значительно быстрее.

Конечно, лучше всего начинать закаливание летом. Игры в воде в жару и купанье в холод — это еще не закаливание: избавление от простуд летом приносит благотворное влияние солнышка, воздуха, воды, овощей и фруктов.

Поэтому выработаем для себя и ребенка наиболее подходящую схему, в которую совсем обязательно включать все предложенные нами мероприятия.

Выбираем время относительного затишья заболеваний в семье или самый «хвост» очередной респираторной инфекции. Покупаем килограмм лука, чеснок, шиповник, аскорбинку, поливитамины. И приступаем к закаливанию.

1. На ночь, после вечернего чая, завариваем два зубчика чеснока на стакан кипятка, добавляем туда пол чайной ложки соли и дышим над паром одну-две минуты. Особенно это необходимо в дни подъема за-

болеваний. Чеснок можно заменить луком.

2. Утром и вечером перед сном закапываем в нос по две-три капли этого раствора всей семьей, заваривая каждый вечер свежий раствор. С сентября по май эта процедура обязательна.

Если в семье есть больные хроническими заболеваниями носоглотки (особенно хроническим тонзиллитом), необходимо научиться втягивать в себя этот раствор носом, поочередно каждой ноздрей для промывания носоглотки (раз в день). Это рекомендуется и детям одиннадцати-двенадцатилетнего возраста.

При хронических заболеваниях дыхательных органов у членов семьи, особенно если они подвергались хирургическому лечению, разрешение на эту процедуру нужно получить у отоларинголога; закапывание в нос никому не противопоказано.

3. Всей семьей принимаем аскорбиновую кислоту: до года 50 мг в сутки, до десяти лет — 50 мг два раза в день, старше десяти лет — 100 мг два раза в день. (Летом — перерыв. От приема аскорбиновой кислоты нужно отказаться лишь тем, у кого на нее аллергическая реакция, а также при заболеваниях почек и мочекаменной болезни).

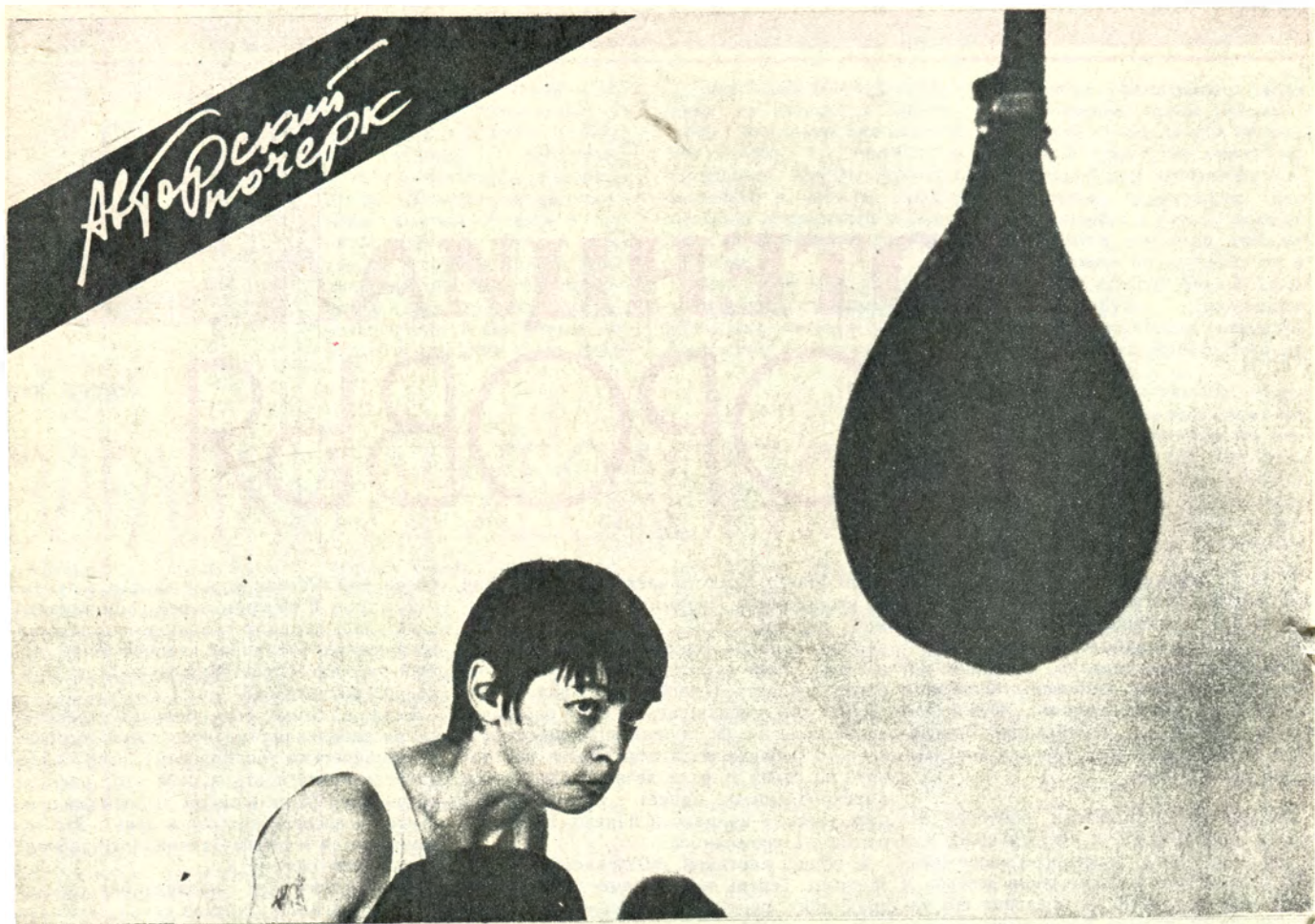
4. УНДЕВИТ — после пяти лет по одному драже раз в день в течение месяца, затем месяц — перерыв. На время приема ундевита от аскорбиновой кислоты можно не отказываться.

5. На ночь завариваем шиповник в термосе (30—40 плодов поместить в марлевый мешочек, растолочь, залить 500 мл кипятка). Пить вместо чая. Также можно использовать витаминные бальзамы («Здоровье», 1989, № 11).

6. Всей семьей, собрав волю в кулак, заключаем договор с холодом.

Сначала снимаем с ребенка колготки и шерстяные носки, оставляем в простых носочках. На три дня. Потом снимаем и носки и оставляем на всю оставшуюся жизнь либо в легких домашних тапочках, либо босиком (это зависит от условий в квартире). Первой реакцией ребенка любого возраста, пришедшего с улицы, должно быть немедленное избавление от колготок.

7. Перед сном, после чашки шиповни-

ка, — второй прием аскорбинки, закапывание в нос или промывание носоглотки раствором чеснока с солью. И — бегом в ванную.

Через три-семь дней (у кого и больше!), после того как ребенок начал бегать босиком по квартире, вводите постоянные водные процедуры. Для начала — опустите ноги на две-три минуты в теплую воду (37 градусов). Но завтра вода должна быть на 4 градуса ниже и так далее, каждый день снижая на 4 градуса. После ванны растираем ноги до приятной теплоты. На шестой день вода должна быть из-под крана.

Если ребенок очень ослаблен, то все ножные процедуры заканчиваем быстрым погружением ног в теплую воду (38 градусов), то есть делаем контрастное обливание. Через одну-две недели от теплой воды можно будет отказаться.

Летом, продолжая ножные ванны, можно приступить к растиранию, а затем и обливанию водой, начав также с температуры 37 градусов и снизив ее до 18. Можно также прибегнуть и к контрастным обливаниям. Главное — не прекращать начатого. Занимает это всего пять-семь минут, зато удовольствия масса, важно только начать!

8. Когда ноги привыкнут к холоду, про теплую воду надо забыть (кроме гигиенического душа). Умываться только холодной

водой, кораблики в ванной пускать в холодной воде, да и кукол купать — тоже в такой же.

На улице — собрав все мужество — разрешите чаду лепить снеговика без варежек, пускать кораблики, играть в снежки, валяться в снегу, дышать ртом. (Домашнее обязательно смазывать руки кремом.)

9. После того как ноги и руки привыкнут к холоду, ставить воду для питья в холодильник. Можете начать с небольшой дозированной «нагрузки» — по одному глотку три раза в день; можно этой водой полоскать горло. Постепенно переходите на питье только из холодильника — воды, молока, кефира, компотов. Дальше — больше! Заморозьте кубики льда, предварительно положив клюквинку в каждую ячейку с водой. (Нет ячеек — возьмите упаковку от конфет «Ассорти».) Сначала по льдинке три раза в день, потом чаще. И переходите на мороженое: каждый день по 100 г. Если уж очень боитесь сальмонеллеза, то продолжайте поглощать льдинки с ягодами.

10. Если есть возможность — постройте на участке баньку русскую, парную, и после парилки — на секунду в снег или холодную воду! Или раз в неделю в парную баню в городе.

Не опускайте руки, если все же первые

попытки окажутся неудачными — ребенок заболел. Вторую попытку можно форсировать, не форсируйте только все с самого начала! Болезнь слишком долго брала свое, поэтому и вам нужно время и осторожность.

Что можно еще добавить? Этот метод — не панацея, но шанс немного повысить сопротивляемость организма. Он опробован не только на многочисленных пациентах, которые очень довольны, но и на мне и моем сынишке.

Знаете, что еще очень важно? Свобода действий вашего ребенка, отсутствие давления на него («Не пей холодную воду», «Не промочи ноги» и т. д.). Это не только унижает его достоинство, но и снижает защитные силы. А поэтому, заканчивая день, присядьте рядом с ребенком и тихо порасспросите его о делах, бедах. И он, также шепотом, поведает вам о своих заботах. Вы же разберете его день на «хорошее» и «плохое», пожелаете ему спокойной ночи и сделаете точечный массаж по методу Уманской, изложенному в журнале «Семья и школа» за 1989 год в № 11.

С уважением
врач-педиатр М. РЕВНОВА.

ОТВЕТСТВЕННАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Окончание. Начало на стр. 29

Существуют также убедительные данные о том, что время, которое отец тратит на общение с маленьким ребенком, в значительной мере определяется точкой зрения матери на положение отца в семье. У женщин, придерживающихся традиционных, патриархальных взглядов на разделение семейных ролей, мужа мало занимают дети, а занимаясь, предпочитают игру, а не уход за ребенком. Женщины, чьи взгляды более свободны, уделяют детям чуть меньше времени — зато их мужья занимаются детьми гораздо активнее, причем не только играют с ними, но и не брезгают повседневной заботой.

Интересно, что эти женщины определили свои позиции в воспитании ребенка и представление о характере родительских ролей еще до вступления в брак, то есть задолго до появления у них собственных детей. Это их постоянная точка зрения, воспитанная у них, вероятно, в их собственной семье и в той среде, где они формировались как женщины. Стоит подчеркнуть, что исходные позиции женщин влияют на участие мужчин в воспитании (в несколько меньшей степени — и на степень участия самих женщин), тогда как исходные точки зрения мужчин по тем же вопросам (как относиться к детям, кто должен ухаживать за ними, должна ли мать выходить на работу вскоре после рождения ребенка либо целиком посвящать себя семье и т. п.) никак не влияют на будущую активность отцов и матерей. Вновь мы сталкиваемся

с фундаментальной закономерностью: роль отца, его поведение по отношению к ребенку, его активность и, в конечном счете, польза (или вред), которую он приносит семье, зависят не только от него самого, но и (в не меньшей степени!) от матери.

Влияние матери проявляется, в первую очередь, в формировании у ребенка положительного или отрицательного образа отца. Разумеется, если мать плохо относится к отцу, это отношение никогда не передается ребенку полностью, на 100 процентов. В его душе при этом как-то сосуществуют неприязнь, внушаемая матерью, с остатками добрых чувств к отцу, если тот хоть немного и хоть иногда проявляет свою любовь к ребенку. Если это мальчик, он может начать столь же противоречиво относиться к самому себе, вырастет неуверенным, сомневающимся в себе человеком. Если девочка — эти чувства прячутся в ней, но позже могут стать основой ее отношения к мужу.

Весьма важно и то, насколько прочными ощущают дети семейные связи. Это ощущение особенно важно для девочки: если она чувствует, что отец относится к ней хорошо, а отношения между отцом и матерью холодные, то к ее любви к отцу примешивается чувство вины, как будто она переманивает отца на свою сторону, мешает матери. Это беспочвенное ощущение своей вины перед матерью, конечно, крайне негативно влияет на самочувствие дочери, и на этой почве могут формироваться невротические реакции.

В особенно трудном положении оказывается отец, если мать придерживается жесткого, авторитарного стиля воспитания, что, к сожалению, встречается нередко в нашей городской семье. Его место в таком треугольнике отец — мать — ребенок, что называется, хуже губернаторского. Как ему быть? Присоединиться к матери, поддержи-

вая ее курс на суровое воспитание, на физические наказания и жесткий контроль за ребенком? Это значит объединиться против ребенка, задавить его авторитетом, силы, воспитать заведомо пассивного, забитого, неуважающего себя человека. Быть добрым и мягким, пытаться компенсировать таким образом строгость матери? Но и эта ситуация может неблагоприятно сказаться на развитии личности ребенка, который будет воспринимать своего отца как «слабого», не умеющего настоять на своем, проявить свою волю. Как правило, в семьях, где отцовское воспитание жестче материнского, вырастают более эмоционально устойчивые, спокойные, умеющие правильно организовать свою жизнь дети (хотя и несколько агрессивные); и наоборот, эмоциональные взрывы, немотивированные поступки, истерические реакции часто характеризуют детей, воспитываемых суровой матерью и относительно мягким отцом.

Поэтому избыток материнской авторитарности ставит перед отцом почти неразрешимые задачи. Он должен демонстрировать ребенку свою силу, всячески избегая формирования у него образа «слабого отца», и в то же время не пользоваться наказаниями, дабы не усугубить у ребенка чувство его отверженности, которое настойчиво формирует мать. В таких случаях особенно важно, чтобы отец был авторитетным, признанным профессионалом, пользующимся уважением за пределами семьи, и чтобы этот высокий уровень компетентности отца был виден и понятен ребенку. Пусть ребенок, если это возможно, побывает на работе у отца, среди его друзей и коллег, пусть увидит, что нелюбовь отца к наказаниям, мягкость его натуры говорит вовсе не о его слабости, а о душевной щедрости и умении быть выше семейных драм.

Окончание. Начало на стр. 42

Я просил ребят вести дневники своих впечатлений и после поездки мы вели беседы на тему: кому что запомнилось. Вот некоторые наблюдения: «У них на улицах очень чисто», «У них в обед не едят супа и очень мало употребляют хлеба», «У них у всех автомашины, и все живут в своих домах», «У них холодно в комнатах», «В магазинах все есть и все дешево».

Я тоже подвел творческие итоги поездки. Приятно было сознавать, что ансамбль получил высокую оценку в стране, где детское коллективное музицирование широко развито. Этот успех укрепил мою убежденность в правильности выбранного пути музыкального воспитания детей, так

как до сих пор дома находятся противники такой методики. Мы с ансамблем открыли для себя новый пласт музыки: «Хоралы» Баха. Эта полифоническая музыка исполняется в Германии повсеместно и профессионалами, и любительскими, и детскими коллективами. Фрау Хоффманн поделилась со мной и другими запасами партитур полифонической музыки, которую мы обязательно включим в свою концертную практику.

Что ж, ансамбль в результате поездки поднялся на новую творческую ступеньку, попробовал себя в качестве «профессионалов», приобрел некоторый «европейский» концертный опыт.

Хотелось бы закончить этот рассказ мажорным аккордом, но возникает грустный вопрос: «Кому нужен у нас в Союзе детский ансамбль скрипачей «Светлячок» Дворца культуры железнодорожников? За последние два года на нужды ансамбля железная дорога не выделила ни копейки, и все поездки, реклама и прочие траты осуществляются за счет различных подачек и пожертвований, которые

удавалось мне выпросить то у комсомола, то у Детского фонда и т. д. Белгородскому управлению культуры мы тоже не нужны, так как Дворцы культуры находятся в системе профсоюзов и не могут быть включены в смету расходов по культуре. И так далее. К тому же с 1-го января этого года Дворец переведен на новые условия хозяйствования и лишен дотаций на зарплату, значит, и моя скромная зарплата еще не гарантирована.

Доколе же это будет продолжаться? Думается, до тех пор, пока зарплата чиновников не будет зависеть непосредственно от успеха «Светлячка» или другого творческого коллектива...

Эдуард ПУДОВОЧКИН,
дирижер ансамбля «Светлячок»
Белгород

Окончание. Начало на первой
странице накладки

Ну вот, после такого «выступления не по делу» я и попробую рассказать (но не взрослым, им это уже совсем не нужно, а нашим более молодым читателям), как становятся фоторепортерами. Все началось, когда в году 1959-м моему школьному товарищу Генке Константинову родители купили фотоаппарат «Зоркий-6». Причем мы были друзья закоренелые, учились вместе с четвертого класса (а дело было уже в девятом), секретов друг от друга не держали, свои профессии давно определили: он — «дед», судовой механик, я — геолог; всё шло по графику. И тут вдруг фотоаппарат! Потом, правда, выяснилось, что фотографией когда-то занимался еще Генкин отец, значит, в семье их это была не «злонамеренная инфекция», а просто проснувшаяся «бацилла», которая дремала до поры.

Но это обнаружилось потом; в первый же момент я был почти обижен: какая фотография, мы так не договаривались!

А надо сказать, что фотоаппарат «Зоркий-6» по тем временам был просто игрушкой: масса блестящего металла, нежные линзы и стекла дальномера и такой весь ладный. Вдобавок, что вообще убивало всех наповал, у него был курковый взвод затвора — первый в стране. Прельщало, во-первых, само слово «курковый», что наводило на мысль об оружии, а во-вторых, легкое пощелкивание, с которым курок возвращался под действием пружины в исходное положение. Оно, пощелкивание, напоминало несколько звук холостого хода спортивного велосипеда; ни у кого из наших, конечно, таких велосипедов не было, но видеть приходилось — под их страшно фиксировавшимися седоками, которые, хотя и не часто, но ездили на нашу тихую площадку Журавлева.

Так вот, аппарат купили Генке, а пропал я. Не мог я выдержать этого заворающего действия блестящего металла, хрупких линз, желтой кожи футляра. Я влюбился.

Влюбленности, как извест-

но, сопутствует разная степень сумасшествия — по степени влюбленности. У меня была большая степень. Всю осень девятого класса я думал только о «Зорком-6», но поскольку покупать его мне никто не собирался (он стоил бешеных, по тогдашнему, денег — 650 рублей «старыми»), я стал с неким уже даже остервенением читать всю какую ни на есть фотографическую литературу. Чтение это помогало мне поддерживать мои раны в незаживающем состоянии. Среди многих фотокниг мне попала одна, которая собственно и довершила дело обращения меня в лоно светописа. Это была «Фотография, её техника и искусство» Л. Дыко и Е. Иофиса, известных преподавателей кинооператорского факультета ВГИКа. Книга совершенно замечательная, не потерявшая своей ценности и сегодня. Не так давно было её переиздание, горячо рекомендуемое фотолюбителям читать десять страниц из нее на ночь и пять по утрам.

В конечном итоге мне надо только благодарить родителей, медливших с покупкой фотоаппарата; вынужденная пауза заставила меня читать специальную литературу, и я нечаянно получил знания, которыми обычно начинающие любители не обременены.

«Зоркий-6» мне в конце концов купили — в то время как раз начала действовать система продажи товаров в кредит; это было так прекрасно: купить кучу вещей и почти ничего за них не заплатить! Пользуясь этой минимой дешевизной, я выторговал у родителей заодно и фотоэкспозитив, и увеличитель, и все остальные причуды, чем сразу оставил далеко за флагом остальных фотогографов класса.

Ну вот и все, остальное уже дело техники. Я не буду рассказывать о первых и последующих снимках, о первых опытах фотопечати, о первом признании меня как фотографа девочками класса (и непризнании в таком качестве дома — вплоть до сегодняшнего дня), о попытках получить специальное образование по фотографии и о том, как из этого ничего не вышло, и обо всем другом, что без ложной скромности можно назвать книгой жизни, моей жизни.

Главное для меня как фотожурналиста то, что рано

или поздно, но я напечатался в «Семье и школе». Это не было моей специальной целью, но, раз попробовав сладкого яда, далеко от приюта отойти я уже не мог. Да и то сказать, сама атмосфера журнала не позволяла покинуть его. «Семья и школа» 70-х — это отдельный мир среди разлива застоя. Ее не очень знали в горних высях и высших сферах, точнее, не то чтобы не знали — не придавали большого значения, что журнал в общем-то и спасало, было только два крупных разноса. Но почти все ныне известные и знаменитые печатались в ней, кроме разве что Солженицына (с ним дело дошло только до гранок).

Двенадцатый год работая в штате «Семьи и школы», я и сейчас люблю её, как любил тогда, в семьдесят пятом, робко принося на строгий суд свои в общем-то любительские работы. Только теперь к этой влюбленности юноши все больше и больше примешивается любовь отцовская — журнал ведь и мой дитя тоже.

Если же вернуться к разговору о том, как становятся фоторепортерами, то хочу сказать, теперь уже родителям: фотография — прекрасное творческое увлечение ваших детей. Подчеркиваю — творческое! Дайте ему развиваться, не забывайте, что оно легко (даже без техникумов и вузов) трансформируется в профессию. Но даже если мыслей о профессии и нет, занятие фотографией благотворно. Судите сами: досуг ребенка занят и интересно, и с пользой, художественный вкус его развивается, общественная польза (стенгазеты, альбомы и выставки) очевидна, авторитет у одноклассников (и одноклассниц) неуклонно растет. Что еще надо! Вы посмотрите, в ГДР каждый второй житель занимается фотографией, вроде бы странно это не очень вредит, а! Только нельзя оставлять ребенка наедине с его увлечением. Занятие фотографией требует денежных инвестиций — значит, надо ему покупать кроме фотоаппарата и все остальные принадлежности. А главное — пленку и бумагу, фотография ценна своим практическим воплощением, надо постоянно снимать и постоянно печатать фотографии, снимать и печатать, опять снимать и опять печатать. Снимать

только летом на каникулах, а печатать снимки зимой — нигде не годится, лучше тогда не тратить денег на аппаратуру, а записать ребенка в секцию фигурного катания.

Мой дорогой друг из девятого класса! Если ты серьезно увлекся фотографией, то тебе придется, как гангстеру с пистолетом, расставаться с фотоаппаратом только на ночь. Я понимаю: школа, уроки, домашние дела, кино, танцы... Все так, но аппарат или, как чаще говорят профессионалы, камера должна быть под рукой — события происходят не по планам, а ты же репортер. Особенно сложно снимать на уроке: учителя нервничают и даже ругаются. Но если ты подаришь учителю его портрет, сделанный в спокойную для него минутку, то, думаю, тебе разрешат снимать на уроке. Конечно, если сам ты учишься безупречно. Снимай на переменах и жанр, и портрет, и репортаж. Обязательно снимай на школьных вечерах — там все раскрепощенные, с другими лицами, не правда ли!

Снимать надо все, что может быть интересно не только тебе, но и другим. Особенно ценны для юного любителя семейные праздники, снимая на них, он останавливает время. Годы летят быстро, а люди на фотографиях не стареют; иных уж нет, вовремя же накатый спуск фотокамеры навечно запечатлел образ любимой бабушки. Эстафета! Как знать, дорогой юный друг, снимая старую бабушку, приехавшую из далекой деревни на свадьбу твоей старшей сестры, не готовишь ли ты почву для того, чтобы твой собственный внук запечатлел тебя в цвете и объеме какой-нибудь сверхмной фотокамерой, скажем «Зорким-506»!

Снимайте, больше снимайте, друзья! Мы в журнале, например, всю жизнь мечтаем получать отличные снимки своих читателей и, естественно, публиковать их. Но... Снимки присылаются, что же касается качества — как творческого, так и технического, — то с этим хуже. А мы между тем хотели бы во многих номерах печатать исключительно читательские снимки. У вас есть серьезный шанс! Ждем интересных писем и фотографий.

Лариса Исарова

Каждое третье-четвертое письмо читателей в почте отдела семейного досуга так или иначе связано с вопросами кулинарии: как готовить, что готовить, просят рецепты блюд праздничных, диетических, «на скорую руку». Многие, особенно дети, с удовольствием делятся своим кулинарным опытом, и мы это всячески приветствуем. И главное, что доминирует во всех письмах:

пишите больше о кулинарии!

Идем навстречу читательским просьбам

и начинаем печатать целую книгу о кулинарных (и не только кулинарных) премудростях, которую любезно передала для первой публикации именно в «Семье и школе» известная писательница Лариса Исарова.

Мы думаем, что «Блюда-скороспелки» (так назвала свою книгу Лариса Теодоровна) снимут многие вопросы у начинающих хозяек, да и, чего греха таить, станут настоящим откровением для иных вполне взрослых и самостоятельных глав семейств.

Конечно, не исключено, что одни вопросы у читателей снимутся, но возникнут другие. Тогда милости просим, пишите к нам в журнал и Ларисе Теодоровне. Мы будем рады разрешить все сомнения, учесть все замечания, советы, опыт, рецепты.

Безусловно, ваши письма, дорогие читатели,

помогут писательнице в работе над отдельным изданием книги.

Кстати, об этом: «Блюда-скороспелки» будут печататься в нашем журнале и в 1990 и в первой половине 1991 года; по окончании публикации, в том же 1991 году, книга выйдет в издательстве московской писательской организации «ПИК». Спешите продлить подписку на «Семью и школу», наш тираж не ограничен; каждый подписавшийся на журнал

будет обладателем своегообразного путевого билета для молодых хозяек по семейной жизни.

Блюда- ско- ро- спел- ки

Рассказы о кулинарных выдумках и секретах

Для любого человека еда — не роскошь, а способ существования. Без нее никто не обходится. Ни бедный, ни богатый, ни молодой, ни старый, ни интеллигент, ни рабочий. Но с каждым годом в нашей стране пустеют полки магазинов, исчезают многие продукты, и сегодняшние дети не знают тех названий, с которыми еще сталкивались мы, дети послевоенных лет.

Не случайно один мальчик сказал, слушая воспоминания родителей о разных рыбах и способах их приготовления:

— Все вы съели, а на нашу долю ничего не осталось...

Сестренка его добавила:

— Нашим детям, наверное, придется есть из пробирок.

Она была любительница научной фантастики.

Женщина после работы

Вы бежите домой вечером, заглядывая во все встречные магазины, волнуясь, что не смогли выскочить во время обеденного перерыва и закупить продукты заранее. Всюду очереди, ничего нет, и невольный ужас охватывает при мысли, что нечем накормить мужа и детей.

Первый совет: постарайтесь вспомнить еще на улице, что оставалось дома из продуктов. Может быть — черствый хлеб? Или скисшее молоко? Или остатки овощей? Или недоеденный суп?

Второй совет: подумайте, что с чем можно смешать? Ничего не надо бояться. Главное, чтобы еда вышла сытной и вкусной, хотя, может быть, и совсем непривычной.

Нечаянный салат. Много лет назад на ледоколе в Арктике я отмечала день рождения. Хотелось чего-то домашнего. И я решила приготовить салат-оливье, благо продуктов было больше в нашей провизии, чем сейчас в магазинах. И соленые огурцы, и горошек, и майонез, и даже лук. Но в последний момент выяснилось, что вареная картошка на камбузе кончилась, и повар смущенно развел руками. Оставались только жаренные котлеты, безвкусные, типично общепитовские. И я решилась на эксперимент. Размяла эти скучные котлеты, крошила туда огурцы, лук, горошек, добавила майонез. Но салату не хватало вдохновения. Тогда я развела чайную ложку горчицы с протертой клюквой. Добавила всего три столовые ложки приправы. И непонятное, непривычное, но удивительно вкусное блюдо вызвало общий энтузиазм.

Нестандартный повар

Стандарт убивает вкусовые ощущения, и люди сегодня не едят, а производят своего рода «загрузку трюма».

Однажды в Воронеже, лет двадцать назад, я попала в самую обычную столовую. Отличалась она от современных отсутствием неприятных запахов, чистотой и терпеливой очередью, в которой никто не злился. Обед был сытный, недорогой и вполне съедобный. Поразил меня салат из помидоров. Обычный, с луком. Но какая-то была в нем изюминка. И на другой день, и на третий этот салат продолжал радовать и удивлять. Наконец я попросила вызвать повара, чтобы узнать, в чем тут вкусовая хитрость. Вышел старик, такой древний, что показался хрупким, как одуванчик. Улыбнулся, услышав мой вопрос и сказал:

Салат из помидоров

— Я делаю специальный соус. Смешиваю горчицу, сок любых ягод или лимона и постное масло. На один резанный кружками помидор идет половина луковицы кольцами и столовая ложка этого соуса. Никакой хитрости.

И добавил:

— Скучно живем, разучились есть. Я в молодости в ресторане работал... Был специалистом по соусам и всегда нарушал рецептуру, хоть чуток. Для истинного вкуса никакие правила не годятся. Ты их знай, но всегда делай по-своему, как нос и язык подскажут...

Ему нравилось, что я достала блокнот, и он начал неторопливо перечислять.

— Вот смотрите: помидор может быть наш или болгарский. Острый или пресный,

как трава. Спелый или желтый, а некоторые совсем зеленые попадают с базы. Разве можно все одинаково использовать?!

Лицо старого повара поражаало странным сочетанием твердости и младенческой ясности.

— А сколько соков бывает под рукой! А еще клюква, сельдерей, яблоко, брусника, крыжовник... Больше трудно найти, но это летом всегда появляется. Вот я и покупаю в день один-два килограмма для соуса.

— На свои покупаете?

Он смущенно хмыкнул.

— Иначе скучно работать... Но мне премию часто выписывают, так что я не в обиде. Да и пенсия сохраняется. А вот когда мой салат люди ценят — прямо праздник на душе...

Неумеха

В юности я не умела готовить. Дома хотели, чтобы я только отлично училась; и замуж я вышла в двадцать два года совершенной кулинарной невеждой, о которых говорят: «У нее обе руки левые».

И попала на огромную коммунальную украинскую кухню, где почти все хозяйки были кулинарными асами. Пышные, шумные, горячие, они варили, жарили, пекли целые дни, и я не хотела перед ними выглядеть белоручкой. Спаса меня знаменитая когда-то книга «О вкусной и здоровой пище». Читается она сегодня с тоской: двух третей продуктов уже не бывает в продаже, а часть, кажется, попала в «Красную книгу». Если еще и картинки в ней рассматривать, так обязательно, выйдя на улицу, с кем-нибудь поругаешься. Невольно, не осознавая, что именно вызвало горькую обиду и раздражение на жизнь.

Все способы готовки в этой книге излагались разумно и последовательно, продукты давались в граммах, правда, ничего не говорилось о воде. Подразумевалось, что уж это хозяйка и так знает. Сообразит...

Прочитав рецепт в книге, я гордо шла на кухню и варила, ни с кем не советуясь, не поинимая, однако, в какую воду класть картошку — в горячую или холодную, в какую засыпать манную крупу, а в какую — макароны. Опыт приходил с испорченными блюдами. И очень благотворно влиял кроткий муж, который все хвалил, ценил и ел без капризов. Его лукавое терпение подстегивало мое самолюбие и побуждало быстрее достичь кулинарных высот.

Наверное, я бы и раньше, в юности, научилась готовить, но мой интуитизм убил на корню отца. В сорок четвертом году единственный раз мне было поручено сделать сырники, потому что мама была дежурная по своему институту. Творог она выменяла на рынке на мою куклу: отец приехал на одну неделю с фронта, и она старалась его баловать доведенными блюдами.

Я записала ее рецепт: одно яйцо, капля соли, две чайные ложки сахара, муки по вкусу. Я смешала все компоненты. Я их месила, била, стискивала и давила. А масса все расплзалась в руках, как глина. Наше единоборство продолжалось часа два, пока я не почувствовала, что из теста можно лепить даже фигурки. Шарик не рассыпался в руках, а стоял самостоятельно на доске, точно скульптуры художника-абстракциониста.

Поджарив эти изделия на хлопковом

масле, подарке из Таджикистана, и втайне гордясь, что я их вылепила в виде снежков, а не скучными плоскими кружками, я подала тарелку отцу. Он подозрительно понюхал, попробовал всадить вилку, но зубья погнулись. Тогда он взял сырник в руку и постучал им о стол.

— Как жаль, что у такой великолепной хозяйки, как моя жена, такая бездарная дочь!

Больше я не готовила. Меня нельзя было заставить никакими методами. Отец не понял, что я так старалась именно для него...

Вывод: любую женщину можно научить готовить, но — похвалами. Критика убивает и самолюбие, и творчество.

«Отделка щенка под капитана»

Когда моей дочери было девять лет, я научила ее готовить. Перед этим я побывала в Дании. Гид там рассказывала, как воспитывалась датская королева. В двенадцать лет король выселил ее из дворца. Снял ей комнату у почтенной горожанки. Давал деньги на карманные расходы. А по субботам приезжал на велосипеде, проверял, нет ли пыли в комнате, хорошо ли она выстирала, накрахмалила и погладила свое белье. И вкусен ли *штрудель* или *кюхле*, который она должна была испечь к чаю, принимая подруг.

До сих пор не знаю, реальна ли эта история или она сочинена Андерсеном, но гид говорила, что ее брат был личным охранником короля, его шофером и камердинером и уж он все должен знать до мельчайших подробностей.

Во всяком случае, вернувшись домой, я объяснила дочери, что если уж датскую королеву воспитывали так разумно, то ей, обычной советской девочке, надо не отставать.

И продиктовала ей принципы готовки. Пять супов, пять вторых и пять третьих блюд.

Супы

Отваривается мясо. Любое — говядина, баранина, свинина. Всегда кладется лук, лавровый лист, корешки зелени. Варить начинать в холодной воде, без соли. И когда мясо почти мягкое, в бульон добавлять: картошку — будет картофельный суп, капусту — капустный, грибы — грибной, рис — рисовый, вермишель — вермишелевый.

Я пояснила, что гущи должно быть не больше трети объема тарелки, что картошку можно всюду добавлять, как и морковь. Тогда они еще были без нитратов и напоминали вкусом те овощи, чье имя носили.

Целую неделю мы отработывали первые блюда. Я показывала, как мерить порцию глубокой тарелкой, как не надо стремиться к водянистости, как полезны личные вариации: добавка помидоров или чеснока, укропа или петрушки. И всегда крышка должна оставаться приоткрытой, чтобы ничего не убежало и не требовалось мыть плиту.

Это была и игра, и серьезное дело. В дочери пробудилось чувство ответственности. Я приходила с работы и усиленно стонала от усталости. И усиленно радовалась, когда меня ждал суп — дело ее рук, ее заботы, ее умения.

Она начала интересоваться продуктами, листала кулинарные книжки, задавала

вопросы. Ей хотелось отличаться, что-то придумать свое. Даже расспрашивала матерей своих подруг, когда попадала к ним домой, и гордилась, принося неизвестные мне рецепты.

За целый месяц я не сварила не одного супа! Только утром советовала дочери взглянуть в холодильник и подумать, что из чего можно и нужно сделать.

Я не стремилась учить ее классическим вариантам. Обжаривать овощи. Заправлять мукой. Закладывать продукты последовательно. Вкус должен был заговорить сам за себя, просыпаться постепенно и неторопливо. И чем меньше варились овощи, тем полезнее... Зато добавлять в готовые супы я советовала и сметану, и молоко, и сливки, и простоквашу, и постное масло. Это всегда усиливало или смягчало букет вкусного ощущения, придавало разнообразие и не вело к пресыщению.

Через месяц началась котлетная эпопея. Я учила ее делать котлетное тесто из множества продуктов.

Котлеты

Мясо, картошка, капуста, морковь, свекла. Все прокручивать на мясорубке. И добавлять яйца, лук, чеснок, соль, перец. В мясо класть хлеб, в овощи — муку. И лепить в сухарях, в манке, в муке, а потом жарить в кипящем жире.

Мне хотелось научить дочь пониманию, что в еде самое главное — выдумка, изобретательство, фантазия. Приятно удивить или обрадовать того, кто ест твоё изделие, при условии, что человек не боится хвалить.

И еще — не стремиться никого кормить до потери аппетита, до такого насыщения, когда возникает после еды желание только спать. На мысли сил уже нет, как и на активную работу.

А потому я доказывала, что общепринятые гарниры не обязательны. Только овощи, причем в мини-количествах. К примеру, одна натертая морковь на порцию, которую можно улучшить маслом, сметаной или соком, соусом. Или быстрого приготовления кислая капуста, или свекла во многих вариациях, но не больше двух столовых ложек на порцию.

Ведь те котлеты, которые я учила ее делать, несли как бы гарнир в себе, потому что и хлеб, и мука достаточно сытны и калорийны.

Форма котлет тоже превратилась в игру. Дети с детства любят лепить из песка причудливые фигуры. Но много интереснее это делать из настоящих продуктов. Трудно сказать, почему принято формировать тефтели круглыми, а пожарские котлеты продолговатыми и широкими, а люля-кебабы совсем узенькими. Я никогда не задумывалась над психологической стороной этого дела; но вот эстетика еды, мне кажется, ныне почти утраченная нами, крайне важна. И когда подается тарелка, на которой лежит котлета, нарезанный горкой зеленый лук, стожок натертой морковки рядом со щепоткой кислой капусты, да если все это приготовлено твоим ребенком, — удовольствие огромное, для него и для родителя. А такие эмоции только улучшают настроение и пищеварение, снимая усталость.

Продолжение следует

Запевка осени

В Древнем Риме сентябрь был первоначально седьмым по счету месяцем года и назывался соответственно *септембером* от латинского *септимус*. После календарной реформы, проведенной Юлием Цезарем в 46 году до нашей эры, сентябрь стал девятым месяцем, но имени своего не изменил. Такое же или созвучное наименование носит он у многих народов мира: *сентиабр* — у абхазов, *септэмбэри* — у грузин, *септемврие* — у латышей, *септемврие* — у молдаван и румын, *септембер* — у эстонцев, венгров и немцев, *септемари* — у болгар. *Септембро* — так называют сентябрь на эсперанто.

Однако в ряде мест первый месяц осени называют по-своему: в Литве — *ругсеис*, в Польше — *вжесень*, в Чехии — *жары* и *заржи*. В Древней Руси сентябрь назывался именами, заимствованными из римского календаря — *септемврием*, *септябрем* (седьмым месяцем). Так, на страницах Остромирова евангелия можно прочесть: «Съборъникъ църквыиныи начинается от мѣца септябра...»

Но в некоторых других древних рукописях приведены иные славянские и старорусские названия месяца. Одно из них — *вересень*, *вресень* — от медоносного *вереска*, невысокого вечнозеленого кустарника, распространенного в Полесье.

По другим сведениям, имя *вересень* произошло от украинского слова *врасенец* (иней), старинного названия инея, появляющегося иногда уже в сентябре. Такое имя, связанное с

сезонными явлениями природы, сохранилось за этим месяцем до сих пор на Украине, а созвучные ему — *верасень* — в Белоруссии и *вресень* — в Сербии, Хорватии и Болгарии.

Древние славяне дали сентябрю и некоторые другие имена. Например, *руен* и *руень* — от славянского слова, означающего дерево, которое дает желтую краску, а еще за желтый цвет листвы в пору ее увядания и опадения. В Сербии и Хорватии он до сих пор — *руень*.

Сентябрь — многолик, но всегда верен своему сезону. Однако в начале месяца тепляк (тепло) еще держится, ушедшему лету вслед кланяется. Поэтому называют его внуком знойного июля, эхом ушедшего лета, встречей двух сезонов. Кроме того, сентябрь — первенец и новосел осени, зачин осени, ее запевка. Хотя и мокропогодная, но сверх прочих плодородная пора.

В сентябре, согласно календарю садовода, пора подумать об осенних работах на участке. В начале месяца, если намечается осенняя посадка, делают разбивку участка, копают и заправляют удобрениями ямы. До 10 сентября заканчивают посадку земляники. В конце сентября вносят минеральные удобрения, перекапывают почву. Лучший срок для этого — начало пожелтения листьев.

В древности на Руси сентябрь тоже был первоначально седьмым месяцем года. В 1492 году (7001 год от сотворения мира) начало года было установлено 1 сентября. В то время ввиду истечения седьмой тысячи лет от сотворения мира и религиозно-мистического истолкования этого срока в мире распространились суеверные слухи о наступающем в 7000 году конце света. После того как роковую черту благополучно миновали и суеверные люди успокоились, Мос-

ковский церковный собор сразу же, в сентябре 1492 года, перенес начало года с марта на сентябрь. Но только в 1700 год — после указа Петра I — сентябрь занял свое сегодняшнее место.

Согласно так называемому календарю счастливых камней, осени и сентябрю посвящается *сапфир*, схожий по цвету с осенним небом. Это синий или темно-синий прозрачный корунд ювелирного качества, окрашенный примесями железа и титана. Сапфиры Урала серо-синие, а сапфиры Хибин имеют зеленоватый оттенок при густой темно-синей окраске. По древним поверьям, сапфир считался камнем, дающим верность, целомудрие и скромность, сохраняя от гнева и страха, был символом надежды и созерцания.

Согласно древнему поверью, камень тех, кто родился в сентябре, — *хризолит*. В переводе с греческого его название означает *золотой камень*. Он по праву награжден поэтическим титулом *вечерний изумруд*.

По календарю счастливых цветов, сентябрю соответствует *астра*. В сентябре рекомендуется дарить георгины, герань, ромашки, гладиолусы и герберу. Согласно правилам цветочной аранжировки икебана, осенний букет должен быть тонким, полупрозрачным.

По календарю сбора лекарственных растений, в сентябре заготавливают корневище айра, траву багульника, наросты березового гриба (чаги), цветки бессмертника, листья брусники и крапивы, боягу, кору калины, споры липоподия, корни одуванчика и белозора.

Сентябрь — время наблюдений за небом, месяц особой активности синиц, пора массового отлета птиц в теплые края. В лесном календаре известного писателя-натуралиста В. Бианки месячный период до 21 сен-

тября назван месяцем стай, а после этой даты — месяцем прощания перелетных птиц с родиной.

В соответствии с современным календарем рыболова, в этом месяце лучший клев у окуня и щуки, плотвы и язя.

Согласно гороскопу друидов, проводящих связь человеческих характеров с деревьями, первым двум дням сентября соответствует сосна, затем до 12-го числа — ива, до 23-го — липа, а последним днем месяца — орешник. Согласно этому гороскопу, судьба человека, его будущее, характер и способности зависят от удаления Солнца от Земли в день его рождения.

Согласно астрологической таблице знаменитого «Брюсова календаря», на сентябрь приходится три несчастных дня — 2, 3 и 23. Однако не будем принимать всерьез это древнее приращение. Лучше обратимся к именному календарю и поимеем день своих именин. А именинники в сентябре по дням: 1-го — Андрей и Тимофей, 6-го — Арений и Петр, 7-го — Григорий, 8-го — Наталия, 9-го — Пимен и Анфиса, 10-го — Анатолий, Вениамин, Игнатий, Илларион, Макарий, Павел, Пимен, Феодор, Арнадна, Анна, Алексий, Даниил, Иоанн, 11-го — Александр и Арсений, Гавриил и Ефрем, Иоанн и Павел, 13-го — Геннадий, 14-го — Симеон и Марфа, 15-го — Феодот и Руфина, 16-го — Иоанн и Петр, 17-го — Иулиан и Феодор, 18-го — Глеб, Давид, Михаил, Елизавета и Ранса, 19-го — Макарий, 20-го — Иоанн, 22-го — Иосиф и Никита, 23-го — Андрей и Павел, 24-го — Дмитрий, Сергей и Ия, 25-го — Симеон и Феодор, 26-го — Иулиан и Петр, 27-го — Иоанн, 28-го — Иосиф, Никита и Феодот, 29-го — Виктор, Иосиф и Людмила, 30-го — Вера, Любовь, Надежда и Софья.

„Семья и школа“
в 1991 году

Предполагаем напечатать
продолжение книги
Валерия Чимарова
«Мать и дитя»
о втором годе жизни
ребенка

Антиалкогольная кампания в обществе затухла. Но это не значит, что алкоголизм родителей перестал калечить физическое и нравственное здоровье детей. Мы обращаемся к вам, родители, особенно молодые, читайте статьи под рубрикой «Стоп-сигнал»: они помогут вам уберечь себя и близких от этого зла.

Сила двух слонов

Если сравнить слона и коня (единицей измерения является пешка), то они равноценны и оцениваются в силу 3-х с половиной пешек. Но в игровой практике два слона представляют грозную силу, особенно если игра носит открытый характер (есть свободные линии и диагонали). Как известно, недостаток слона — недоступность для него полей определенного цвета. При наличии пары слонов этот недостаток менее заметен. Разумеется, при оценке позиции большую роль играет положение королей, других фигур, пешечная структура. Все же лучшие шансы чаще имеет сторона, обладающая двумя слонами.

Разберем пример.

Алехин — Эйве, 1938 год.

Позиция белых: Kpg1, Фс5, Лб1, Cf3, Cg3, a3, e3, d4, e3, f2, h2, h5.

Позиция черных: Kpg8, Фд7, Лh8, Кс8, Кf6, a6, b5, d5, e6, f7, g7.

Ход белых.

Задача белых — раскрыть позицию, чтобы «заработали» слоны.

1. h6! (теперь конь f6 лишается опоры, но не лучше 1...Л:h6, так как после 2. a4 Ka7 3. Фd6 ферзевый фланг черных оказывается разгромленным) 2. Се5 Kpg7 3. a4 ba 4. c4! Ke7 (нельзя 4...dc из-за 5. C:f6+) 5. cd K:d5 6. Kph1 Лс8 7. Лg1+ Kph7 8. Фа3 Лg8 (от нескольких угроз защиты не было, 8...Лс3 не проходило ввиду 9. Фf8) 9. e4. Дальнейшее просто: 9...Л:g1+ 10. Kp:g1 Фb5 11. ed Фb1+ 12. Kpg2 Фg6+ 13. Kpf1 Фb1+ 14. Kpg2 Фg6+ 15. Cg3 K:d5 16. C:d5 ed 17. Ф:a4 h5. 18. h4. Черные сдались.

Прекрасный пример на реализацию двух слонов. Но если позиция носит закрытый характер, то слоны теряют свою силу, так как пешки ограничивают их подвижность. И нередко в таких случаях оказываются сильнее кони.

Ответ на домашнее задание (оценка позиции): у белых лучше, так как у черных ослаблена позиция короля, поля g7 и h6.

У белых есть возможность сразу начать атаку:

1. Фh6! с угрозой Kg5. 1... f6, дальнейшее вынужденное ослабление позиции. 2. h4, белые стремятся к вскрытию вертикали h.

2... Лf7 3. h5 Лg7 4. hg hg 5. e3, подключая к атаке еще и слона. Через несколько ходов черные сдались. Вот так примерно нужно было рассуждать, разбирая позицию.

Конкурс шахматных семей

Задание 17

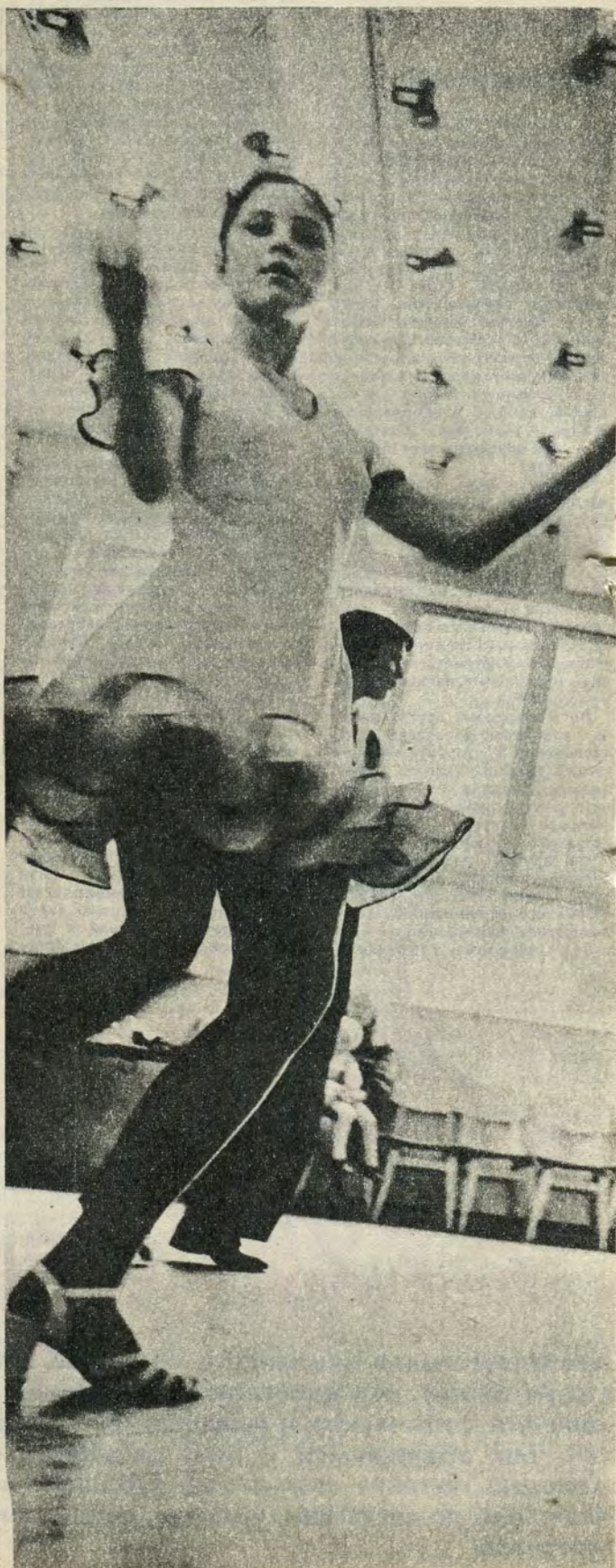
Позиция белых: Krb3, Ла5, Лс7 Кс4, b4, b5, e3, f2, g2, h2. Позиция черных: Kpd8, Ла8, Лb8, Кd7, a7, e5, f6, g7, h7.

Ход белых. Выигрыш.

Задание 18

Позиция белых: Кра8, Се5, с7. Позиция черных: Kpg5, Фb1, h3. Ход черных. Найти выигрыш.

Н. ЮНЕЕВА

Отдел литературы «Семьи и школы»
в 1991 году:

юбилейные материалы о творчестве С. Т. Аксакова, М. А. Булгакова, А. П. Гайдара, И. А. Гончарова, О. Э. Мандельштама, И. Г. Эренбурга; размышления о книге Евгении Гинзбург «Крутой маршрут»; о дневниках К. И. Чуковского; повесть Льва Куликова «Любовь Оксаны Лунько»; традиционные странички «Для малышей»; обзоры книжных новинок.

читатель — читателю

Протянем руки друг другу

Два письма из нашего апрельского номера в нашей новой рубрике вызвали совершенно невероятное количество откликов. В одном из них, как читатели, вероятно, помнят, 12-летняя школьница из Томска Наташа Тихонова написала, что хотела бы переписываться с ребятами, которые любят собак. А мы своей редакционной приписке предложили юным читателям писать на адрес редакции с тем, чтобы письма эти переслать потом Наташе (дело в том, что без согласия и разрешения родителей ребенка мы не можем печатать в журнале его домашний адрес).

Так вот, писем для Наташи пришло и приходит до сих пор — множество, их уже несколько сотен. Разумеется, ясно, что большая часть откликнувшихся пишет не конкретной Наташе Тихоновой, а родственной, так сказать, душе, товарищу по увлечению. Это великолепно. Великолепно, что так много детей самого разного возраста — от семи до семнадцати — любят домашних животных (в письмах рассказывается не только о собаках, но и о кошках, хомячках, рыбах, птицах и других любимцах), любят природу, рады помочь другому и советом, и конкретным делом. Но и немножко грустно от обилия этих писем — значит, их авторы не нашли в своем окружении сочувствия, не нашли таких же, как и они, увлеченных, с кем можно было бы дружить, говорить и о собаках и обо всем-всем.... Можно только представить, сколько ребят вообще не решились писать... И лишь предполагать мы можем, сколько взрослых наших читателей тоже хотели бы переписываться с такими же, как они, одиночками, кого понимают лишь Джек или Мурка...

Взрослые! Пишите и вы нам, через «Семейный досуг» мы свяжем друг с другом. И у читателей из Казани могут появиться друзья сразу и в Сочи, и в Магадане. Дефицит общения — это та язва, что разъедает души сегодня. «Семья и школа» эту язву лечит!

Вернемся теперь к письмам детей Наташе Тихоновой. Многие прислали письма в двух конвер-

тах — в одном обращении к редакции, во внутреннем, запечатанном, само письмо Наташе. Эти ребята поступили лучше всех, их письма (разумеется, не распечатывая) мы переправили в Томск. Отправили туда и еще некоторые письма, из содержания которых было ясно, что переписываться их авторы хотят только с Наташей. Всего набралось таких писем около сотни, так что летние каникулы Наташе мы обеспечили полезным досугом. Больше ей вряд ли осилить понахал.

Остальные письма мы распределили еще примерно по двадцати адресам — исходя из текстов писем; некоторые ребята так прямо и просили, чтобы им прислали адреса мальчиков и девочек, желающих переписываться с такими же, как они, любителями животных. Сразу просим извинения у тех, кого что-то не устроило в организованной нами переписке. Объяснимся: местоимения «мы», «нами» и т. д. — всего лишь принята формула редакционных комментариев, на самом же деле за местоимением кроется конкретный сотрудник, чаще всего один.

Коль уж у нас зашла речь об обилии писем, приглашаем к сотрудничеству тех ребят, кто может регулярно бывать в редакции, любит то, что совсем еще недавно называлось «общественной работой», ищет новых друзей, может и хочет активно переписываться: звоните (283-86-14), приходите в редакцию, мы с вами можем организовать целый штаб по переписке. Будем связывать между собой всех, кому одиноко (и не только любителей животных), кто считает себя не понятым друзьями, семьей, школой (так и хочется написать «не понятыми любимыми», но боюсь: таких писем ведь может быть очень много — десятки тысяч).

Это все об откликах на письмо Наташи Тихоновой из Томска. А вот на письмо Андрея Николаевича Заровецкого из Свердловской области в редакцию пришел только один отклик — зато самого Андрея Николаевича. Остальные отклики (их тоже сотни, а может, и тысячи) пришли непосредственно в поселок Зюзельский, благо что адрес А. Н. Заровецкого в журнале был напечатан. Помните, Андрей Николаевич предложил выслать всем страждущим (совершенно безвозмездно) семена лекарственных трав девясила и синюхи голубой. Напечатали мы письмо его без всякой особой цели — человек предложил свою помощь больным, наша задача была только донести его слово до многих. Почему Андрей Николаевич предложил семена только этих двух трав — мы не задавали вопроса, да и какое это имеет значение — главное, что предложил. Другим и такой вид

помощи (все-таки дело это не очень быстрое, из полученных от Андрея Николаевича семян траву ведь надо еще вырастить) — большое благо.

Говорим о милосердии мы сейчас много, а вот реальных проявлений его значительно меньше. И все же подвижники и просто люди душевные у нас не перевелись, их много; только не все знают, как и кому практически они могут помочь. К такому подвижничеству мы, кстати, и зовем мальчиков и девочек, которые могли бы помочь организовать переписку между подростками из самых разных уголков страны. Представьте себе, сколько инвалидов-детей сидят у себя по домам, судьбой обреченные на общение с очень ограниченным кругом людей, среди которых детей зачастую вообще не бывает; сколько девочек приходят домой из школы и обливаются слезами из-за отсутствия подруги, с которой можно было бы посекретничать или просто поболтать... Вы прикните, сколько девочек считают себя дурнушками и по этой причине не произнесли ни одного слова с мальчишками-сверстниками... А ведь как легко и свободно они могли бы разговаривать в письмах, как они выросли бы в собственных глазах — у них есть друг или даже друзья! Не говорим уж о миллионах очкариков-умников, которых лупят нещадно только из-за того, что они начитанные и развитее сверстников. Думаете, им не хочется поговорить с таким же умником о фресках Тасси, к примеру?

Словом, так: пишите нам все, кому это нужно. Со штабом или без, но мы постараемся переслать ваши письма единомышленникам.

И еще раз об А. Н. Заровецком. Его большое письмо с некоторыми советами народного целителя-травника мы постараемся напечатать в ближайших номерах. Кроме того, Андрей Николаевич пишет, что мы несколько забежали вперед, пообещав, что семена будут высланы без задержки — их ведь надо еще вырастить! Так что первые конверты с семенами Андрей Николаевич сможет выслать только осенью, после сбора «урожая».

Кстати, о конвертах. А. Н. Заровецкий — пенсионер, живет в небольшом уральском поселке, лишней средств у него, скорее всего, нет, поэтому, посылая ему письмо, не забывайте вкладывать конверт с маркой для ответа. На конверте напишите свой адрес. Если кто может, то присылайте и просто чистые конверты с марками (да и писчая бумага не помешает) — чтобы Андрею Николаевичу можно было ответить забывчивым корреспондентам. Надо сказать, что о конвертах и прочем Андрей Николаевич ничего не говорил,

это мы, как говорится, от себя. Просто редакционный опыт подсказывает нам это обращение к читателям. И еще: о почерках, адресах и подписях. В редакцию мы уже привыкли ко всем почеркам, хотя, конечно, предпочитаем машинопись. Но поставьте себя на место пожилого человека, который целыми днями расшифровывает ваши послания. Так что уж постарайтесь, пишите Андрею Николаевичу поразборчивей. То же самое можно сказать и детям, вступающим друг с другом в переписку: аккуратность письма, его грамотность и разборчивость — своеобразный портрет автора послания. Ну а что касается писем к нам в редакцию, то тут уж смотрите сами, как вам писать. Только, пожалуйста, подписывайте полностью свою фамилию, имя и, если вышли из школьного возраста, то и отчество. И обязательно полный адрес с индексом. Много есть таких писем, на которые со страниц журнала никак нельзя ответить. Лично же автору мы вполне могли бы, используя советы специалистов, ответить на самые, казалось бы, щекотливые и интимные вопросы.

Запомните, дорогие корреспонденты: мы никогда не напечатает письма без согласия автора, никогда не поставим его истинную фамилию, если содержание письма таково, что может нанести моральный урон автору, никогда и никому не сообщаем адрес автора письма без его согласия и т. д. Поэтому просим все-таки подписываться полностью, а в тексте при необходимости указать: «Прошу письмо мое не публиковать», или «Прошу письмо при публикации не подписывать», или «Прошу письмо подписать вымышленной фамилией, изменив название населенного пункта», или «На домашний адрес прошу не отвечать, а то родители могут узнать, и мне будет плохо. Лучше мне написать на главпочтамт до востребования» и т. д., и т. п. Видите, вариантов много и лучший из них — доверие. В редакции работают опытные люди.

Ну вот вроде и все. Если будете писать нам, то заодно скажите, по душе ли вам такая форма разговора и вообще эта идея контактов? Сразу оговоримся, что и новые модели детской и подростковой одежды, и вязание, и самодельки, и кулинария, словом все хорошо знакомые вам темы по-прежнему будут печататься на наших страницах — так же как и новые незапланированные материалы. А вот какие это будут материалы — зависит от вас, от ваших просьб и предложений. Мы ждем их!

Отдел семейного досуга

КАМИЛЛА КОРО „ВОЗ СЕНА“

Начнем со стихов:

*Вот вечер шествует уже с окрестных гор,
Наводит мелу и тень на весь земной простор.
Закат еще горит, как желтизна лимона,
Но блекнет алая полоска небосклона.
Молчат кузнечики. Повсюду тишина;
Лишь жалоба ручья вдали едва слышна.
Омытая росой ночная колесница
Над миром дремлющим в безмолвии катится.
И вот уже кругом так мглысто и серо,
Что где-нибудь в углу едва прочтешь: Коро.*

Так поэт Теофиль Готье передал впечатление от пейзажей Камилла Коро — художника рассветных и закатных сумерек и тех неуловимых изменчивых состояний природы, которые и составляют ее суть, или, поэтически говоря, душу. До Коро среди европейских пейзажистов не было никого, кто бы так глубоко проникал в тайное трепетное естество природы. После же Коро, похоже, лирический пейзаж, прославивший его, все больше вытеснялся на обочину художественного процесса, заменялся аналитическим пейзажем (как, скажем, у Сезанна) или исповедальным (какие писал Ван Гог). Таким образом, Коро — художник единственный в своем роде: он пришел как бы из ниоткуда и ушел, не оставив ни школы, ни учеников.

Коро родился в 1796 году в буржуазной семье и живописью начал заниматься поздно. В юности, по воле отца, он целых восемь лет убил понапрасну, пытаясь стать торговцем. «Не выдержав дольше, — сказано в его автобиографии, — я стал художником. Мишаллон был моим первым учителем. Утратив его, я перешел в мастерскую Бертена. А затем остался совсем один, наедине с природой. Вот и все».

Тут следует пояснить, что Коро как художник воспитывался в русле французского академизма, освященного именем Пуссена прежде всего. И в ранних пейзажах Коро нетрудно найти следы скрытой полемики, если не борьбы с классицистическим пуссеновским пейзажем, с его холодновоатой нормативностью и предуготовленным величием. Коро с самого начала старался выйти на прямой контакт с природой, которому не мешали бы великие традиции, исторические воспоминания и высокие образцы.

Несколько раз он ездил в Италию. Писал как полагается античные развалины, копировал старых мастеров. Однако, обладая живым лирическим темпераментом и современной душой, он, стоя за мольбертом, старался не обуздать, а по возможности полно раскрыть свое «я». Эпоха романтизма с ее эмансипацией личности мало отразилась в его живописи, зато сформировала его душу. (Кстати, есть версия, что, будучи в Риме, Коро познакомился с Сильвестром Шедриным — еще одним классиком с романтической душой — и внимательно присматривался к его живописным новациям.)

Став художником, то есть неудачником в глазах семьи, Коро до седых волос оставался почитательным и покорным сыном. Существовая на скудную ренту, назначенную отцом, он во всем повиновался ему, сбрил, например, романтическую бороду, чтобы не шокировать домашних. Только на уговоры жениться не сдавался, шутил, что обвенчан с Музой: «Она — мое увлечение, моя невидимая подруга, чья молодость неувядаема, чья верность вечна».

Каждый год Коро путешествовал — изъезжал всю Францию вдоль и поперек. Особенно любил глухую провинцию. Пейзажи Коро, а он так и подписывался: «Коро, пейзажист», рождались во время его продолжительных одиноких прогулок. М. В. Алпатов писал: «Прогулка Коро — это отход от человеческого жилья. Иногда ему попадаются люди: женщины, пасущие коров или собирающие хворост, крестьяне, возвращающиеся с поля. Это не стаффаж классического пейзажа, атрибуты природы, гении мест, но это и не воздушные красочные пятна, как у импрессионистов». Рисуя людей на лоне своих пейзажей, Коро всегда находил точную меру их взаимного сочетания или, лучше сказать, сосуществования в пространстве одной картины: люди, сроднившиеся с природой, среди природы, говорящей языком человеческой души. Нужно было с бесконечной добротой относиться к Божье-

му миру, чтобы писать его так любовно, как писал Коро...

На натуре Коро писал только этюды: картина создавалась по памяти, в мастерской. «После моих прогулок, — рассказывал он, — я на несколько дней приглашаю к себе в гости Природу; и вот тут-то и начинается мое безумие: с кистью в руках я ищу орешки в лесах моей мастерской, я слышу, как поют птицы, как трепещет от ветра листва, вижу, как струятся ручейки и реки; даже солнце восходит и закатывается у меня в мастерской». Он работал как одержимый, не замечая времени, волховал и безумствовал с красками, и вместе с тем ему никогда не изменяло в высшей степени трезвое чувство действительности. Мы встречаем в его картинах поэтические, даже фантастические мотивы, но прежде всего — это картины строгого реалиста, понимающего действительность и дорожающего ею. Фантастичность (частая) замыслов и точность (постоянная) в деталях — это одна из самых пленительных черт манеры Коро.

Воспроизводящийся здесь «Воз сена» — прекрасный образец зрелой манеры Коро. Продолжаем читать Алпатова: «Старое придорожное дерево, залитая водою дорога, поле, разбросанные избушки, воз сена — к этому сводится сюжет картины. Дерево — хмурое, поле — бесконечно тусклое, небо — серое, облачное. Но вот подул ветер, мелькнул среди облаков кусочек лазури, выглянул робкий солнечный луч, блеснула полоска поля, и этой кроткой улыбке пейзажа вторит голубая рубашка крестьянина на возу — единственное цветное пятно во всей притушенной симфонии красок. Миг просветления после долгих пасмурных дней! Кто чутко к природе, пусть радуется этому мгновению — вот что говорит картина Коро».

О жизни Коро можно было бы говорить много. Мы ограничимся несколькими словами. Он был простым, добросердечным человеком, ко всему внешнему относился с мягкой иронией мудреца. Когда в 1849 году его наградили орденом Почетного легиона (первый и последний официальный успех), он предпочел подчеркнуть в этом событии комическую сторону:

дело в том, что Коро-отец долго не мог поверить в награждение сына-неудачника и считал, что произошла ошибка и орден предназначается ему.

Слава Коро росла с годами, но так и не стала официальной славой. Коро и государство не интересовались друг другом. Говорят, Наполеон Третий заметил: «Чтобы по-нять Коро, нужно слишком рано вста-

вать». Сам же он говорил: «Чтобы по-нять мои картины, нужно набраться тер-пения и дожидаться, пока поднимется ту-ман». Слава ни в чем не изменила его. Он остался, как и был, неприятель-ным, великодушным, щедрым. Нищему и полуослепшему художнику Домье он пода-рил дом. Несмотря на спрос, продол-жал очень дешево ценить свои картины.

Многие недоумевали — почему, а он, лука-во улыбаясь, отвечал: «Если я изменюсь,— изменится и моя живопись. Лучше уж мы останемся прежними».

Умер Коро в 1875 году в Париже и был похоронен на кладбище Пер-Лашез.

В. АЛЕКСЕЕВ

ЧУК

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятами к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далёком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днём и ночью сверкали над башнями этого города красные звёзды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загредел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама! А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слёзы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, эта была не мать, а почтальон, который принёс письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый

замечательный город, но когда папа вот уже целый год как не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба её прекрасных сына, лежа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясется картина над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над её тёмными бровями.

Всем известно, что письма бывают весёлые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за её лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо весёлое.

— Отец не приедет, — откладывая письмо, сказала мать. — У него ещё много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо оказалось самым что ни на есть распевающим.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не приедет, — продолжала мать, — но он зовёт нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак человек, — вздохнула мать. — Хорошо сказать — в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

— Да, да, — быстро подхватил Чук, — раз он зовёт, так мы съедим и поедем.

— Ты глупый, — сказала мать. — Туда ехать тысячу и ещё тысячу километров поездом. А потом в санях лошаадьми через тайгу. А в тайге наткнёшься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, всё их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что весёлый у нее был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножа, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в нее гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воров. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без неё у Чука с Гекком случилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведёт их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились.

У запастившего Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обёртки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчинные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и ещё всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шел доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошёл почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошёл узнать, почему это Гек уже не поёт песни, а кричит:

P-pa! P-pa! Ура!

Эй! Бей! Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел какой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, раз-

И ГЕК

АРКАДИЙ ГАЙДАР

дохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в жёлтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберёг в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пикой, переломил её о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорблённый Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» — в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почуввав неладное, вслед за Чуком понёсся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и её утаил какой-то прохожий, но, так или иначе, вместе со всем обром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадёт им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя, — вздохнул Гек. — Мама за враньё всегда ещё хуже сердится.

— А мы не будем врать! — радостно воскликнул Чук. — Если она спросит, где телеграмма, — мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперёд высказываться? Мы не выскочки.

— Ладно, — согласился Гек. — Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но всё же она сразу заметила, что у её дорогих сыновей лица печальные, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане, — отряхиваясь от снега, спросила мать, — из-за чего без меня была драка?

— Драки не было, — отказался Чук.

— Не было, — подтвердил Гек. — Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

Рисунки А. Распопова

— Очень я люблю такое раздумье, — сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твёрдые зелёные билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь чёрные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако все вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и жёлтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил напиться. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука — не проснется ли. Чук сердито фыркнул и не проснулся.

Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамейки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило еще десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с желтыми золочеными ручками.

Гек сидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошёл проводник с фонарём и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушёл, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель.

А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы и тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на Гек глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

— Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что было мочи. Перепуганные пассажиры повскакивали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидав, что он попал не в свое купе, а в чужое, Гек заорал еще громче.

Но все люди быстро поняли, в чем дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастерку и отвел Гека на место.

Гек проскользнул под свое одеяло и притих. Вагон покачивало, шумел ветер.

Невиданная огромная луна опять озарила голубым светом вздрагивающий стакан, оранжевый апельсин на белой салфетке и лицо матери, которая во сне чему-то улыбалась и совсем не знала, какая беда приключилась с её сыном.

Наконец заснул и Гек.

...И снился Геку странный сон:

Как будто ожил весь вагон.

Как будто слышны голоса

От колеса до колеса.

Бегут вагоны — длинный ряд —

И с паровозом говорят.

Первый:

Вперёд, товарищ! Путь далёк

Перед тобой во мраке лёт.

Второй:

Светите ярче, фонари,

До самой утренней зари!

Третий:

Гори, огонь! Труби, гудок!

Крутись, колёса, на Восток!

Четвёртый:

Тогда закончим разговор,

Когда домчим до Синих гор.

Продолжение следует

30 коп. Индекс 70909

«Школа вчера, сегодня, завтра»: диалог
московского учителя Андрея Петровича
Загорского и известного психолога Алек-
сея Алексеевича Леонтьева

Бенджамин Спок. «Путе-
водитель подростка по жизни и любви»

Как объяснить сыновьям и дочкам, откуда бе-
рутся дети?

Журнал постарается помочь родителям, напеча-
тав популярную работу врача А. Аударине и ху-
дожника М. Пубниньша из Риги «Откуда берутся
дети!»

Если общество в кризисе, то кризис переживает и его первая ячей-
ка — семья. Вместе с Вами, читатель, мы будем стремиться осо-
знать сегодняшние проблемы в статьях под рубриками «Общество
и семья» и «Родительская ассоциация», где выступят демографы,
политики, социологи, публицисты

журнал
"Семья и школа"
в 1991 году

